

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

М.А.Абрамов

ДОГМЫ И ПОИСК
(сто лет дискуссий о диалектике в
английской философии)

Москва
1994

ББК 87.3
А 16

Ответственный редактор
к.ф.н. *Е.А.Самарская*

Рецензенты:
д.ф.н.: *А.Л.Андреев, А.Л.Никифоров;*
к.ф.н. *Ю.Ф.Вишняков*

А 16

Абрамов М.А.

Догмы и поиск (сто лет дискуссий о диалектике в английской философии). - М., 1994. - 210 с.

Книга посвящена малоизученному фрагменту истории марксистской философии - ее незадавшейся судьбе в Великобритании, стране классического капитализма.

Почти в столетних дискуссиях о материалистической диалектике в партийных и академических кругах Англии, ее превращение в "диамат", официальную доктрину Коминтерна, выявилась научная стерильность диалектики, ее апологетическая функция.

Появление в середине нынешнего столетия в университетских программах, деполитизированного, независимого марксизма, пробуждает историко-философский интерес к нему, что, по мнению автора, знаменует своеобразный happy end этой запутанной истории.

ISBN 5-201-01841-1   ©М.А.Абрамов, 1994
©ИФРАН, 1994

Введение

Изучение конкретно-исторических судеб той или иной доктрины всегда поучительно. Как во всяком опыте, здесь важны и положительные, и отрицательные результаты. Марксизм же, - а именно о нем пойдет речь - перерастает рамки международного рабочего движения и после Второй мировой войны его становится фактором мировой культуры.

Марксизм в Великобритании - вопрос особый. Страна является прародительницей современного рабочего класса и соответственно рабочего движения. Экономическая, идеологическая и политическая борьба рабочего класса приобрела здесь классические формы. Не случайно основоположники марксизма опирались в своих теоретических разработках на "английский" материал.

Тем не менее, марксистские организации в Англии остаются в течение долгого времени малочисленными по составу, а марксистская философская мысль за почти сто лет не породила сколько-нибудь заметных школ¹. Нельзя, впрочем, игнорировать известный вклад, внесенный британскими марксистами в разработку проблем философии, социологии, как это делают некоторые англоязычные авторы [см., напр., 124].

Одним из расхожих объяснений этого отставания является тезис об "онтологической" несовместимости марксизма с английским духом. Вывод о неприживляемости марксизма на британской почве делал уже в 1908 г. Р.Макдональд [121]. 65 лет спустя ему вторит С.Пирсон [133, с.70]. Вместе с тем Пирсон вносит опре-

---

¹За исключением, может быть, школы английских марксистов-историков, завоевавшей международный авторитет.

деленный корректив: неуспех претерпел прежде всего *революционный* марксизм. Реформистский же марксизм, напротив, продемонстрировал некоторые иные возможности [133, с.XV].

Если уж признавать долю правды в таких утверждениях, то главным образом по отношению к диалектике как специфической характеристике марксистской философии. Если материализм, как писал Маркс, - прирожденный сын Великобритании, то диалектика в течение долгого времени находилась на положении бедной родственницы или того хуже - падчерицы. Свыше полувека английскому читателю приходилось объяснять, что диалектика означает не только дискуссионный "диалектический клуб" в Лондоне, а философское понятие с весьма сложным содержанием и долгой исторической традицией.

Пессимистические прогнозы относительно судеб марксистской философии на британских островах, основанные на многих десятилетиях ее "прозябания" в виде стерильного "диамата" на страницах партийных изданий, все-таки слишком поспешны. Ведь нельзя отрицать, что в глобальном масштабе марксизм, по выражению С.Хука, есть кредо наиболее массового движения со времен возникновения христианства.

В последние два десятилетия интерес в Англии к марксизму резко возрос. Марксизм завоевал прочное положение в университетских программах. Монографии, сборники, словари по марксистской мысли становятся привычным чтением. Вряд ли этот "бум" можно объяснить современной социально-политической ситуацией в мире и в Великобритании. Напротив, известно, что на континенте марксизм претерпевает последние десятилетия серьезный кризис.

Видимо, сыграли свою роль исторические традиции марксистской мысли. С различной степенью интенсивности они пропитывали культурную атмосферу и оказывали воздействия, не всегда очевидные для рецепиен-

тов, на исторические, политэкономические, социологические и философские исследования. Принципиально важным результатом послевоенного развития представляется выход марксистской научной проблематики за пределы партийной литературы, внутрипартийного обсуждения и идеологических задач. Марксистская мысль становится существенным компонентом духовной культуры. Претензия на монопольное владение "истинной", единственно научной интерпретацией марксизма теряет кредит.

Особенность данной работы - намеренное сужение объекта исследования. Проблема диалектики является концентрированным выражением нелегкого процесса "натурализации" марксистской философской мысли на британских островах. Именно на проблеме диалектики и сосредоточено внимание автора. Рассматривается исторический процесс изживания диалектофобии (впрочем, этот процесс можно трактовать и как ослабление иммунитета традиционного британского эмпиризма).

В самом деле, почему одно слово "диалектика" вызывало у некоторых известных англоязычных деятелей международного социалистического движения, таких как Де Леоне, Истмен, приступ острой аллергии. На первых порах это можно объяснить слабой распространенностью сочинений Маркса и Энгельса, также как и Гегеля, переводы работ которых начали появляться лишь к концу XIX столетия. При традиционной британской "нелюбви к теории" диалектика, возможно, казалась излишне рафинированным заморским философским продуктом.

С другой стороны, диалектика, важнейший компонент "диамата", - обязательный элемент большевизации компартий; канонизированная в известном втором разделе IV главы "История ВКП(б) (краткий курс)"; превратилась в грамматику двоемыслия, что также блокировало непредвзятый и благожелательный подход к ее изучению.

После кратковременного увлечения марксизмом в "красные тридцатые" "диамат", скомпрометированный лысенковщиной в биологии, гонениями на кибернетику и погромами в других естественных и гуманитарных науках, полностью утратил влияние вне партийных кругов. Однако критика маститого философа Б.Рассела и восходящего светила К.Поппера явилась хорошим вызовом [см.145,140; ср.26]. И после XX съезда КПСС появляются первые, еще робкие признаки оживления самостоятельной марксистской мысли, особенно на страницах журналов "Нью Лефт ревью" и "Марксизм тудей". С середины 60-х гг. университетский марксизм начинает конкурировать с партийным ортодоксальным и становится заметным культурным фактором. С конца 70-х гг. начинается новый этап развития марксистской мысли, этап решительного освобождения от догм и этап свободного "открытого" марксизма, ознаменованный выходом труда Корнфорта "Коммунизм и философия"(1980).

В настоящем исследовании принята следующая периодизация процесса распространения и освоения марксистской философии в рамках рабочего социалистического движения, а затем и вне этих рамок: *первый* период простирается от начала 80-х гг. XIX столетия, когда была основана Демократическая Федерация, ставшая в 1884 г. Социалистической демократической федерацией (СДФ), до 1917 г. *Второй* период охватывает межвоенные годы от Октябрьской революции и основания Коммунистической партии Великобритании и до Второй мировой войны. *Третий* период - послевоенные годы до конца 70-х гг. Период легализации марксистской мысли с середины 70-х гг. по настоящее время требует специального исследования.

Что касается источников, то в работе использованы не только британские издания. Традиция смешанных изданий в англоязычных странах, когда книга, к примеру, одновременно выходит в Лондоне, Нью-Йорке и Торонто, позволяет "учесть" не только работы собственно

английских авторов. В некоторых случаях такой подход формален, книга М.Адлера из колумбийского университета о диалектике [67], изданная в Лондоне и Нью-Йорке, не получила сколько-нибудь заметного отклика на британских островах, тогда как монографии С.Хука вызвали осязаемый резонанс и стали важным компонентом духовной атмосферы "красных тридцатых" в Англии.

В отношении состояния исследований по данной теме в отечественной философской науке следует заметить, воздавая должное сделанному, - оно оставляет желать лучшего. Распространение марксизма в различные периоды истории освещается в ряде обзорных работ Е.Ф.Помогаевой, статьях Ю.П.Михаленко, И.С.Нарского, работе В.П.Подкуйченко [см.46-51; 38; 43], но целостного анализа развития марксистской философии, взвешенных, объективных оценок социокультурных последствий, воздействия на философский процесс пока нет.

Все сказанное, как кажется, актуализирует данное исследование.

Глава I. Марксизм в викторианской Англии

1. Англия в последние годы жизни Маркса и Энгельса. Г.М.Гайдман - основатель английской социал- демократии

В передовой стране капитала, какой являлась Англия XIX в., многое в истории рабочего движения, в истории борьбы за социализм происходило впервые. Английские рабочие - первенцы современной промышленности, говаривал Маркс. Именно потому их опыт заслуживает особого внимания как "архетип".

Маркс отмечал, что нигде деспотизм капитала и рабство труда не достигли такого развития, как в Великобритании. Зрелость классовых противоречий, казалось, сама собой свидетельствовала о том, что рабочий класс Великобритании будет раньше всех подготовленным и призванным к тому, чтобы стать во главе великого движения, которое в конечном итоге должно привести к полному освобождению труда. Маркс был убежден, что для успешного завершения этой миссии у пролетариата достаточно сил, но потребуется организация этих объединенных сил.

Такая высокая оценка навеяна мощным революционным подъемом английского пролетариата в период чартистского движения (1837-1848 гг.). Высшая точка этого движения пришлась на 1842 год. Последний всплеск его падает на 1848 г., когда во многих странах Европы совершились буржуазные революции.

Чартистское движение, выдвинувшее революционные для своего времени требования, как известно, не со-

ждало своей социалистической теории. Попытки сформулировать сугубо социалистические требования относятся к началу 50-х гг., т.е. к периоду угасания движения и, возможно, связаны с публикацией на английском языке Коммунистического манифеста.

Поражение чартизма открывает новый период в истории рабочего движения, и, как всегда после поражения, этот период был тяжелым, мучительным осмыслением ошибок и упущений. Отступление было налицо, и буржуазия стремилась развить успех. Маркс писал: "Благодаря периоду коррупции, наступившему с 1848 г., английский рабочий класс был постепенно охвачен все более и более глубокой деморализацией и дошел, наконец, до того, что стал простым придатком "великой либеральной партии", т.е. партии своих собственных работников, капиталистов"¹. Это привело к тому, что английское рабочее движение свелось к стачечной борьбе за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, причем эти стачки рассматривались как конечная цель².

Упадок политической активности рабочего класса сказывался на деятельности профсоюзов, объединявших квалифицированных рабочих различных специальностей.

У.Крэк в "Краткой истории современного рабочего движения Англии" (1918), первой марксистской работе на данную тему, отмечает тенденцию профсоюзного движения к достижению временных соглашений с предпринимателями вместо забастовок. В уставах профсоюзов появляются запреты на обсуждение политических вопросов. И это после того, как под влиянием массового народного движения были приняты реформа о религиозной свободе 1829 года, парламентская реформа 1832г., отмена торговых ограничений в 1846 г.

---

¹См. письма К.Маркса к В.Либкнехту II.П. 1878 г. [34].

²См. письмо Ф.Энгельса к Э.Бернштейну 17.VI.1879.[34]

Экономической подошкой спада рабочего движения, его политической индифферентности была установившаяся к середине столетия промышленная и колониальная монополия Великобритании. Энгельс отмечает тот факт, что рабочие преспокойно пользуются колониальной монополией и монополией на всемирном рынке.

Хотя социалистическая деятельность никогда окончательно не прекращалась - и не только в форме "христианского социализма", как показала В.Кунина в своем исследовании [32]³, тем не менее, нельзя не отметить определенное затишье в классовых боях в 50-70 годы XIX в. "Подвижка" началась с середины 70-х, когда депрессия вызвала серьезный кризис в сельском хозяйстве. Известно, что английский пролетариат, в отличие от рабочего класса на континенте, полностью отчужден от земли. В начале 80-х гг. при населении 35 млн. человек 500 аристократических семейств владело более чем шестой частью всех земель. Вскоре депрессия захватила и некоторые промышленные области. Ощутимо выросла безработица.

80-е гг. XIX столетия образуют, по мнению многочисленных исследователей, определенный рубеж в экономической, политической и социальной жизни Англии, в истории рабочего движения⁴. Эпоха классического капитализма подошла к концу, в Англии возникают социалистические организации.

Вопреки мнению иных лейбористских историков, оценивающих "восьмидесятые" как период дальнейшего обуржуазивания рабочего класса, в это десятилетие зарождается организованная пропаганда идей научного социализма, и возникшие социалистические организации начинают активные поиски, хотя и не всегда удач-

---

³ По наблюдению Энгельса: "С тех пор как вымер оуэнизм, в Англии больше не было социализма". (Ср. с 3)

⁴ Наиболее авторитетна здесь книга Хелены Линд [см.119].

ные, путей к социализму⁵. Магистральный путь к социализму виделся через создание подлинно массовой рабочей партии.

Вопрос о самостоятельной рабочей партии стоял в Великобритании весьма остро, поскольку в стране конституционных свобод политическая жизнь сводилась к традиционному балансированию двух партий - Тори и Вигов, впоследствии консервативной и либеральной партий. Отсутствие классового самосознания рабочего класса приводило к парадоксальной поддержке своих классовых врагов, на что с горечью указывал Маркс⁶.

Те же чувства это покорное следование за буржуазной колесницей вызывало у участников рабочего движения Э.Б.Бакса и У.Морриса, которые характеризовали буржуазные партии как адекватное выражение лицемерия, трусости, близорукости английского "среднего класса", тащившего за собой рабочий класс [77, р.182].

Экономические привилегии, отмечал Ленин, создали соответствующие политические привилегии для почтительных, реформистских, смиренных и патристических служащих и рабочих. Так создается "прочное оборудованная система лиц, мошенничества, жонглирования модными популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии" [см. 33, т.30, с.170].

Несомненно, повышение уровня жизни части рабочего класса, культивирование реформистских традиций - одно из проявлений эпохи "великого" царствования королевы Виктории - мещанского, самодовольного века. Прогрессиистские иллюзии "среднего" класса питались убеждением, что предприимчивый человек - кузнец своего счастья, а старания предпринимателей и есть та са-

---

⁵Различные оценки раннему периоду марксистского рабочего движения в Англии были даны в дискуссии на страницах журнала "Марксизм Тудей" в конце 50-х гг. XX столетия [см.53].

⁶См. цитированное выше письмо Маркса к В.Либкнехту.

мая смитовская "невидимая" рука, устраивающая благоденствие общества из суммы индивидуальных стремлений к удовлетворению частного интереса.

Именно в эту эпоху сложились психологические черты англичан, которые буржуазные исследователи выдают за вечные, "изначальные" и т.п.⁷ и которые оказались камнем преткновения для социалистической пропаганды.

Первой особенностью "темперамента англо-саксонской расы в моральном и интеллектуальном плане со средних веков и до конца средневикторианского периода" [76, р.188] можно назвать его пресловутый практицизм и порождаемую им "нелюбовь к теории". Психологически эта черта выражается в осторожности, избегании крайностей, расчетливости. Эта черта, которую трудно разглядеть в Елизаветинский век, у героев Шекспира, например, развилась в период прогрессирующего капитализма и представляет из себя наивную форму утилитаризма.

Одно из следствий практицизма метко подметил Маркс. Он указывал, что английским рабочим не хватает духа обобщения и революционной страсти. Последняя плохо уживается с осторожным и предусмотрительным английским конституционализмом, который тем не менее является свойством благоприобретенным и в эпоху Кромвеля, если и играл свою роль, то вместе с революционной страстью.

Что касается отсутствия духа обобщения, то независимо от того, является ли это причиной или следствием практицизма, социалисты-агитаторы в один голос "жаловались" на то, что рабочие плохо схватывают абстрактные идеи. Правда, здесь, может быть, сказывается нетерпеливость лекторов. Старый социалист Т.Джесон вспоминает: "Члены Социал-демократической Федерации думали, что их долг выполнен, когда они, беседа с

---

⁷См. главу 2, 2.

рабочими, открывали им глаза на то, что их ограбили эксплуататоры и грабеж продолжается систематически, раскрыв тут же секрет этого трюка. Из этого рабочие должны были вывести моральное заключение, что грабителей следует остановить и практически объявить им классовую войну. Когда аудитория такого решения не принимала, члены британской социалистической партии уходили с убеждением, что эти уклонки недостойны того, чтобы их спасали..." [123, p.17-18].

К этой нелюбви к абстракциям можно подобрать и философские иллюстрации. Известно, что начиная с Дунса Скота, номиналистов-эмпириков в Англии было предостаточно, причем материалистического и идеалистического толка (Т.Гоббс, Д.Беркли, Д.Юм). Макс Вебер находит и "юридическую" иллюстрацию. Он обратил внимание на отсутствие в Англии общей теории права и римского права. Напротив, существование права прецедентов препятствовало дедукции общих норм для новых частных случаев. Но можно ли отсюда делать вывод, что наличие философского и "правового" номинализма - начальная, неустранимая, онтологическая особенность "английского духа"? Ведь в истории мысли мы находим и рационалистов - Кембриджских платоников, Т.Рида, а позже оксфордских неогегельянцев. Кроме того, в шотландском судопроизводстве издревле действовало римское право.

Таким же образом затруднительно однозначно выводить из такой социальной предпосылки, как институт частной собственности, номиналистический индивидуализм и его этическое выражение - утилитаризм И.Бентама.

И все же умеренная, лояльная, осмотрительная практичность - факт и она синтезировалась в таком популярном в Англии понятии как "здравый смысл". Издавна, по выражению Маркса, англичане гордились перед Европой своим Локком и своим здравым смыслом. Некогда схоластический термин (*sensus communis*) об-

рел популярность в начале XVIII в. после эссе А.Шефтсбери "О здравом смысле" [см.146]. Шефтсбери писал там: "Что касается нас, британцев, то благодаря небу, мы имеем лучшие понятия о правительстве... Мы имеем понятия о публичности и конституции, можем правильно судить о равновесии между властью и собственностью. Максимы, которые мы отсюда извлекаем, обладают такой же очевидностью, как и математические истины" [см.146, р.13]. Эти максимы и есть истины здравого смысла и, как видно, приписаны всем британцам. Здравый смысл стал чем-то вроде национальной добродетели англичан. Впрочем, уже упоминавшийся социалист Бакс резонно указывал в Обращении к профсоюзам, что самодовольный британский здравый смысл - исторический продукт, возник в свое время, и в свое время уйдет на покой [см.75, р.167]. Далее тот же Бакс раскрывает психологию рабочего, его отношение к начавшейся социалистической пропаганде, его пресловутый практицизм. "Мы социалисты, и поэтому вы нас не слушаете. Социалисты, скажут многие из вас, непрактичные визионеры с иностранными понятиями в головах, на которые мы, как практичные британские рабочие, не имеем времени"⁸. Вы не доверяете теориям. "Все теории хороши, но они не могут поднять заработную плату или понизить цену на жизненно важные продукты потребления" [см.75, р.166].

Так же фундаментальна как практицизм неустрашимая религиозность английского рабочего, что подчеркивают многие исследователи. И.Майский в своих воспоминаниях приводит поразивший его факт истовой молитвы участников конгресса профсоюзов перед началом его работы. Коленопреклоненные делегаты молили бога даровать успех конгрессу [см.16, с.306].

---

⁸Рабочий лидер, первый избранный в парламент рабочий К.Гарди просто гордился своим практицизмом. "Мы люди практичные и мыльными пузырями не занимаемся", - говаривал он.

Особенностью религиозного вопроса в Великобритании являлся плюрализм культов и сект. Официальная англиканская епископальная церковь не могла претендовать на монопольное положение. Несмотря на ее называли церковью класса, а не нации. Показателен, однако, успех секуляристов в борьбе с влиянием церкви на бедноту. Многие видные деятели секуляризма А.Эвелинг, Д.Барнс и др. в той или иной степени включились в социалистическое движение.

Не следует преувеличивать популярность такой массовой организации как Армия Спасения (образована в 1865 г.), которая, отвергнув туманный мистицизм иных христианских сект и антидемократизм англиканства, обратилась с "евангельской проповедью" к беднейшим слоям населения. Все-таки массы были привлечены не столько проповедью, сколько открытием съестных лавок во время Великой забастовки докеров в 1889 г.

Одновременно навряд ли можно объяснить факт распространения религиозных взглядов в рабочей среде традиционным английским ханжеством. Тревога рабочих, когда они спрашивали социалистов-агитаторов, не требует ли социализм обязательного обращения в строгий догматический атеизм, неподдельна и небезосновательна.

И все-таки известный прогресс в освобождении от религиозной нетерпимости, очевиден. Если в сороковые годы воскресные прогулки Энгельса по загородным лугам Манчестера в нарушение пуританской морали объяснялись возмущенными обывателями принадлежностью к секте социниан, то в восьмидесятых уже никого не шокировало открытое проявление атеизма, хотя атеисты повсеместно считались либо глупцами, либо злодеями [см.76, р.51].

В зените викторианской эпохи, с ее апофеозом *мещанских добродетелей, воплощенных в самой королеве, эпохи респектабельности, снобизма, "постепенства" и*

ура-патриотизма-джингоизма возникает все усиливающаяся оппозиция официальному истеблишменту. Возмутителями спокойствия были ученые, художники, писатели - в основном представители творческой интеллигенции. Среди них Ч.Диккенс и Ч.Дарвин, воинствующий консерватор Томас Карлейль и эстет Джон Рескин, безобидный парадоксалист Л.Кэррол и далеко не безобидный парадоксалист Оскар Уайльд.

Каждый из них по-своему стремился дискредитировать самодовольный мирок буржуазной Англии, ограниченный гостиными, салонами.

Э.Бернштейн в своих воспоминаниях справедливо отмечает, что все новейшие английские социалисты получили первые направляющие толчки к образованию социалистических взглядов из сочинений Карлейля, Милля, Рескина, англо-американского реформатора Г.Джорджа и английского радикального неомальтузианца Драйсделя и то, что они получали из марксовых учений, они приспособливали к впечатлениям первых [см.4, с.168].

С начала 80-х гг. интеллектуальный мир, некогда строго ограниченный академическими и литературными кругами, стал расширяться. Возникает сеть массовых библиотек, организуются публичные чтения, лекции. Все это связывается с успехами в борьбе за сокращение рабочего дня. Одновременно следует указать на распространение индустрии массовых развлечений, особенно спорта, оказывающего деполитизирующее влияние на рабочие массы.

Ряд современников отмечает возникновение массовых спортивных зрелищ, как нового элемента массовой культуры [см.62, с.81-82]. Первые результаты не заставили себя ждать. Показателен такой факт. Рабочим, собравшимся узнать результат футбольного матча (Sic! - М.А.), объявили о кончине У.Морриса. "Кто он такой, черт побери?" - переговаривались рабочие.

Обратимся к философской университетской традиции с ее замкнутостью. Реальное воздействие философские исследования имели лишь на представителей верхних слоев общества, поскольку именно в "Оксбридже" воспитывалась и обучалась правящая элита.

Две трети века в Британии господствовала шотландская школа философии здравого смысла во главе с У.Гамильтоном (умер в 1855 г.). Книга Д.С.Милля "Обозрение философии сэра Вильяма Гамильтона" (1865) основательно подорвала влияние шотландской школы. На первый план выходят два наиболее влиятельных философа середины века - эмпирик и индуктивист Милль и систематик-эволюционист Г.Спенсер, оба мыслителя позитивистской ориентации. Заметим, что и основатель континентального позитивизма О.Конт пользовался значительной популярностью в Англии. Причем эта популярность приобретала политические формы⁹. В 1867 г. был образован Лондонский позитивистский комитет. Одним из его учредителей был проф. Бизли, участник I Интернационала - близкий знакомый Маркса. Как и Маркс, Бизли считал, что пролетариат нуждается в собственной теории и независимой рабочей партии. Являясь сторонником Парижской коммуны, Бизли писал Марксу: "Когда станет практический вопрос упразднения частной собственности, то вы найдете в нас крепкую оппозицию..." [см.95, p.277].

В последнюю треть XIX в. в академической среде, особенно в Оксфорде, стала завоевывать известность философия абсолютного идеализма, ориентированная на некоторые черты философско-правового учения Гегеля. Е.Б.Бакс писал об этом движении: "В философии все еще значительным было влияние Милля и еще больше Спенсера, но уже утверждалось неогегельянское движение Т.Грина из Оксфорда, его протагониста. Но

---

⁹О позитивизме можно говорить в трех смыслах: как о широкой культурной тенденции, как о философской школе и как о новой "церкви" [см.92, pp.206-207].

это не воспроизведение Гегеля как такового. Это скорее реабилитация и реадaptация всей фундаментальной линии мысли немецкой классической философии, которая хотя и окончилась на Гегеле, но начиналась с Канта" [76, p.66; ср.5].

Здесь необходимо отметить факт серьезного воздействия немецкой философской мысли, немецкой культуры вообще, который патриотически настроенные островитяне нередко отрицают. Уже в работах У.Гамильтона прослеживаются некоторые важные кантовские идеи. В творчестве С.Кольриджа и Т.Карлейля влияние Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, а также Гете, теоретиков романтизма очевидно и неустранимо. Появившаяся в 80-е гг. книга "Made in Germany" зафиксировала "немецкие влияния": проникновение изделий повседневного обихода в быт рядового английского потребителя и тем самым поставила под сомнение догму приверженцев фритреда в непогрешимости доктрины индивидуализма, отстаиваемой, по замечанию Кейнса, всеми выдающимися английскими учеными XVIII и XIX в. от Юма до Дарвина [см.112, p.14], без учета внешнеэкономических аспектов доктрины. Тот же факт имеет в виду Энгельс, когда в Введении к английскому изданию книги "Развитие социализма от утопии к науке" замечает о прогрессе неверия, что эти "новоиспеченные идеи" не чужеземного происхождения, не носят на себе марки Made in Germany подобно множеству других предметов повседневного обихода" [34, т.22, с.302].

Оксфордские неогегельянцы остро поставили вопрос об отношении государства и личности. Известно, что либералы, как истинные утилитаристы, последователи И.Бентама [39, с.348] стояли за "минимальное" участие государства в экономической, да и в социальной жизни. Главенствующую роль в общественной жизни должна desempenывать игра свободных предприимчивых индивидуальностей, их стремление к собственной

пользе; это и есть та невидимая рука А.Смита, которая устраивает "наибольшее счастье наибольшему числу людей". Любопытно, что до 1880 г. термин "коллективизм" отсутствовал в толковых словарях.

Напротив, неогегельянцы готовы в духе Гегеля допустить примат государства над личностью, поскольку индивидуальность для них логическая фикция. По выражению А.Улама, Бредли и Бозанкет бродят в опасной близости от гегелевской идеи, что государство выше личности и что к государству неприменимы критерии личностной нравственности [154, с.19; ср. с.6].

О воздействии на общественное сознание, которое оказывали мыслители "неогегельянской школы", говорит в своей автобиографии Р.Д.Коллингвуд. Реальная сила направления, утверждает он, находилась вне Оксфорда. "Школа Великих" не была центром обучения профессиональных ученых и философов; она являлась скорее местом гражданского обучения будущих церковных деятелей, юристов, членов парламента... Философия школы Грина, действуя через них, проникала и оплодотворяла каждую сторону нашей общественной жизни приблизительно с 1880 по 1910 гг. [22, с.331]. Д.Муру и Б.Расселу пришлось немало потрудиться в первой четверти XX столетия, чтобы "перебить" влияние неогегельянства, отголоски которого ощущались вплоть до II мировой войны.

Как уже отмечалось, в начале 80-х г. наблюдается пробуждение интереса к учению Маркса и его деятельности. Статья о Марксе Э.Б.Бакса, проникнутая "действительным энтузиазмом к новым идеям", порадовала Маркса, несмотря на все упущения и неточности.

В 1881 г. образовалась Демократическая Федерация, объединяющая радикалов различных толков и левых либералов. Один из ее основателей Г.М.Гайдман мыслил восстановить чартистское движение и летом этого же года выпустил брошюру "Англия для всех", которую раздавал делегатам учредительного съезда Демократичес-

кой Федерации, как ее программу¹⁰. Будучи знакомым с Марксом и консультируясь с ним по многим вопросам, Гайндман широко использовал в своей книжке результаты марксовых исследований, но не считал возможным упомянуть имя автора "Капитала". К иностранцам в Англии относились с недоверием. Узнав о брошюре, Маркс написал большое письмо Гайндману, где высказал неудовольствие его действиями. При этом Маркс указал, что в программе партии вообще следует избегать явной зависимости от отдельных авторов или трудов, но она также является неподходящим местом для новых научных открытий, подобных тем, которые Вы заимствовали из "Капитала" [см.34, т.35, с.203].

Демократическая Федерация, как уже говорилось, мыслилась ее организаторами как продолжение дела чартизма. В самом деле ее требования, такие как равное избирательное право для всех совершеннолетних мужчин, трехгодичный парламент, равные избирательные округа, оплата работы членов парламента и особенно официальных расходов из общественных фондов, приравнивание взяточничества к преступлению, ликвидация палаты лордов как законодательного органа имеют много общего с известными шестью требованиями чартистов [101, р.93], некогда названные судьями, разбиравшими дела чартистов, "безумным бредом". Гайндман не скрывает того, что эти требования лишь средства. Кроме того, в программе Федерации содержатся требования предоставления прав колониям и зависимым странам, ограничения деятельности палаты общин только национальными делами. Характерна формулировка перспектив отношения Ирландии и Англии. Они будут урегулированы только тогда, когда народы обеих стран смогут контролировать свою собственную политику и обеспечивать дома и за границей то, что является

---

¹⁰П.Кропоткин вспоминает: "Конгресс был так мал, что мы в шутку говорили, что весь конгресс жил на квартире у г-ки Гайндман" [см.30, с.423].

благом большинства, а не добычей немногих [см.101, р.129-130]. Утилитаристская, бентамовская фразеология Гайндмана обнаруживает теоретические посылки немарксистского происхождения. Это же относится и к требованию национализации земли, весьма популярному после напумевшей книги Г.Джорджа "Прогресс и бедность", восходящей в теоретическом отношении к некоторым идеям теории ренты рикардianцев¹¹.

Образование новой организации не прошло незамеченным. Уже в 1883 г. в 156. томе "Ежеквартального обозрения" появляется рецензия на брошюру Гайндмана "Англия для всех", написанная Д.Мерри. В том же томе привлекает внимание анонимный обзор "Социализм в Англии", свидетельство известного беспокойства, вызванного в правящих кругах оживлением социалистической пропаганды. Автор с тревогой констатирует, что "мы окружены духом революции, как и духом скептицизма, но если со скептицизмом английской публике все ясно, с революцией дело обстоит намного сложнее. Когда бирмингемские капиталисты обвиняют лендлордов в грабеже, а намного более логичные социалисты обвиняют в грабеже бирмингемских капиталистов, когда говорят о неправильном распределении собственности и о том, что эти пропорции можно всецело и постоянно изменять, что прогресс ничто, если не ведет к такому изменению, то как мало людей, которые способны сказать нам, какие научные вопросы лежат в основании этих поджигательских доктрин. Большинство представителей высших и средних классов провозглашают такие доктрины гибельными для всего существующего общества, но мы сомневаемся, способны ли они указать, почему эти идеи ложны" [142, р.354].

Автор обращает внимание на то, что книга Г.Джорджа "Прогресс и бедность" расходится среди бед-

---

¹¹ См. критический отзыв Маркса в письме к Ф.А.Зорге 20.VI.1881 г. [34, т.35, с.163] и Энгельса в письмах к Бабелю 18.I.1884 г. [34, т.36, с.78].

нейших классов страны. Эта книга и ее успех показывает, как широко распространилась идея желательности социальной революции, которая только и ждет научного подтверждения и разработки на практике¹².

Заимствуя выражение ирландского общественного деятеля М.Давитта, автор указывает на главную опасность - "моральный динамит новой экономической науки" угрожает обществу. Образованные классы Англии плохо осознают этот факт. Англия это не горящий дом, а дом, полный горючих материалов. Оценивая саму социалистическую доктрину, изложенную по Гайндману и книге "Социализм, просто говоря", автор сводит ее к трем постулатам: 1 - все богатства созданы трудом; 2 - земля данной страны принадлежит народу и 3 - тенденция нынешнего развития такова, что богатые становятся все богаче, а бедные все беднее. Против первого постулата выдвигается возражение, сводящееся к тому, что сырье, сырые материалы, будучи богатством, не требуют труда для своего производства. Что касается второго постулата, то пока существует право частной собственности, нет оснований нападать на паразитическую земельную аристократию, поскольку плодородие почвы само приносит им ренту. Третий постулат, как считает автор, по практическим причинам существенен для практических надежд и нужд социалистов.

"Ежеквартальное обозрение" в данной рецензии поддерживает партии, выступающие против ограбления труда капиталом, но одобряет и тех, кто выступает против ограбления капитала трудом.

Одно из первых свидетельств растущей тревоги "власть имущих" усилением циркуляции социалистических идей в британском обществе обнаруживает чрезвычайно обостренный инстинкт самосохранения английской буржуазии перед лицом попыток пропаганди-

---

¹²П.А.Кропоткин также связывает с приездом в Англию Генри Джорджа и его книгой "Прогресс и бедность" пробуждение социалистических стремлений [см.30, с.423].

ровать в этой стране "явные теории революции, которые имели уже такой роковой эффект на континенте" [142, р.358].

Между тем Демократическая Федерация привлекала все новых и новых членов. Уже в 1883 г. мы находим в ее составе уже наряду с ветеранами общественных движений Дж.Мурреем, Барроузом, рабочих-механиков Дж.Бернса и Гарри Квелча, отставного артиллериста Чемпиона, портного Дж.Макдональда. Может быть главным "приобретением" Федерации было вступление в нее великого дизайнера, архитектора и поэта Уильяма Морриса.

Влияние новых членов Федерации, так же как и эволюция взглядов ее председателя Г.М.Гайндмана, привели к тому, что уже в начале 1884 г. она переименована в Социалистическую демократическую федерацию (СДФ), т.е. приобрела открыто социалистическую ориентацию. Конечно, намерения не всегда совпадают с делами. Предстояло еще много сделать, чтобы оправдать новое название. Федерации нужно было, во-первых, установить контакты с массами, определить свое отношение к профсоюзному движению, решить вопросы легальной политической борьбы (парламентаризм и т.п.). Большая роль в осуществлении данных задач отводилась партийным органам печати - еженедельнику "Джастис" ("Справедливость") [109а] и теоретическому журналу "Гудей" ("Сегодня").

Все же по различным причинам ни одна из насущных задач не получила адекватного решения. Организационная слабость Федерации, усугубленная властолюбием и доктринерством Гайндмана привела к расколу Федерации и выделению из нее Социалистической Лиги уже в конце 1884 г.

С самого начала дух сектантства, односторонности, догматизма наложил отпечаток на акции социалистов Британии. Во-первых, СДФ резко противопоставила себя профсоюзам, которые объединяли различные про-

фессии квалифицированных рабочих. Федерация и не пыталась нести среди них разъяснительную, пропагандистскую работу. Махнув рукой за тред-юнионы, Федерация занялась неорганизованными массами безработных. Казалось бы, здесь открывались перед ней неплохие перспективы, однако, организовав несколько демонстраций безработных, прообраз будущих "голодных маршей" и "маршей мира"¹³, Федерация в дальнейшем потеряла интерес к повседневной кропотливой работе. Внимание, проявленное к безработным, оказалось временной кампанией, вызванной ожиданием скорой революции. Уже в первом номере "Джастис" (февраль 1884 г.) было заявлено, что революция подготовлена. Зачем терять время и энергию на организацию и поддержку стачечной борьбы, что это, как не распыление сил? Никогда неунывающий председатель Федерации Г.М.Гайндман, с его вечной поговоркой "обстановка накаляется..." ожидал социальную революцию не далее как в 1889 г. к юбилею Великой французской революции, и готовился образовать Комитет общественного спасения, а его соратники ходили по окрестным кузницам и интересовались, смогут ли они вооружить восставший народ коваными пиками.

Верхоглядство в постановке политических задач и поисках средств их осуществления, нереалистическая политика, сопровождаемые несуразными теоретическими экскурсами, обнаруживает утилитарное понимание теории, сведение ее к вульгарно понятному экономическому детерминизму, что естественным путем приводило к преобладанию эмоциональных мотиваций, к насильственному навязыванию действительности примитивной схемы. Когда же действительность не оправдывала возлагаемых на нее безумных надежд, то виной оказывалась она сама. Так, невежество рабочих относи-

---

¹³ Можно выделить также организацию шествия к могиле Маркса в марте 1884 г., в котором приняло участие свыше 1000 человек.

тельно факта эксплуатации их труда на капиталистических предприятиях, о котором мы уже упоминали, вызывает не усиление пропагандистской работы, не поиски новых эффективных методов и средств пропаганды, а ее сворачивание.

Характерно в этом плане отношение Федерации к так называемым новым тред-юнионам, впервые объединившим неквалифицированных рабочих газовщиков и докеров. Поддержав грандиозную забастовку докеров и собрав значительную сумму в ее поддержку, СДФ после победы забастовки потеряла интерес к докерам и заявила на страницах "Джастис": мы снова поднимаем красное знамя революционной борьбы. "Великая" забастовка, иначе в истории рабочего движения Британии ее не называют, рассматривалась Федерацией как досадная задержка, отвлекшая рабочих от их главной цели. Аналогично отношение к движению за восьмичасовой рабочий день, в ходе которого рабочие впервые начали переходить от экономических к политическим требованиям.

Ослабление внимания к массовым формам борьбы, неверие в эффективность работы в гущу пролетариата привело ко второй причине разногласий в Федерации по вопросу об отношении к парламентским выборам.

Парламентская борьба признавалась одними членами Федерации как тактическое средство борьбы за социализм, другие же считали парламентаризм предательством интересов рабочего класса. Реалистическое в целом намерение использовать трибуну парламента в интересах социалистического движения дискредитировалось беспринципными попытками Гайндмана заполучить место в парламенте, используя финансовую поддержку консерваторов, которые рассчитывали этим ослабить своих извечных соперников - либералов. На фоне этого соглашения странно выглядел отказ Федерации поддерживать рабочих-кандидатов в парламент, если они открыто не заявляли о приверженности к социалистическим идеалам. В результате отсутствия после-

довательной, продуманной и гибкой единой тактики ведения парламентской борьбы и организации избирательных кампаний Федерация терпела чувствительные поражения на выборах.

Отрицательно сказалось на деятельности Федерации то, что она как детище Гайндмана в силу субъективных причин (разрыв Гайндмана с Марксом и Энгельсом) лишилась теоретической и практической поддержки со стороны признанных лидеров мирового рабочего движения. Только с середины 80-х гг. Энгельс вступил в контакт с некоторыми членами СДФ и особенно с лидерами Социалистической Лиги У.Моррисом, Э.Б.Баксом, Д.Магоном и др.

Не следует все же рисовать начальные годы социалистической организации Англии, ее стремление встать на марксистские позиции в мрачных тонах как неудачную, бесплодную попытку, что свойственно лейбористской историографии. Вспомним, что Федерация была пионерской организацией. Ее состав был весьма пестр. В нем явственно проглядывали две фракции - прагматики, занимающиеся исключительно местными практическими вопросами, и "романтики", занимающиеся исключительно вопросами завоевания власти оставшим пролетариатом [108, p.55].

Впоследствии Федерация пересмотрела свое отношение к профсоюзам и даже обязала своих членов вступить в тред-юнионы. Но себе же во вред активной работы в профсоюзных массах она все-таки не вела. Как указывал В.И.Ленин, "не работать внутри реакционных профсоюзов это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или "обуржуазившихся рабочих" [33, т.41, с.36]. В результате через несколько лет было уже трудно отличить "старые" и "новые" профсоюзы [93, p.1, p.64].

Та же непоследовательность в политических делах. Не раз начиная сотрудничать с новыми рабочими пар-

тиями, Федерация отказывалась от всяких контактов, если те не провозглашали социалистические требования.

Социалистическая Лига во многом повторила ошибки Федерации. Так исполком Лиги во время Великой забастовки 1889 г. призывал своих членов не компрометировать свои принципы участием в стачечной борьбе и не наносить тем самым ущерб революционной пропаганде. Махинации Гайндмана с консерваторами вызвали обратный перегиб - никакого парламентаризма. Такой подход, исповедуемый самым влиятельным организатором Социалистической Лиги У.Моррисом, только способствовал укреплению влияния анархистов в Лиге. Энгельс с неудовольствием отмечал, что Лига, бесконечно обсуждая свой устав с анархистами, не замечает живого движения, происходящего у нее под носом [34, т.36, с.49]. Известный историк рабочего движения Г.Коль отмечает, что подобно синдикалистам, Лига предвосхищает гильдсийский социализм - комплимент сомнительный для революционеров-марксистов.

Так максимализм СДФ, требовавшей установления общественной собственности на производство и игнорирующей такую мелочь как борьба за восьмичасовой рабочий день, считая ее вредной, ибо сокращение рабочего дня создаст новые рабочие места, уменьшит безработицу и тем самым отдалит социалистическую революцию, Лига дополнила непримиримостью ко всяким формам парламентаризма.

Неудивительно, что такое "метафизическое" или: либо участвовать в практических делах рабочих, либо проповедовать на ветер, вскоре порождает разочарование: рабочие не воспринимают абстрактные принципы.

Даже те, кто понимал *in abstracto*, что социализм не откровение, дарованное свыше массам, а сознательное и полное выражение классовой борьбы, существовавшей прежде всего в спонтанных инстинктивных формах, в практической деятельности возвращались к этим фор-

мам, как это было с секретарем Соцдиги Магоном, общавшимся и советовавшимся с Энгельсом.

Вся эта спонтанность очень быстро привела к тому, что анархисты установили контроль над Соцдигой и вытеснили из печатного органа "Коммонвил" ее организатора и спонсора У.Морриса.

Особое значение 80-х как начального периода сильного и широкого народного движения признается и консерваторами, и лейбористами. Автор подробного исследования о социальной обстановке в эти годы Хелена Линд подчеркивает факт выдвижения в это десятилетие идей, утверждающих новые принципы социальных учений, и признает, что обращение к актуальным проблемам - означает появление потребности изменить основы общества, что было результатом деятельности Маркса, Энгельса, Эвелинга и первой марксистской организации СДФ [119, p.418].

Осязаемая мощь идей Маркса создавала у марксистов Федерации иллюзию легкости трансплантации их в массовое сознание. Казалось, достаточно простого ознакомления с ними рабочего класса, чтобы они стали материальной силой. На деле же все оказалось значительно сложнее. Как точно диагностировал Энгельс, нельзя внедрить теорию великой нации в абстрактной догматической манере, даже если это лучшая из теорий, развитая из собственных условий жизни нации. Негибкая, нерелистическая тактика Федерации, сухость и абстрактность марксистской пропаганды [см.129, p.30] демонстрировали отсутствие диалектической жилки у ее лидеров.

Есть и иная версия. Эти затруднения, "срывы" в начальный период распространения марксизма А.Улам, например, объясняет тем, что бриганский социализм вырастает на основаниях, отличных от марксизма. А именно, он возникает из духа прагматизма, не приемлющего метафизику и диалектики, и стремится к конкретным планам и реформам. Насилие и дух классовой

борьбы отсутствуют у британских социалистов [см.154, р.77, 161]. Все это в двух словах сформулировал Блетчфорд в популярнейшей брошюре "Веселая Англия" как "любовь англичан к здравому смыслу и честной игре"¹⁴ [79].

Недостатки в деятельности Федерации не должны заслонять ее позитивных достижений, каковыми следует признать установление связей с континентальным социалистическим движением. Правда, Гайндман в период образования II Интернационала ориентировался на социалистический конгресс "поссибилистов-реформистов", оспаривавших у французских "рабочих социал-демократов" право организации и проведения социалистического конгресса. Однако, после объединения конгрессов и образования Социалистического Интернационала участие английских социал-демократов в его работе, означавшее приобщение к европейскому и всемирному социалистическому движению, способствовало преодолению островной замкнутости, хотя полностью этот недостаток изжить не удалось.

Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов возникшую возможность испытывать влияния континентального социализма и в свою очередь оказывать на него свое влияние. Крупнейшие деятели СДФ, такие как Гайндман, Бакс, Моррис приобретают европейскую известность. Их работы переводятся на европейские языки, в том числе на русский, и завоевывают известную репутацию. Каждый из них ставит свои актуальные проблемы, подход к решению которых весьма поучителен даже своей неадекватностью. Уровень состояния марксистских исследований, их тенденции осязательно выразились в творчестве теоретиков СДФ и требуют более детального рассмотрения.

---

¹⁴Ср. такое наблюдение Дж.Орулла: "Но в одном отношении английские простолюдины остались христианами намного больше, чем высшие классы и, вероятно, любой другой народ Европы: в неприятии ими культа поклонения силе..." и т.д. [см.44, с.315].

Противоречивая фигура основателя СДФ Г.М.Гайндмана (1842-1921) вызывает противоположные оценки в литературе, причем чаще встречаются негативные оценки его теоретической и практической деятельности.

Очевидно, что Гайндман наложил отпечаток своей крупной личности на первые шаги марксистского социалистического движения на Британских островах. Властный ум, сила убеждения, известный литературный талант, деловая складка (Энгельс при всей неприязни к Гайндману признавал его дельным человеком)¹⁵, страстное стремление к осуществлению социалистической революции, дух революционности, который ощущался в работе Федерации, по свидетельству Б.Шоу, сочетались у Гайндмана с доктринерством, нетерпимостью. Пророк и апостол социализма, по определению биографов, Гайндман выступал за независимость и самоуправление Индии и Ирландии и в то же время оставался джингоистом-шовинистом. Налаживая контакты с немецкой социал-демократией, он, тем не менее, проявил себя германофобом, выступая за увеличение морского бюджета в целях нейтрализации угрозы со стороны растущего немецкого флота.

Статьи Гайндмана об Индии хвалили Маркс. Ленин называл его борьбу против колониализма благородной, но этот интернационалист, осуждавший несправедливую империалистическую англо-бурскую войну, после того как разразилась Первая мировая война заявил, что для Англии главное сейчас - разбить немцев.

Гайндман пришел к марксизму почти случайно. Преуспевающий делец во время длительного морского путешествия почитал французский перевод I тома "Капитала". Сойдя на берег уже марксистом, Гайндман

---

¹⁵Оценки Марксом и Энгельсом Гайндмана см. в письмах Маркса к Г.М.Гайндману от 2.VIII.1881 [34, т.35, с.165-167], Энгельса к А.Бабелю от 30.VIII.1883 [34, т.36, с.51] и Ф.А.Зорге от 18.I.1893 [34, т.39, с.7].

вознамерился познакомиться с автором "Капитала", тем более, как оказалось, Маркс проживал почти рядом с Гайндманом. Знакомство состоялось и завершило "обращение" неофита. Сам основатель СДФ признает наряду с Марксом и Энгельсом влияние на него Родбертуса и Лассаля [102, р.VIII]. Именно у последнего Гайндман научился сочетать социалистические симпатии с патриотическими чувствами [см.152, р.31].

"Родившийся во фраке и цилиндре", по выражению Б.Шоу, Гайндман не расставался со старомодными привычками, да и не оставлял финансовой деятельности, вкладывая деньги в клондайкское золото, как показал современный исследователь Тсуцзуки [152, р.152]. Прав был питерский рабочий А.Фишер, заметивший, что английские рабочие предоставлены сами себе, интеллигентных перебежчиков у них почти не было, а если и были, то они корабли за собой не сожгли [62, с.58].

Начав деятельность в годы, когда социализм в Англии был крайне непопулярен, Гайндман сумел завоевать определенный авторитет доктрине научного социализма. Именно Гайндман, вместе с У.Моррисом, по словам Коля, начал придавать Демократической Федерации социалистический оттенок [см.83, VII, р.398]. Его выступления на конгрессах Интернационала с осуждением преступлений английских колонизаторов в Индии и Китае под прикрытием пресловутого лозунга о цивилизаторской миссии, его критика ревизионизма Э.Бернштейна и буржуазной политики Мильерана, призыв отмежеваться от этих людей создали ему имя в международном социалистическом движении. Вместе с тем, многие мемуаристы говорят о нетерпимости Гайндмана, он не выносил, когда ему противоречили... Кто-то из молодых социалистов заметил, что если бы существовала инквизиция, Гайндман не поколебался бы отправить своих партийных противников на костер. Историк фабианского общества Э.Пиз иронизировал: насколько я знаю, существует одно лицо, к которому ука-

занный писатель относится с почетом, - это сам Гайндман. Все остальное человечество, по его мнению, состоит из глупцов и негодяев.

Политическая программа Гайндмана поражает непоследовательностью. Разделяя лассалевскую идею конституционных реформ и будучи уверен, что английские рабочие не примут ниспровергательных доктрин, пока перед ними открыты конституционные пути, зная марксову точку зрения по этому вопросу, а именно, что насильственная революция в Англии не необходима, а согласно с историческим прецедентом возможна, он тем не менее "подталкивал" историю, навязывая ей свою схему и "назначил" социальную революцию на 1889 г., к столетию Великой Французской революции. При этом Гайндман опирался на неоспоримый факт - наиболее зрелой капиталистической страной была Англия...

Что касается теоретического лица Гайндмана, то в нем нет оригинальных черт, если не считать того, что в своем, пожалуй, главном труде "Исторический базис в Англии" он объявляет золотым веком британской истории XIV в. Компиляторские работы Гайндмана, что проявилось уже в его программе "Англия для всех", показывают, что он не хотел или не мог развивать свое понимание марксовской теории, ограничившись самыми общими моментами социального и экономического учения, приравнивая их к обслуживанию надуманных политических схем.

В оценке английских коммунистов, все вышедшее из-под пера Гайндмана - типичная эклектическая смесь лассальянства, торийских предрассудков, джингоизма [106, р.299].

Современный исследователь С.Пирсон верно отмечает скрытую утилитаристскую основу всех его построений [133, р.64]. И может быть поэтому Гайндман в течение долгого времени оставался типичным представителем английского "поп-марксизма" (выражение покойного М.А.Лифшица), весьма удобной мишенью критики марксизма как такового со стороны идейных противников.

2. Е.Б.Бакс и метафизика марксизма

Другой характерной и популярной фигурой начального периода распространения марксизма и образования марксистских организаций в Британии был Э.Б.Бакс.

Творческое лицо Бакса, профессионально занимавшегося философией, одного из активных деятелей СДФ, а затем Социалистической Лиги, Британской социалистической партии, исключенного из нее вместе с Гайндманом в 1916 г., во многом отражает слабости первоначального периода; но не только этим, разумеется, Бакс интересен. Будучи членом исполкома СДФ, редактором и автором партийных органов "Джастис", "Коммонвил" и др., пользуясь большим литературным успехом (все его работы, кроме многотомной, специальной "Истории крестьянской войны в Германии", переиздавались неоднократно), он определил в известной мере теоретический потенциал английской социал-демократии, поставил проблему более широкого, целостного восприятия марксистского учения, философского обоснования теории развития общества, был одним из немногих марксистов периода II Интернационала, пытавшихся преодолеть узость так называемого экономического детерминизма. Решения Бакса были по большей части неприемлемыми, для ревнителей ортодоксии, также как и его нереалистический способ пропаганды марксистской теории (за это ему сильно доставалось от Энгельса). Неудача Бакса в попытках пробиться к массовому сознанию рабочих типична и поучительна. Для современников было характерно воспринимать Бакса как наивного книжника, кабинетного ученого.

В отличие от Гайндмана и других видных членов Федерации, Бакс проявляет глубокий интерес к немецкой философской традиции, философии вообще. Мы уже упоминали о некоторых признаках влияния немец-

кой культуры на английское образованное общество, воспитанное в островной замкнутости. Французский историк Галеви отмечает наряду с воздействиями крупнейших мыслителей и писателей влияние немецкой системы образования на английскую. Историк полагает, что возникновение социал-демократической организации также совершилось под влиянием немецкого образца [9, с.124-125].

Бакс испытал все эти влияния в полной мере. Он обучался в немецком университете и был поклонником Вагнера¹⁶, перевел в молодости кантовские "Пролегомены...", крупнейшим философом современности считал Эд. фон Гартмана, с которым был лично знаком. К социалистическому движению и его идеям Бакс обратился под влиянием Парижской коммуны. По совету знакомого Маркса, часовщика Г.Юнга, с которым Бакс познакомился в Лондонском Диалектическом клубе, он начинает серьезно изучать "Капитал" и в 1881г. публикует в ежемесячнике "Современная мысль" очерк о Марксе. Как вспоминает Бакс, "Маркс через дочь Элеонору поблагодарил меня, но ввиду болезни, так и не встретился со мной. Зато я познакомился с Энгельсом и поддерживал знакомство до его смерти в 1895 г."¹⁷ [76, р.45].

Как отмечалось, Бакса отличал от большинства активистов социалистического движения его времени устойчивый и глубокий интерес к философии. В 1885г. Бакс издает руководство по истории философии для студентов, одну из первых историй философии, написанных марксистом. Энгельс положительно оценил работу, выдержавшую три издания.

---

¹⁶Революционер Бакс, как это часто бывает, весьма консервативен в своих эстетических вкусах. Так музыка Шонберга казалась ему, профессиональному музыкальному критику, - бессмыслицей.

¹⁷В письме к П.Л.Лаврову Маркс похвалил статью Бакса, противопоставив ее "очень поверхностному" очерку некоего Джона Рея [см.34, т.35, с.213].

Бакс видит свою задачу в стимулировании реального и жизненного интереса к эволюции спекулятивной мысли. Но стратегическая задача автора "Руководства" шире, что становится ясным из его последующих сочинений.

Философский процесс Бакс рассматривает под европоцентристским углом зрения. Освещается история древнегреческой философской мысли, которую Бакс считает наиболее адекватным выражением рационального освоения мира в целом. Тысячелетняя история от досократических школ до неоплатонизма, переходная мысль, гностики и патристика образуют раздел о древней философии. Средневековая схоластика излагается без восточного перипатетизма. Современная философия - философия Нового времени - делится на эпохи: а) эпоха абстрактно догматических систем Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница; б) эпоха эмпирической и скептической школы (Бэкон, Гоббс, Локк, Беркли, Юм, Рид, Гельвеций, Дидро, Гольбах).

Вторая эпоха - это Кант и послекантовские философы: Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр, Герbart, Гегель.

К "современной" философской мысли Бакс относит Гартмана, Лютце, Дюринга, Ланге, Милля, Льюиса и Спенсера.

Таковы персоналии пособия. Но история мысли, как ее понимает Бакс, не сводится к биографическим очеркам с цитатами из сочинений великих мыслителей. В общем введении Бакс ставит вопрос: что такое философия? Человек обнаруживает себя как сознательное существо и понимает этот мир в конкретной действительности задолго до того, как почувствовал нужду понять его в абстрактной возможности. Именно из этого импульса, по мнению автора "Руководства", возникает на определенной стадии философия, которая и есть сознательная попытка реконструировать данный мир чувственного опыта. Сначала мыслители объектом исследования делают бытие и его конечные элементы

(конституенты), затем после революции софистов в центре философского рассмотрения оказывается знание. Философский подход к освоению мира отличается от мифологического и теологического сознательным (критическим) рациональным способом объяснения мира.

Мифология и теология по сути дела являются бессознательным результатом примитивного воображения. Мифология и богословие в качестве базисного причинного объяснения обыгрывают понятие воления и персонафицируют силы природы.

Каково же различие между философией и специальными науками? Общее предостережение о том, что наука и философия представляют соперничающие взаимоисключающие теории вселенной, всецело ложны [74, р.397]. Естественные науки специализируются на классификации или описании некоторых изолированных групп феноменов, а также на выяснении реальных и причинных условий возможностей этих групп самих по себе. Философия, напротив, занимается совокупностью всех феноменов, либо в отношении времени (космология и психология), либо с точки зрения фундаментальных условий (собственно метафизика). Естественные науки исследуют части, философия - целое.

Ведущей проблемой философии Бахс в духе Канта называет теорию познания, раскрывающую условия, при которых возможны знание или опыт, с тем, чтобы реконструировать в формах абстрактной мысли заданный мир.

Взаимосвязь между конкретными науками и философией плодотворна и не должна прерываться. Примером служит влияние закона сохранения и превращения энергии, который, по мнению Бахса, "реабилитировал космологию, - третий раздел философских исследований, наряду с гносеологией и онтологией (если таковая признается). К этим разделам могут быть добавлены систематические доктрины об объективной или матери-

альной природе и о субъективной или ментальной природе (сознании), а также феноменология морального сознания. Все они, однако, охватываются целостностью знания - великой и конечной задачей философии [74, р.7].

Бакс выделяет три уровня познания. Первый, низший - здравый смысл, основанный на чувственном восприятии. Выводы науки могут показаться диковинными и неправдоподобными на уровне здравого смысла. Тем не менее наука интегрирует здравый смысл в научной истине. Но так же как наука не останавливается на грубой чувственной реальности, а трансформирует понятия здравого смысла, так и философия не останавливается на категориях науки, она интегрирует науку и здравый смысл в конечное единство, которое дает философскую истину. Итак, по Баксу, наука рационализирует материал, данный опытом, философия рационализирует материал, оформленный наукой. Эта рациональность не просто склад нашего ума, а часть природы вещей. При этом любая теория, претендующая на философскую позицию, которая конфликтует с любой позитивной доктриной научного материализма, может быть без колебания игнорирована.

Весь философский процесс есть стремление к достижению полноты взгляда на мир, однако проблема заключается в том как "схватить" это движение, как понять и выразить приращение философского знания.

Существует три способа изложения истории философской мысли. 1 - история-компиляция, содержащая собрание фактов, анекдотов, мнений философов и т.п.; 2 - тенденциозные истории, которые вычитывают в доктринах прошлого современные системы и в добавок ищут соответствия своему методу в ходе исторического развития; 3 - критическая история, в которой дух научной проницательности и сравнительный критицизм распространяется и на авторитеты, и на трактуемые доктрины.

Первый способ отвергается Баксом с порога. В отношении второго он делает замечание, что тенденциозность не всегда является фиктивной, ибо сама общая история обнаруживает определенную линию развития. Несомненно, что история философии, как неотъемлемая часть общей истории, обладает этим свойством.

Решающее значение имеет указание на то, что основные философские проблемы присутствуют во всех более или менее важных философских системах. Это и есть нить, связующая мысль прошлого и современность.

Но сугубо логический подход к перипетиям философского процесса не удовлетворяет Бакса. Главным недостатком существующих трудов по истории философии он считает игнорирование общей истории цивилизации, ее развития. Ведь спекулятивная мысль испытывает воздействие от социального окружения и сама оказывает на него влияние. Однако, пообещав определить главные точки соприкосновения философии с общими интеллектуальными условиями некоторых эпох, Бакс по существу в ходе изложения забывает свое намерение.

Свою историю философии Бакс предваряет обзором современных историй философской мысли, среди которых особо выделяет гегелевскую концепцию. Гегелевская концепция образует сущностное исследование исторического развития философии. По Гегелю, историческая последовательность философских взглядов должна совпадать с логической последовательностью (категорий), развертывания диалектической системы категорий.

Из англоязычных историй философии помимо первой в Европе компилятивной (по Диогену Лаэртскому) истории философии Т.Стенли (1655), выдержавшей на протяжении столетия четыре издания, Бакс отмечает как лучший на английском языке труд Ф.Д.Морриса, а также наиболее читаемую Биографичес-

кую историю философии ДЛьюиса¹⁸, писавшего не столько с позитивистской точки зрения, сколько с позиций английского эмпиризма. Его история - яркий пример тенденциозной истории, а именно дидактической истории. Характерна баксовская критика такого подхода. Минусом работы Льюиса является неспособность автора к позитивному прочтению систем прошлого, или отсутствие попыток рассмотрения их в собственной эволюции и в плане общего исторического развития. Главный же "грех" Льюиса в том, что, по его мнению, все философии прошлого служат как бы контрастом и оттеняют превосходство эмпирической философии.

Бакс демонстрирует собственную трактовку в изложении проблем философии Нового и Новейшего времени. Содержание философской мысли XVII-XVIII вв. определяется двумя школами: абстрактно-догматической и противоположной ей - эмпирической. Эмпиризм, доведенный до логического конца, вырождается в скептицизм, который деградирует в негативный критицизм. Материализм является единственным способом избежать этого, поскольку утверждает в качестве абсолюта конкретную телесную субстанцию. Локк, сформулировавший новое понятие материальной субстанции, не воспроизводит Аристотеля, а, скорее, приближается к аристотелевской первоматерии или к кантианской вещи-в-себе. Кант, однако, замечает Бакс, никогда так и не освободился от грубого реализма и его пережитков в локковской доктрине, ибо его вещь-в-себе - гибрид субстанции Локка и монады Лейбница [74, р.223].

Центральное место в философии Нового и Новейшего времени отводится Гегелю, последнему великому метафизику. Раздел, посвященный Гегелю, принципиален и информативен. Так, в нем содержится один из первых анализов на английском языке "великой первой работы" Гегеля "Феноменология духа". Анализ Бакса со-

---

¹⁸Есть русский перевод: *Льюис Д.* История философии. Спб., 1897.

средоточен на диалектике Гегеля. В ней, по мнению автора "Руководства", ключ ко всей гегелевской системе. Более того, диалектический метод и дает ему преимущество перед всеми другими мыслителями. В чем же оно состоит? Поистине революцией в духовной жизни является синтетический или спекулятивный взгляд на мир как на диалектическое движение. Этот подход необычен для усредненного сознания среднего человека и раздвигает границы его горизонта. Означает ли это, что гегелевская философия, по Баксу, адресована обыденному, а не научному познанию?

Гегелевская диалектика основана на принципе тождества в различии, то есть фактически, на признании того, что все утверждения содержат отрицание, а отрицание, в свою очередь, утверждение. Во всем существуют нереализованные возможности, так же как и возможности реализованные - первые составляют материальный момент, вторые - формальный. Диалектика материи и формы, реализованного и нереализованного, возможности и действительности проходит через все - живое и неживое. Эта диалектика есть крайнее выражение всякой реальности и ее можно раскрыть только через анализ каждого аспекта реальности [74, p.315].

Конечная цель каждой науки - раскрыть диалектику ее предмета (объекта). В "Феноменологии духа" прослеживается прогресс знания с его низжайшей стадии и до высшей через противоречия. Истина каждой стадии относительна, ее корректирует последующая стадия и в итоге абсолютная истина достигается во всепоглощающей целостности абсолютного духа.

Далее Бакс пытается оценить гегелевскую диалектику с точки зрения историко-философских прецедентов. В этом плане диалектика оказывается, по сути дела, формальным усовершенствованием диалектики Фихте.

Обращаясь к "Логике" Гегеля, Бакс находит в ней существенные преобразования. "Здесь мы имеем существенную детализацию или моменты осознания, пред-

ставленные не в том порядке, в каком они раскрывают себя в рассудочном сознании (см. "Феноменология духа"), а в необходимости логического порядка их дедукции" [74, р.323]. Логика Гегеля, подчеркивает при этом Бакс, может быть названа метафизикой или онтологией с точки зрения спекулятивной мысли. Все ее содержание и есть определение абсолютной идеи¹⁹.

Говоря о гегелевских школах, наиболее выдающимся их представителем Бакс называет Л.Фейербаха, выступившего с индивидуалистической и эмпирической позиции против гегелевского идеалистического монизма. Среди представителей постгегелевской философии упомянуты и "выдающиеся социалисты" К.Маркс и Ф.Энгельс, "которые в маленькой (Sic!) брошюре "Святое семейство Бауэра" критиковали младогегельянцев с характерным юмором" [74, р.341].

Надо сказать, это единственное упоминание основоположников научного коммунизма в книге по истории философии. Видимо, Бакс не считал их философами и не находил в марксистском учении философского пласта. Вот как трактует он эту проблему в своих воспоминаниях. "Реакция против идеализма - главного течения немецкой философии, привела, как можно было ожидать, к утверждению какого-то грубого и догматического материализма, что было очень заметно в Марксе и Энгельсе. У них он получил особую окраску, благодаря их экономическим и историческим штудиям" [76, р.46]. "Его наиболее известный результат - материалистическое понимание истории - социологическая теория, рассматривающая и сводящая все изменения в развитии человеческого общества к экономическим условиям, отражающим экономические изменения, под которыми понимаются в первую очередь изменения в способе

---

¹⁹В своем изложении логики Гегеля Бакс опирается на парадигмы 79-83 "Энциклопедии философских наук" [см.11, т.1].

производства богатства или распределения богатства" [76, p.46].

Но эта ортодоксальная марксистская теория, утверждает Бакс, не помнит своих метафизических корней. Удивительно, что Бакс не увидел философского содержания, интереса к метафизическим проблемам даже в таком произведении Ф.Энгельса как "Анти-Дюринг". Признавал величайшим литературным достижением, но вместе с тем не считал фундаментальным трудом, а лишь объемистым полемическим эссе [76, p.51-52].

Воздавая должное энциклопедическим знаниям Ф.Энгельса, "одного из самых замечательных людей своего времени", Бакс, тем не менее, укоряет Энгельса за идейную связь с "устаревшим догматическим материализмом".

Все это подвигает Бакса на самостоятельные разработки метафизических основ материалистической теории исторического процесса. Он кладет в основу своих построений понятие реальности. Как таковая, объективная реальность, считает он, не может стать содержанием сознания или быть осознанной. О реальности, которая не является актуальным объектом знания, нельзя говорить. Всякая имеющая смысл реальность - субъект-объектное отношение. Первейшей задачей философии будет в этом случае исследование условий значений реальности. Поскольку реальность не есть нечто противоположное сознанию, но присуще всем индивидуальным сознаниям, которые, будучи "я", противопоставляют себя "тебе" и "ему", то она существует в двух модификациях: в особенном и всеобщем сознании, что соответствует гартмановскому разделению на сознательное и бессознательное. Бакс предпочитает говорить о Логическом и Алогичном. Данное разделение неукоснительно проводится Баксом во всех сферах. Природа мысли - универсальное, всеобщее, а, значит, рациональное. Природа чувств - особенное, партикулярное, иррациональное. Если универсальность обнаруживает единство, то осо-

бенное - плюра́льно. Личность - синтез логического и алогичного. Ошибка Гегеля заключается в том, что он, как панлогист, пытался выдвинуть понятие реальности, в котором Логическое абсорбирует алогичное.

Как же "философия реальности" [см.73] корреспондирует с марксовым взглядом на историю? Человеческая история рассматривается Баксом не в терминах борьбы и классов, или развития производительных сил и производственных отношений, а как арена борьбы между Логическим и Алогичным.

Конечно, проще всего отвергнуть трансляцию марксовой схемы в гартмановскую терминологию. Но более внимательный подход покажет, что Бакс критикует фаталистическое понимание экономического детерминизма, приводящее к политике "складывания рук". Логический фатализм, указывает Бакс, реализуется только в синтетическом единстве с алогичным - свободной человеческой волей. Направление развития определяется логическим законом, а очертания, которые это развитие примет, конкретно описываемые категорией Времени, определяется транслогичным, особенным. Реальность суть синтез сознательного и бессознательного, общество имеет собственное экономическое и одновременно психологическое развитие. Взаимодействие этих двух линий причинности дает нам социальную эволюцию *in concreto*. Таким образом, духовное развитие, например, этическое и художественное развитие детерминировано материальными условиями общества, но они также детерминированы и психологическими тенденциями, которые их породили. Тем самым Бакс фиксирует наличие известной самостоятельности форм общественного сознания, что приводит к признанию их собственной истории и логики развития, рамки которых заданы тем не менее экономическим фактором.

Бакс делает существенное разъяснение: мораль, религиозные представления не просто модифицируются экономическими условиями, но являются метаморфи-

зированной (преобразованной в знаковую форму) отражением этих условий в общественном сознании. Переводя эту мысль в специфические философские термины, Бакс указывает, что субстанцией всех человеческих предметов является общественное богатство, которое существует через посредство производства и распределения. Религия же, искусство, нравственность и т.п. суть акциденции, т.е. прямо или косвенно их проявление зависит от экономических причин [76, р.13].

Углубляя свое понимание взаимодействия внешних материальных условий и внутренней духовной спонтанности, Бакс пытается доказать, как они взаимодействуют исторически, выявить их диалектический характер. Преувеличение одного из компонентов оставляет нас с голой абстракцией, - утверждает он. Не только одна экономическая почва недостаточна для вызревания плодов, но и одни психологические (духовные) причины ничего сами по себе не могут создать. В качестве иллюстрации Бакс приводит Германию, в которой нет столь мощной индустрии, как в Англии или США, но где создана, тем не менее, самая мощная социалистическая партия современности. Меньшая развитость психологического фактора в Британии и Америке приводит к тому, что идея социализма в этих странах все еще сталкивается с несовершенством классового сознания рабочего класса.

В этом контексте марксизм видится Баксу как пример органичного, особого развития идей немецкой классической философии. Признав ограниченность идеализма, Маркс противопоставил ему значение нелогических или материальных элементов в создании мира опыта. Но Маркс ошибочно изъясил диалектический метод Гегеля из лона метафизики. Этим диалектика отрывается от своих корней. Вот почему Бакс ищет порванные связи. Как обосновать статус диалектики в роли истинного инструмента исследования? - спрашивает Бакс. И видит только один выход: признать единство

нашего опыта и рациональности, обнаруживаемой в универсуме. Ответ по сути гегелевский. Постулирование Марксом "диалектичности" реальности предполагает "земные" масштабы. Конечно, попытка породнить марксизм, "дополнить" его идеалистически ориентированной метафизикой вызвала возражения Энгельса. В письме к Л. Лафарг он с неудовольствием пишет, что Бакс, наполовину переваривший гегелевскую диалектику, высказывает крайние и парадоксальные положения. Тем не менее запрос Бакса законен. Гносеологическое первородство диалектики требует онтологического обоснования. Не этим ли занимался сам Энгельс в "Диалектике природы"?

Тем не менее внедрение чуждой марксизму терминологии зачастую порождало ненужные двусмысленности. Так, говоря об эволюции этики, Бакс пишет, что человеческая история есть развитие от бессознательной солидарности общества через период частной собственности, индивидуализма и классовой борьбы к сознательной социальной солидарности при коммунизме. Народится новая этика, которая станет религией социализма. Осознание диалектики развития сознания позволит выйти за узкие пределы здравого смысла, и в этом трансцендентном мире откроется истина, которая заключается в том, что настоящее значение человеческой личности лежит не в ней самой. Человек - просто преходящая фаза, всего лишь ингредиент в глобальном процессе. Сознание в старом смысле исчезает и абсорбируется высшим сознанием или непосредственной коммуникацией с алогичной реальностью и будет представлено как универсальная истина, выраженная в непосредственном чувствовании.

Философская деятельность Бакса, нацеленная на метафизическое обоснование материалистической теории развития человеческой истории, при помощи "наполовину переваренной гегелевской диалектики" не могла привести к положительному результату. И все-

таки его разработки содержали позитивный момент. Бакс популяризировал в Англии проблему диалектики. В отличие от Бернштейна, считавшего диалектику пережитком гегельянства, балластом в марксовской системе, Бакс признает диалектику важнейшим, органическим элементом марксизма и ищет ее "рациональное зерно".

Что касается "особого социализма", который "Бакс на манер философов состряпал себе" [34, т.36, с.433], то веря, что Маркс открыл основной фактор, определяющий устройство общества, Бакс расходился с ним в понимании отдаленных целей исторического развития. По Баксу, индивиды растворяются в едином суперорганическом сознании, взгляд весьма распространенный среди социалистов начала XX в., достаточно вспомнить "вседушу" Луначарского и коллективистское сознание А.Богданова. В случае Бакса разбавление панлогизма Гегеля "бессознательным" Э.фон Гартмана не уберегло личность от растворения во всепоглощающем универсальном интеллекте.

Творчество Бакса, остро ставя вопрос о философско-метафизических основаниях марксова социологического учения и его диалектического метода, привлекает внимание к проблематике, которой пренебрегали, а его попытки этико-футурологического обоснования общественного идеала предвосхищали теоретические и практические задачи, в скором времени вставшие на повестку дня мирового социалистического движения.

3. У.Моррис - провозвестник этики и эстетики будущего

Самым известным членом Социалистической демократической Федерации был замечательный поэт, переводчик, издатель, архитектор, дизайнер, знаток книжного дела и его истории Уильям Моррис. Он родился в 1834 г. в предместье Лондона. Учился в Оксфорде. Начав как архитектор, он под влиянием поэта-прерафа-

элита Россетти обратился к поэзии и живописи. Под непосредственным воздействием Рескина Моррис активно включается в движение по восстановлению искусств и ремесел, в работу общества по защите древних зданий.

Вся эта деятельность, так же как и увлечение героическим исландским эпосом, - реакция на бездуховность и мещанство викторианской эпохи, когда смертным грехом считалась принадлежность к радикалам, свободомыслящим и... владельцам трициклов (трехколесных велосипедов). Не менее важен протест против деформирующего человека монотонного фабричного труда. Смысл новаторства Морриса в области прикладной эстетики заключался не только в ностальгическом культивировании наследия прошлых эпох, в частности, Средневековья²⁰, забытых в XIX в., а скорее в стремлении вернуть труду осмысленный, творческий, личностный характер. Именно такой труд может помочь фабричному рабочему снова обрести себя. Но такая желанная метаморфоза осуществима лишь тогда, когда труд утратит принудительный, жертвенный (как по старой протестантской традиции считал Адам Смит) характер.

Труд, полагал Моррис, тогда благо, когда он содержит надежду на отдых и сопровождается наслаждением. Одна из благородных целей социализма - избавить человека от груза перенапряжения и страха перед тяжелой и бесполезной работой [131, p.137].

В своих автобиографических заметках У.Моррис вспоминает как исторические штудии и практический конфликт с филистерством современного викторианского общества привели его к убеждению, что искусство не может иметь настоящей жизни и развития при современной системе коммерции и производстве при-

---

²⁰ Неверно весьма распространенное утверждение о "медифилии" Морриса. Бакс в своих воспоминаниях свидетельствует, что любимая эпоха Морриса, в которой он хотел бы пожить, был "век Перикла".

были. В статье "Как я стал социалистом" Моррис описывает свое настроение перед вступлением в Федерацию, когда он не имел никаких надежд на осуществление идеала. "Я был слеп относительно экономики. Мне никогда даже в голову не приходило открыть Адама Смита, я не слышал ни о Рикардо, ни о Карле Марксе. Случайно я прочел Милля, в частности его посмертные статьи..., в которых он нападает на социализм в его фурьеристском обличе" [40, с.54].

Вступив в Федерацию, Моррис начинает изучать политэкономическую систему социализма, читать Маркса. Он признавался, что историческая часть "Капитала" привела его в полный восторг, но от чтения экономических разделов "перемешивались мозги". Дело, знакомое всякому изучающему первые главы главного труда Маркса! Между прочим, на основании этого высказывания, а также "свидетельства" такого ненадежного автора как Глейзер, в западной литературе часто выдвигается версия о неорганичной связи Морриса с марксизмом. Моррис-де совершенно не интересовался теорией, его связи с социалистическим движением случайны. Между тем сам Моррис проявлял стойкий интерес к теории научного социализма. Он регулярно навещал Гайндмана для дискуссий относительно принципов социализма, упорно работал с Баксом над серией очерков о социализме. Совместная работа, по его собственному признанию, очень многое дала Моррису для понимания экономических взглядов основоположников научного коммунизма.

Все-таки отношение к социализму Морриса как истинного поэта было более эмоциональное, чем рациональное. Такое "лирическое" отношение Энгельс окрестил "эмоциональным социализмом". Поклонник Рескина, Моррис взывает социализм с позиций эстетизма. Протестуя против того, чтобы Гомера вытеснил из мира Гексли, Моррис выступает с осуждением такой цивилизации, в которой искусство превратилось бы в коллек-

цию курьезов прошлого, не имеющего никакого серьезного отношения к настоящей жизни. Пленительная утопия "Вести ниоткуда" - альтернатива Морриса системе коммерции и фабричного труда.

Но как понимал Моррис основные принципы общества будущего? В четвертом письме о социализме (1894) он выразил их так: "социализм - это теория жизни, исходящая из представления об эволюции общества. Человек - социальное существо, имеет некоторые материальные, необходимые исходные потребности, как и животное. Общество основано на попытках человека удовлетворить эти потребности, и социализм и социалистическое сознание указывают ему путь сочетания этого с развитием специфически человеческих способностей и удовлетворения их, я назову, за неимением лучших слов, духовными и умственными потребностями" [131, р.151].

Итак, основы социализма - экономические. Человек как социальное существо стремится к достижению власти над природой. Но эти экономические цели должны сопровождаться этическим и религиозным чувством ответственности каждого человека перед каждым из своих сотоварищей. Равенство, взаимное уважение и ответственность, полная свобода внутри этих пределов, принятых добровольно и ставших привычными, - вот к чему стремится социализм.

Каковы переходные условия к социализму? Моррис традиционно отвечает: частично через дальнейшее развитие демократии, а частью через сознательные усилия самих социалистов. Но конституционная демократия имеет вполне ограниченные пределы и главный ее предел - сохранение частной собственности (владения) на средства производства. В отличие от многих английских социалистов Моррис не боится признать, что борьба и насилие могут иметь место в борьбе за социализм в осуществлении первоначального шага, после чего классовая борьба, насчитывающая тысячелетний возраст,

придет к концу, ни один класс больше не будет господствовать над рабочими, и это приведет нас к полному содружеству, которое, как говорилось, есть цель социализма.

В середине 80-х гг. у Морриса установились довольно тесные связи с Энгельсом. Энгельс в целом с симпатией относился к поэту, но часто сетовал по поводу его редкой непрактичности. Когда Моррис, Бакс и Эвелинг вышли из Федерации, Энгельс назвал их единственно искренними людьми, указав при этом, что все трое настолько непрактичны, что других таких днем с огнем не сыскать [34, т.36, с.221]. Возможно, Энгельс имел в виду предубеждение Морриса против парламентаризма в любых его формах, приведшее его к контакту с анархистами-социалистами.

По мере укрепления связей Морриса с анархистами, в Социалистической Лиге растут тревога и охлаждение Энгельса. Он предупреждает об опасности претензий подобных "путаников" руководить английским рабочим движением. Резкие слова Энгельса о Моррисе - "чувствительный болтун, воплощенная добрая воля, которая так упоена собой, что превращается в злую волю, не желая ничему учиться" - вызваны тем, что поэт, который после смерти А.Тениссона мог стать его наследником - поэтом-лауреатом, "попал в ловушку революционных фраз и стал жертвой анархистов, запутался в сетях нескольких анархистских фразеров" [34, т.36, с.404].

Действительно, анархисты завоевали главенствующее положение в Социалистической Лиге и ее органе "Коммонвил". Убедившись, что Моррис стал марионеткой в руках анархистов²¹, Энгельс потерял к нему интерес, имя Морриса исчезает из его переписки.

---

²¹См. письмо к Ф.Зорге от 17.VIII 1889г. [34, т.37, с.212-214]. Добавим, что П.Кропоткин считал "Вести ниоткуда" самой полной и глубокой анархической концепцией будущего общества. Интересно сопоставить утопии Морриса и Беллами [см.2].

Случайно или фатально, что один из лидеров социалистического движения в Англии не хотел опираться на существующие организации рабочего класса для внесения в рабочее движение социалистического сознания, а другой лидер не желал использовать легальные средства борьбы, которые в этой самой демократической стране того времени создавали уникальную возможность завоевания власти мирным путем?

По всем статьям - организаторским способностям, теоретической подготовке - Моррису не по плечу была задача создания массовой партии рабочего класса, необходимость которой так остро ощущалась Энгельсом. Но означает ли это, что Моррис остается в истории рабочего движения всего лишь ярким пропагандистом социалистических идей, экзотической фигурой искреннего, но непрактичного визионера, человеком, "случайно севшим не в тот поезд", как его порой пытается представить современная историография?

Более перспективную позицию занимает известный историк социалистической мысли Г.Коль [83, Vol.II, p.383], не говоря уже о марксистских авторах [см.71]: в лице Морриса представлен новый путь к широкой и глубокой концепции социализма, потребность в которой он чутко уловил своей поэтической натурой.

В самом деле. Помимо того, что утопизм Морриса акцентировал внимание на сторонах марксистского учения, находившихся в тени в эпоху увлечения теорией экономического детерминизма, некоторые важные идеи Морриса совпадают с проблематикой отчуждения и его преодоления у раннего Маркса, хотя, разумеется, Моррис ничего не знал о разработках Маркса того периода. Идейная линия, приведшая Морриса к данному аспекту марксистского учения, ярко демонстрирует причудливость путей духовного развития и неисповедимость форм возникновения теоретических вопросов под влиянием общественной практики.

Ведь когда Рескин и Карлейль выступали против де-гуманизирующего влияния капитализма, фабричного производства, они исходили из ностальгической позиции романтизма, оплакивали утрату исторически отживших форм производства и общежития. Моррис же подходит к проблеме освобождения труда не ретроспективно, а перспективно, видя его в будущем, в коммунизме (кстати, Моррис любил называть себя коммунистом, тогда когда это слово употреблялось довольно редко).

Признав главным моментом создание условий творческого труда для рабочих, Моррис развивает эту мысль в целом ряде работ и лекций²². Идея была не ко времени, точнее, она опередила свое время и понадобилось длительное развитие в рамках научно-технической революции, чтобы оценить позитивный и критически-предупредительный смысл любимой идеи Морриса. Сейчас страницы, посвященные творческому труду, воспринимаются с заинтересованным вниманием и надеждой. Как мы уже указывали, рассуждения и видения Морриса корреспондируются с тематикой ранних марксовыx работ. Но и в рукописях 1857-1861 гг. Маркс обсуждает этот же вопрос. Имея в виду смитовское понимание труда как проклятия Иеговы, жертвы, искупления, Маркс признает, что Смит прав в том отношении, что в исторических формах труда, таких как рабский, барщинный, наемный труд - труд выступает всегда как нечто отталкивающее, всегда является трудом по принуждению, а противоположность ему - не-труд - выступает как "свобода и счастье". Но это не значит, разъясняет Маркс, что труд будет забавой, развлечением, как весьма наивно в духе гризеток понимает Фурье. Указав, что Смит рассматривает труд психологически с точки зрения удовольствия или неудовольствия, Маркс под-

---

²² Например, в статье "Полезная работа и бесполезный труд" (1885) [40, с.220-244]. И вряд ли она была по достоинству оценена.

черкивает нормативную, идеальную, фундаментальную характеристику трудовой деятельности - быть положительной творческой деятельностью.

Что касается психологического аспекта, то при нормальном состоянии здоровья, силы, бодрости, искусства, ловкости индивид испытывает также потребность в нормальной порции труда и в прекращении покоя, что, по-видимому, чуждо пониманию Смита. И здесь Маркс дает содержательное разъяснение диалектики трудовой деятельности. Преодоление препятствий само по себе есть осуществление свободы, а внешние цели теряют видимость всего лишь внешней природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой индивид, следовательно, полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз является труд [35, ч.II, с.111-114].

Как вернуть труду свободу, творческое начало? Помимо основного социального условия обобществления средств производства Моррис ищет ту технологическую форму, в которой это было бы осуществимо. Его ответ - возобновление ремесел. При этом Моррис не закрывает глаза на перспективу продолжительного господства машинной индустрии. Он не спешит безоговорочно осудить механизацию труда. На первых порах новое общество будет, возможно, сильнейшим образом развивать индустрию машиностроения для действительно полезных целей. Люди сами отойдут от нее, убедившись в качественном преимуществе ручной работы.

Рекомендация Морриса совсем не шуточна, как казалось вначале. Увеличивающаяся дифференциация труда порождает одномерного человека. Работа на конвейере, например, при любых социальных системах вредно действует на физическое и психическое здоровье человека, приводит к росту немотивированной преступности. Ясно, с другой стороны, что тяжелый, изнуря-

тельный ручной труд должен быть исключен. Маркс, как известно, считал, что гармоничную личность нельзя создать в условиях развитого разделения труда. Этот вид производственных отношений подлежит безусловному преобразованию.

Как современно звучит призыв Морриса не удовлетворяться чечевичной похлебкой потребительства, а бороться за полнокровную жизнь, которую никакое классовое общество не может дать... Общество равенства - такова мечта Морриса, общество, в котором не должно быть ни бедных, ни богатых, ни хозяев, ни надорвавшихся рабочих, словом, общество, в котором люди будут жить в равных условиях и управлять своими делами не убыточно, а с полным сознанием того, что вред одному означает вред всем [131, р.33-34].

Страх и надежда - вот две великие страсти, которые правят родом человеческим, с которыми революционеры должны иметь дело: дать надежду многим угнетенным и утратить немногих угнетателей - вот наше дело. Давая надежду большинству, мы устрашает меньшинство. Но не мести мы жаждем, а счастья беднякам. В самом деле, какая месть может быть за все тысячи лет страдания бедных? Важнейшая нравственная проблема, с которой не сладил в свое время В.Г.Белинский! Если требование "страшного суда" утопично и революцию нельзя понимать как сведение исторических счетов, то не оправдана ли этим концепция всепрощения, которой списываются "за давностью лет" тысячелетия эксплуатации, глумления, попрания человеческого достоинства в человеке? Но если нельзя изменить прошлое, то можно повлиять на будущее, и революция как раз и "спасает" будущее человечества. Так по крайней мере считает первое поколение революционеров.

Истинный революционер Моррис не отказывается от восстания, хотя сначала нужно исчерпать другие средства. Но нельзя отказываться от решительных действий на том основании, что они могут спровоцировать

гражданскую войну. Поэтому восстание нужно готовить и в первую очередь обратить внимание на армию. В 1893 г. в Фейверстоне солдаты стреляли в йоркширских шахтеров. Они будут стрелять в народ без колебаний, пока нет сомнений в законности их действий. Мы должны постараться получить пулеметы и ружья, указал Моррис в интервью, напечатанном в газете "Джастис" в январе 1894 г. [см.151, р.711].

Уроки Морриса говорят нам, что нельзя пренебрегать каким-либо, хотя бы и невостребованным исторически, опытом развития социалистических идей, будь то экономизм, эстетизм, этический социализм, гильдейский социализм и т.д.

Критикуя современное общество, Моррис ставит ему в вину разобщенность людей, находящихся в состоянии постоянной войны, которое Гоббс относил к предыстории человечества. Моррис без обиняков называет конкуренцию войной, в которой кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Эта конкуренция в конце XIX в. переносится на международную арену, что было неприятным сюрпризом для сторонников фритреда, и привела к национальной вражде и столкновениям. Миссия социализма - верил Моррис - заменить отношения вражды отношениями сотрудничества и содружества.

Моррис был постоянно обеспокоен культурным и моральным тоном социалистов и рабочих. "Рискуя быть непонятым горячими головами, - писал он в 1886 г., - но дело более, чем когда-либо заключается в *Образовании...* Нельзя надеяться, что *весь* рабочий класс будет образован в социалистическом духе к нужному сроку. Но *нужно* надеяться, что сильная партия, образованная экономически, организационно, административно, будет создана" [131, р.148].

Ставя вопрос о внесении социалистического сознания в рабочее движение, Моррис отчетливо понимает, что эта задача не разрешима без создания действительно массовой, хорошо организованной

партии, вооруженной теорией. Но он превосходно сознавал, что сам он для организации такой партии не имеет ни сил, ни способностей. Он отказывается поэтому войти в руководство образовавшейся в 1893 г. Независимой рабочей партии, на которую многие, в том числе Энгельс, возлагали большие надежды. И все же привлекательная фигура великого поэта и утописта оказывается не в стороне от магистральных путей истории. Думається, мы еще не раз будем обращаться к его творчеству, предугадавшему, может быть, порой в неадекватной форме, наши проблемы, в решении которых мы можем рассчитывать на помощь Уильяма Морриса²³.

4. Рабочее движение и вопросы социалистической теории в конце XIX - начале XX века

Говоря об оживлении социалистического движения в Великобритании 80-х гг. XIX столетия, нельзя пройти мимо кружка молодых интеллектуалов, выходцев из среднего класса, образовавшегося в 1884 г. с целью изучения социализма и особенно труда Маркса "Капитал". В кружок входили У.Вебб, Б.Шоу и другие. В историю этот весьма немногочисленный по составу кружок вошел под названием фабианского общества, образованного от имени Фабия Максима, известного полководца в Древнем Риме, прозванного Кунктатором-медлителем.

---

²³ Спор о том, был ли Моррис марксистом, положительно решен Э.П.Томпсоном в его фундаментальной работе о Моррисе [151], где он показал, что Моррис с полным основанием отождествлял свои взгляды с марксистской традицией. Моррис никогда не вставал в оппозицию в какому-либо принципу научного социализма Маркса, сознательно принимал научный социализм или коммунизм, все политические сочинения Морриса находятся в согласии с марксистской традицией.

В письме к Каутскому от 4 сентября 1892 г. Энгельс называет фабианцев сложившейся кликой буржуазных социалистов различного пошиба от карьеристов до сентиментальных социалистов и филантропов, объединенных только страхом перед грядущим господством рабочих и готовых на все, чтобы предотвратить эту опасность, оставив руководство за собой, за "образованными" [34, т.38].

Позднее В.И. Ленин, отдавая должное некоторым теоретикам фабианского общества, в частности, супругам Вэбб и Гобсону, назвал их политическую позицию самым законченным выражением оппортунизма и либеральной рабочей политики.

Члены группы имели широкие и разнообразные интересы, о чем свидетельствуют фабианские трактаты, которых к 1920 г. вышло около двухсот. Основная их часть посвящена практическим вопросам: "Почему так много бедных?"[1]; "В чем нуждаются трудящиеся-фермеры"[19]; "Что читать?"[29]; или популяризации социальных проблем: "Капитал и земля"[7]; "Что такое социализм?"[5]; "Социализм и моряки"[46]; "Безработные"[47]. Трактатов по философским проблемам всего три: "Моральные основания социализма" С.Оливера, "Моральные аспекты социализма" С.Болла и "Философия социализма" А.Клаттона. Эта скудность, разумеется, не случайна и вряд ли объяснима стремлением к такой популяризации идей социализма, чтобы любой церковный сторож их понял и принял. В убеждении, не всегда, впрочем, высказываемом, многих фабианцев в малой значимости философского обоснования политических доктрин, легко угадывается влияние позитивизма, идущее либо от самого О.Конта, либо от его английских последователей. Авторитетами для фабианцев были Милль, Дарвин, Гексли и Спенсер.

Игнорируя метафизические вопросы, фабианцы предпочитали обсуждать этическую проблематику, хотя общие методологически-философские установки можно

найти и в программе, представленной обществом в 1896 г. на конгресс Интернационала.

Каково же отношение членов общества к Марксу и марксизму? Ведь первые собрания были посвящены изучению "Капитала", как мы помним. Сборник своих трактатов фабианцы послали Ф.Энгельсу на отзыв.

Члены общества начали собираться два раза в месяц для совместного чтения и обсуждения I тома "Капитала" во французском переводе после нового 1885 г. Затем Вэбб и Шоу приступили к изучению I тома на немецком языке, проходя по две страницы в два часа.

Довольно скоро выявились расхождения с Марксом. Вэбб был не согласен с марксовой теорией ренты, которая якобы игнорировала вклад Рикардо в эту проблему. Развитие учения Д.Рикардо приводит к учению о трех прибавочных рентах или "монополиях": на землю, капитал и способность к специальному искусству (умению). Но такой подход требует отказа от трудовой теории стоимости. Вместо нее фабианцы принимают теорию предельной полезности Джевонса²⁴. Шоу свидетельствует, что Ф.Эджуорт как джевонсианец и С.Вэбб как миллевек сражались с марксовой теорией стоимости зубами и когтями.

Будучи, по определению Макбриара, прямыми наследниками просвещения в ее английской утилитаристской ветви, фабианцы не были буквальными восприимчивыми Бентама [120, р.149]. Их устраивал миллевский ответ Бентаму: лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем удовлетворенной свиньей. Лидер и главный теоретик - Сидней Вэбб признавал своим интеллектуальным богом-отцом Спенсера, хотя и его в общем утилитаристская этика им корректировалась. Беатриса Вэбб в книге "Наше партнерство" указывала, что они отвергали

---

²⁴Энгельсовские оценки теории см. в его письмах к Н.Ф.Даниельсону 5.1.1888 [34, т.37, с.7], 15.X.1888 [36, с.268-269] и Ф.А.Зорге от 8.II.1890 [34, т.37, с.299].

формулу "наибольшее счастье наибольшего числа людей", поскольку нельзя знать, что большинство понимает под счастьем. В отличие от бентамитов, даже не ставивших такую проблему, Вэббы полагали, что наука может дать определения целей. Этими целями не может быть всеобщее счастье, но и не может быть противоположная коллективизму индивидуалистическая "модель", вытекающая из атомистического понимания общества. Социализм для фабианцев не избавление от всех зол, а лишь от тех, которые вырастают из неравного, несправедливого распределения богатства.

С.Вэбб подчеркивал важность баланса между автономией и централизацией в местном самоуправлении. Он надеялся избежать сверхцентрализации через распространение местного управления - муниципальный социализм [120, р.160].

Во взглядах фабианцев на общество иногда проступают черты органистической теории общества, разрабатываемой оксфордскими неогегельянами.

Трактаты фабианцев содержали существенную критику капиталистического общества, хотя никогда не предлагали насильственных мер как средства для его "лечения". Фабианцы требовали ввести прогрессивный налог, дифференцировать трудовые и нетрудовые доходы, увеличить налог на наследство - меры, актуальные не только для капиталистической системы. Частная собственность, по мнению фабианцев, практически размывается концентрацией промышленности. Существующая система рухнет не потому, что аморальна, а потому, что станет неэффективной.

Как мы уже говорили, фабианцы рано начали критиковать учение Маркса не только в его экономической части²⁵, но и в политическом аспекте, не говоря уже о неприятии ими диалектического метода. Главная опас-

---

²⁵Как отмечает советская исследовательница Л.А.Галкина, "в большинстве случаев они спорили не с подлинным учением Маркса, а с гайдмановской его вульгаризацией" [см. 10].

ность марксистского учения представлялась им в его революционном характере. В своих работах по истории революционного движения фабианцы переосмысливали уроки революционных традиций английского рабочего класса.

В трактате N 51 "Истинный и ложный социализм", изданном в 1894 г., С.Вэбб ясно выражает точку зрения своего кружка на революцию". Мы убеждены, - пишет он, - что социалистический режим нельзя ввести путем переворота. Мы не верим в эту догму. Мы не возлагаем также никаких надежд на организацию отдельных социалистических коммун, под каким бы покровом эта старая идея ни появлялась. В этом направлении мы работали в течение десяти лет, не уклоняясь ни в сторону бунтарства, ни в сторону утопизма" [57, с.31].

Задачу современного социализма С.Вэбб видит в том, чтобы дать современному поколению "систему политического мышления". Мы не имеем в наших рядах таких величин, как Джеймс Мишль или Иеремия Бентам, мы не владеем таким богатством и не занимаем такого общественного положения, как радикальные философы первой половины столетия, но мы должны выполнить подобную же задачу [57, с.31].

Принципиальное выражение взглядов фабианцев, их программа содержится в докладе на социалистическом конгрессе 1896 г.

Программа формулирует общую задачу фабианского общества как пропаганду, долженствующую убедить английский народ в том, что необходимо реорганизовать политические учреждения страны на самых демократических началах и ввести социалистический режим в промышленности для того, чтобы материальная жизнь народа была независима от частного капитала. Социализм помогает только тем, кто страдает от неправильной организации труда, производства и от несправедливого во всех отношениях распределения. И вообще, все, что ставит себе общество в качестве цели, сводится к

изъятию земельного и промышленного капитала из рук отдельных лиц или классов и передача его в собственность общества, которое распоряжается всем в интересах всех. Это необходимо для того, чтобы вызволить рабочих из зависимости от "благоусмотрения" предпринимателей.

Фабианское общество не имеет своего мнения по вопросам брака и религии, по абстрактным вопросам науки, денежного обращения, по вопросам общего исторического развития. Здесь можно усмотреть полемическое противопоставление незавершенности, эскизности, недогматичности взглядов фабианцев универсальным системам типа гегелевской и марксовой. Более того. Фабианцы не считают себя ни представителями английского народа, ни даже представителями социалистических партий. Они поэтому не стараются создать для себя особого политического представительства и не выставляют собственных кандидатов. Фабианское общество является сторонником конституционного образа действия, считается с существующими отношениями, берет вещи такими, какими их создала природа, учитывают человеческую сущность, национальный характер и политические традиции английского народа.

Социализм фабианцы понимают следующим образом. Народ организуется и управляет всеми необходимыми для страны отраслями производства, вся рента с земли и капиталов является собственностью всего народа в целом, который собирает эти доходы посредством тех общественных организаций, которые наиболее приспособлены для данных целей, как, например, сельские общины, городское, провинциальное и центральное управление.

"Главное зло системы капитализма заключается не в бедности бедных и не в богатстве богатых, но во власти, которая просто владеет орудиями производства и принадлежит лишь небольшой части общества, власти над действиями других сограждан и над духовным и

физическим окружением последующих поколений" [см.156, цит.по 154, р.129].

В программном документе имеется раздел, трактующий философию фабианцев. Под ней понимается, однако, нечто морализаторское: фабианское общество стремится разбудить совесть общества. Оно добивается этого, проливая свет на безобразные условия жизни, созданные господствующей общественной системой [см.57, с.57].

Общество ставит себе задачу продолжить работу Маркса по сбору и тщательной обработке данных о "нашей капиталистической цивилизации", убедившись, что предположения социалистов о положении рабочих не совсем соответствуют истине, оно намного хуже на деле. "Фабианцы пришли таким образом к заключению, что для философии социализма СВЕТ более важный фактор, чем теплота" [см.56, с.58].

Тот же суховатый рационализм сквозит в предупреждении, что социализм не является панацеей от всех болезней человеческого общества.

Фабианцы добиваются своих целей посредством распространения социалистических идей, правильных понятий об отношении индивидуума к обществу в области хозяйства, морали, политики и рассчитывают на следующие отсюда социальные и политические изменения.

Такая тактика, получившая название "тактики пропитывания", делает понятным стремление фабианского общества остаться вне рабочей партии с тем, чтобы удерживать ее на правильном пути.

Фабианское общество, эта "ассоциация лекторов", по выражению У.Морриса, в глазах лейбористских историков Коля и Постгейта являлось воплощением английского духа. Британский социализм как практическая сила воплощен в фабианцах [см.85].

Развитие рабочего движения в Англии шло противоречивым путем. Классический капитализм вступил в

эпоху империализма, и монопольное положение на мировом рынке "мировой фабрики" пошатнулось. Резко возросла конкуренция со стороны стран Европы и США. Однако, улучшились социальные условия в стране. За 50 лет с середины XIX в. снизилась почти на 1\5 смертность. Число нищих с 1млн. упало до 800тыс., несмотря на общий рост населения. С пятидесятых годов до середины семидесятых (начало Великой депрессии) заработная плата выросла почти на 50%. Очевидно, что острота классовых противоречий оказывается несколько притупленной. Но в то же время начинают пробивать дорогу новые тенденции, тенденции империализма - рост международной конкуренции, начавшаяся гонка вооружений, а с ней искажение "естественной" структуры промышленности.

В 1889 г. образуется Шотландская рабочая партия, которая начинает борьбу за рабочее представительство, независимое от доктринерских установок СДФ. Вскоре пришел первый успех. В парламент был избран независимый кандидат Кейр Гарди, углекоп и рабочий лидер²⁶.

В начале 1893 г. в Бредфорде состоялась учредительная конференция новой "Независимой рабочей партии" (НРП). 115 делегатов, среди которых были члены СДФ и фабианцы, приняли программу партии при активном участии Эвелинга. Главная цель организации - установление общественной собственности на средства производства, распределения и обмена. В качестве политических требований выставлялись: введение всеобщего избирательного права, ликвидация монархии и палаты лордов, сокращение сроков полномочий палаты общин, введение всенародного референдума по важнейшим для нации вопросам.

---

²⁶В 1896 г. в Глазго сорок молодых столяров и литейщиков организовали марксистский клуб для изучения "Капитала" [см.14, с.492].

Легко заметить, что данные требования недалеко ушли от программы Демократической федерации. За первый же год партия сильно выросла численно. В графствах у нее уже было 400 отделений. Но тяжелое положение на выборах 1895 г., когда не прошел ни один из ее 28 делегатов, и даже Кейр Гарди, затормозило ее рост. Возникли финансовые трудности. На следующий год после поражения на выборах руководство НРП решило провести переговоры с лидерами СДФ и фабианского общества для обсуждения вопросов совместных действий на выборах. Фабианцы вышли из переговоров в самом начале. Достигнутое соглашение НРП и СДФ вскоре расстроилось из-за взаимных обвинений. Партийный референдум высказался против объединения с СДФ. Гайндман со своей стороны отверг предложение о федеративной соподчиненности организаций. Надежды Энгельса на новую партию развеялись очень скоро. Партия стремительно правела, чему способствовал ее лидер Рамзэй Макдональд, хотя формально партия признавала социалистическую ориентацию.

Конец века ознаменовался большими событиями во внутренней и внешней жизни. Одно из них - забастовка машиностроителей. В 1897 г. они выступили с требованиями восьмичасового рабочего дня. Забастовка была поддержана, и 100 лондонских фирм уже были согласны на удовлетворение требования бастующих. Но в этот момент Федерация предпринимателей резко выступила против. Ее комитет объединил против забастовщиков более 700 фирм, которые и подавили забастовку. Это был очень тяжелый урок. Капиталисты продемонстрировали рабочим пользу организованности, сплоченности. Разрозненному рабочему движению следовало сделать надлежащие выводы. Назрел вопрос о создании собственной массовой рабочей партии. И с самого начала круг ее задач мыслился исключительно экономическим. Не случайно многие исследователи считают 1897 г. переломным в истории английского социали-

стического движения, ибо отныне в нем возобладала реформистская ориентация на экономизм.

Другим важным событием на рубеже столетий стала первая империалистическая англо-бурская война в Африке, которая велась, по существу, за сохранение колониальной монополии. В работе "Империализм как высшая стадия капитализма" В.И. Ленин приводит выразительные слова С. Родса: если вы не хотите гражданской войны, то вы должны стать империалистом [33, т.27, с.376].

Как во время русско-турецкой войны, когда Англия вдруг почувствовала угрозу своей колониальной монополии на Балканах, страну захлестнула мутная волна "джингоизма" и показательно, что джингоистами стали не только представители буржуазии, а, как указывала газета "Джастис", самым крикливым джингоистом оказался средний рабочий. "Патриотические" настроения были так сильны, что конгресс тред-юнионов в 1900 г. осудил войну только незначительным большинством.

Блетчфорд, автор "Веселой Англии", поддерживал войну с бурами. Трудно было ожидать осуждения войны от фабианцев, если один из лидеров считал, что британская империя - прообраз будущей всемирной федерации.

Все эти проблемы оказали свое воздействие на дальнейшие судьбы рабочего движения. Уроки поражения забастовки машиностроителей заставили НРП воззвать к профсоюзам вести независимую от буржуазных партий политику, что и привело к созданию 27 февраля 1900 г. Представительного лейбористского комитета, на основе которого через несколько лет сформировалась Лейбористская партия.

СДФ как всегда пыталась навязать новой организации социалистические требования. Не добившись успеха, она не нашла ничего лучшего, как порвать в 1901 г. с создаваемой организацией, отдав ее на откуп чуждым марксизму влияниям. Красочно, с известной долей

юмора описывает эту ситуацию историк фабианства Э.Пиз: социалистические львы улеглись рядом с профсоюзными овцами. Но один из львов (СДФ) быстро удрал, а другой (НРП) научился прыгать через либеральную веревочку.

В отчете о заседании международного социалистического бюро, написанном В.И. Лениным, приводятся слова Энгельса о том, что английские социал-демократы во главе с Гайндманом поступают по-сектантски, не умея примкнуть к бессознательному, но могучему классовому инстинкту тред-юнионов, превращая марксизм в "догму", тогда как он должен быть "руководством к действию". Ленин замечает, что когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности в гуще пролетарских масс [33, т.17, с.241].

Уроки Энгельса были актуальны, что подтверждено дальнейшим развитием событий, "когда английские тред-юнионы, замкнутые, аристократические, мещански эгоистические, враждебные социализму, стали тем не менее подходить к социализму, неловко, непоследовательно, криво, но все же подходить к социализму" [33, т.17, с.241].

Таким образом, несмотря на значительный успех рабочего движения, выразившегося в образовании массовой рабочей партии, марксизм не мог отнести его на свой счет. По-прежнему лидером марксистского рабочего движения оставалась СДФ, которая с 1909 г. стала называться Социал-демократической партией. Процессы объединения левых, марксистски-ориентированных сил привели к созданию в 1911 г. Британской социалистической партии (БСП), ядро которой составила Социал-демократическая партия. Задача БСП, как писал "Джастис" в конце 1911 г., сделать социализм понятным

для всего народа, стать эффективным инструментом для осуществления социализма.

БСП принялась исправлять некоторые ошибки старого руководства. Так в 1913 г. она вступила в лейбористскую партию в качестве коллективного члена. Что касается теоретической подготовки, то освоение марксизма все еще отставало от требований, предъявляемых сложнейшим комплексом внутренних и международных социальных проблем накануне I мировой войны. Едва начавшись, она выявила слабые и непоследовательные элементы, недоработки не только в постановке и решении задач политических действий, но и в чисто теоретической области. Неслучайно в эти годы Ленин особое внимание обращал на изучение вопросов диалектики, видя в ней важнейшее методологическое средство решения теоретических и практических задач.

Между тем английские марксисты, за исключением Бакса, как и прежде мало интересовались теоретическими философскими вопросами, так же как не интересовались вопросами методологии, естественнонаучными и социологическими исследованиями. Единственное обращение к проблематике диалектики в социалистической литературе тех лет была книга Д.Р.Макдональда "Социализм и общество", написанная в социал-дарвинистском духе, выдержавшая в течение трех лет 6 изданий (к 1908 г.).

Утверждая, что общество есть организация биологического типа и что оно развивается через политические и экономические стадии к моральной стадии, т.е. эволюционирует в этический социализм, Макдональд убежден, что этот процесс может быть понят только на основе биологической науки. Немецкая философия спекулятивно занималась той же проблемой. Не случайно Маркс пришел к социализму через Гегеля. Его (Маркса) главный недостаток в том, что он принял гегелевскую идею развития и ее "рациональную" часть - диалектику. Главное, в чем запутался Маркс, - это учение об отрица-

нии революции, в чем убеждало его положение Англии в середине XIX в. Но марксова концепция социального развития утопичная, поскольку преддарвинистская [см.121, з.VII]. Макдональд отдает должное Гегелю - он снова вернул нас к рассмотрению бытия как становящейся реальности. Метафизик всегда склонен потеряться в лабиринте формальных, но нереальных противоположностей и противоречий... Но как только мы рассмотрим феномены в их движении, в их эволюции, в их возможности мы начнем иметь дело с реальностями, а не абстракциями [121, p.111]. Основной порок диалектики в допущении противоречия. Именно поэтому гегелевская идея развития ложна. Главный ее недостаток, по Макдональду, в разработке понятия отрицания отрицания. От этого не избавлены и Маркс с Энгельсом. Соединив сен-симоновское понятие классовой борьбы с гегелевской диалектикой и заменив идеализм экономическими классовыми мотивами, как движущей силой, Маркс создает философию истории и политический (то есть революционный) метод. Социальные изменения с этой точки зрения представляются Марксу, пишет Макдональд, не как процесс функциональной адаптации, но как результат конфликтующих экономических интересов, ищущих равновесия. Вот причина того, что метафизические и логические дефекты гегелевской диалектики прослеживаются во фразеологии теорий и догм, а также в надеждах местной марксистской школы [121, p.112].

Намерение Макдональда объявить марксизм морально устаревшим достаточно прозрачно. Дело в том, что гегелевская диалектика не годится для описания биологической и социальной эволюции. И потому Марксу не следовало удерживать гегелевскую диалектику в какой бы то ни было форме. Не меняет дела, считает Макдональд, что Маркс старался подчеркнуть свою независимость от Гегеля, ведь даже отделив диалектику от идеализма, он, удержав закон отрицания отрицания, не смог избежать ненаучной идеи катастрофы и револю-

ции. Биологический взгляд обосновывает возможность органического порождения существующим строем - общества будущего - и рассматривает идеи и обстоятельства как два фактора, из которых возникает новый социальный организм. Отсюда затушевывание критических и революционных моментов и, напротив, акцентирование процесса совершенствования организации, более слаженного сотрудничества органов общества. Соответственно осуждается "логический" подход, оперирующий поверхностными противоположностями, катаклизмическими изменениями, в которых социальный прогресс видится через призму гегелевской диалектики. В конце концов Макдональд без обиняков заявляет, что философия Маркса принадлежит старому поколению, его "логический" взгляд на государство (с точки зрения закона отрицания отрицания - *М.А.*) нереалистичен и, будучи устаревшим, дезориентирует социалистов в их практических действиях. Таково его резюме по проблеме Гегель-Маркс.

Возможно, эти довольно распространенные представления имел в виду В.И. Ленин, когда в работе "Карл Маркс" писал: "В наше время идея развития, эволюции вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля". Подход Ленина-революционера, разумеется, иной, чем у реформатора Макдональда - не противопоставлять, а синтезировать точки зрения на эволюцию: "Эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции" [33, р.26].

Эволюционистский социал-дарвинизм Макдональда как общеисторический подход остался благим пожеланием, хотя и сохранил известное значение для собственно английской истории. Первая русская революция 1905 г. открыла эру великих социальных потрясений XX в. и явилась грозным предупреждением всем умеренным и благонамеренным расчетам на мирное,

"органическое" культурное развитие современного общества.

Обозревая пройденный путь с момента образования социалистической марксистской организации в Британии и до начала мировой войны, следует сразу признать, что марксистам не удалось решить главный вопрос создания массовой партии, владеющей марксистской теорией [113, р.242-302]. Не видно было особых достижений и в теоретической работе, хотя поднятые проблемы были интересны и перспективны.

Заслуживало внимание образование рабочих колледжей, где изучались элементы марксистской теории. Их родоначальником был Рескин-колледж, созданный в 1899 г. христианскими социалистами. Учащиеся колледжа позднее сформировали Плебс-лигу. После 1909 г. в Оксфорде был образован центральный рабочий колледж, переехавший в 1911 г. в Лондон. Обучение в колледже было ориентировано на марксистскую литературу, интерпретированную в тред-юнионистском духе [123, р.74].

Суровые испытания, которым подвергла теоретиков и практиков социалистического движения I мировая война, оказались роковыми для многих партий и их лидеров.

Ветеран рабочего движения Кейр Гарди, выразив сожаление, что войну не пресекли в самом ее начале посредством энергичных акций, уже вскоре голосовал за военные кредиты. И не он один. Весьма распространенным среди социалистов стал социал-шовинизм, английский вариант которого рассмотрел Ленин в статье "Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории", а также в брошюре "Социализм и война". Общей чертой идеологии этого типа была ориентация на сотрудничество классов, вместо борьбы их, отказ от революционных средств борьбы, помощь "своему" правительству... [33, т.26, с.322].

Шовинистический угар охватил и лейбористскую партию. Наиболее стойкие социалисты встали на пацифистскую позицию. Возникла организация "Содружество против воинской повинности".

Конечно, соблазнительно объяснить это "грехопадение" нелюбовью к теории, игнорированием диалектики и, следовательно, отсутствием надлежащей культуры диалектического мышления, но пример такого эрудированного марксиста как Плеханов заставляет проявить осторожность в этом вопросе. Тем более, по Ленину, "нелюбовь к абстрактным теориям позволила англичанам прямее, "напрямки" ставить политические вопросы, помогая таким образом социалистам иных стран находить реальное содержание под оболочкой всякой (в том числе "марксистской") словесности" [33, т.26, с.269-270].

Кризис социал-демократии способствовал размежеванию ее правого и левого крыла. Этот процесс протекал и в БСП, где долголетняя борьба с лидерством Гайндмана, возглавляемая Федором Ротштейном, выходцем из России, увенчалась успехом "левых". В 1916 г. Гайндман и его сторонники, среди них и Э.Б.Бакс, потерпели поражение при обсуждении повестки на конференции БСП и покинули ее, создав национальный совещательный комитет. Руководство БСП потребовало, чтобы они либо распустили комитет, либо вышли из партии. В конце концов Г.М.Гайндман и Э.Б.Бакс образовали новую национал-социалистическую партию, которая в 1918 г. сменила свое злое название на старый титул Социал-демократической федерации. По мере того, как становился ясным империалистический характер войны, материальные и моральные тяготы которой ложились на плечи трудящихся, нарастал протест про-

тив войны, усиливалась экономическая борьба. Особенно мощным было движение шоп-стюардов - цеховых старост в Шотландии. Не менее заметным было восстание в Ирландии в 1916 г., жестоко подавленное колонизаторами.

Но все-таки действительно новый этап в развитии рабочего движения в Великобритании, так же как и в распространении и развитии марксистской мысли, начался после революционных событий в России в 1917 г.

Глава II. Между двумя мировыми войнами. Образование компартии Великобритании. Начало теоретических разработок проблем диалектики в 20-е и "красные" 30-е годы

1. Образование КП Великобритании и распространение марксизма в 20-е годы

Русская февральская революция была встречена с энтузиазмом всеми рабочими партиями и организациями Великобритании.

Вместе с тем сектантский характер марксистски ориентированных партий и групп Британии, недостаточная связь с континентальным социалистическим движением, культивирование интереса к узконациональным проблемам сказались в том, что английский рабочий смутно представлял себе различия между большевиками и меньшевиками, правыми и левыми эсерами и т.д.

Октябрь помог трудящимся Британии разобраться, кто есть кто. Очень скоро рабочие стали называть себя большевиками, когда хотели заявить о решительности своих требований. В короткий срок движение за мир и в поддержку Октября приняло массовый характер. Выступление М.Литвинова в январе 1918 г. на Ноттингемской конференции лейбористской партии было ознаменовано триумфальной овацией.

Окончание мировой войны сопровождалось углублением и расширением революционного и профсоюзного движения. Если в период 1909-1914 гг., период

подъема рабочего движения, было 4млн. 136тыс. забастовщиков, то за 6 лет с 1917 по 1922 год число бастующих почти удвоилось - 8 млн. 868 тыс.

Ситуация после войны в стране сложилась критическая. Тяжелое экономическое положение, созданное войной (стоимость ее для Англии составила 8 млрд. 740 млн. фунтов стерлингов), усугубилось авантюрной интервенцией в целях возвращения аннулированного Советами займа царской России на сумму 4,3 млрд., причем и заем не вернули, и сама интервенция обошлась в крупную сумму - 2,5 млрд.ф.ст. Правительство искало выхода в расширении слоев населения, облагаемых налогом. Так, с 1919 г. подлежали обложению лица с уровнем дохода в 130 ф.ст. в год, что привело к увеличению числа налогоплательщиков с 1 млн. 300 тыс. в 1915 г. до 3 млн. 900 тыс. в 1919 г. Трудящиеся отвечали массовыми забастовками, выступлениями и бунтами в армии и на флоте. В начале 1919 г. в промышленном районе Шотландии на Клайде разразилась мощная забастовка. Рабочие требовали введения сорокачасовой рабочей недели. Но, как вспоминал один из руководителей стачки: проводили забастовку, тогда как должны были делать революцию.

Существенную помощь при выходе из кризиса правящим классам оказали Лейбористская и Независимая партии. Парадоксально, но в 1918 г. Лейбористская партия приняла социалистическую платформу, разработанную фабианцами и руководством Независимой партии, также модернизировавшей свою программу. Главным лозунгом новой программы была национализация земли, шахт, железных дорог, кораблестроения.

Победа Октября, открывшая реальные перспективы мировой революции, образование Коммунистического Интернационала создали важные предпосылки для строительства последовательно марксистской рабочей партии в Великобритании.

Ральф Фокс в своем исследовании по истории классовой борьбы пишет: "Хотя Британская Социалистическая партия на конференции 1919 г. объявила о своем присоединении к Коминтерну, хотя Социалистическая рабочая партия была на стороне Советов и диктатуры пролетариата, хотя Национальный совет шоп-стюардов имел революционное руководство, хотя внутри Независимой рабочей партии образовалось сильное крыло, склонявшееся к разрыву со II Интернационалом и присоединению к III-му, хотя было много маленьких революционных групп по всей стране, таких как Южно-Уэльское социалистическое общество и Социалистическая федерация рабочих С.Панкхерст, эти группы не смогли избавиться от сектантства и доктринерского прошлого" [93, р.1].

Все они вошли в образовавшуюся в июле 1920 г. Коммунистическую партию Великобритании.

Решающее значение для вновь образованной партии, ее политического и теоретического лица явилось признание условий приема в Коминтерн, состоявших из 21 пункта. В них содержалось требование "избегать разжижения партии шаткими половинчатыми группами, решительно бороться с реформистами, сторонниками центра, для чего удалять их с ответственных постов, а вместо них ставить надежных коммунистов, не смущаясь и заменой опытных деятелей "рядовыми рабочими" [23, с.101].

Выполнение этого условия привело к тому, что уже в 1923 г. из партии вышли члены "не-пролетарского" происхождения, такие как Сильвия Панкхерст, издатель газеты Рабочего колледжа Ф.Хоррабин, журналисты из "Дейли Геральд" У.Меллор и Р.Постгейт, который первое время руководил партийной газетой. На смену им действительно пришли люди с пролетарским классовым инстинктом, но весьма слабо подготовленные в теоретическом отношении. Так что последствия первой "чистки" были неоднозначными.

Пятый расширенный пленум Коминтерна, прошедший в марте-апреле 1925 г., потребовал большевизации партий Коммунистического Интернационала. Большевизация определяется пленумом как умение применить общие принципы ленинизма к данной конкретной обстановке в той или другой стране [23, с.178].

Необходимые разъяснения о сущности ленинизма и его отношении к марксизму были даны, однако, только в Программе Коминтерна, принятой в 1929 г., когда вместо Бухарина работу Коминтерна контролировал уже Сталин. Там указывается, что ленинизм ни в коей мере не может противопоставляться марксизму. Ленин является самым выдающимся учеником Маркса. Без марксизма нет ленинизма. Но ленинизм обогатил общее учение марксизма разработкой вопросов: теории империализма и пролетарской революции, об условиях и механизме осуществления диктатуры пролетариата, взаимоотношения пролетариата и крестьянства, о значении национального вопроса вообще и т.д.

Характерно, что авторы документа не сочли возможным отметить вклад Ленина в философию марксизма, тут ведущим авторитетом все еще считался Плеханов. Также совсем не упоминается ленинский кооперативный план.

Показательны те рекомендации, которые даются молодой английской компартии, "делающей серьезные успехи в деле преобразования в массовую компартию". Среди них такие как: проводить работу в профсоюзах с целью их политизации, агитация против колониализма и особенно по ирландскому вопросу, создание централизованной партийной организации и ликвидация кустарничества, тактика единого фронта и т.п. Видимо, освоение марксистско-ленинской теории во всех ее трех составных частях само собой разумелось и потому особо не оговаривалось.

Думается, молодая партия осознавала все значение теоретической подготовки. В октябре 1922 г. была со-

здана преподавательская группа для подготовки и обучения коммунистов, но она работала неудовлетворительно и вскоре была распущена. Работали в Лондоне шестимесячные курсы, но и они задачу не выполнили.

Серьезным испытанием дееспособности партии, ее теоретической зрелости стала всеобщая забастовка в мае 1926 г. Она продемонстрировала какой мощной силой может стать организованный рабочий класс. Нельзя сказать, что компартия извлекла из забастовки все, что последняя могла дать (См. 122). Но это была замечательная школа. Одним из ее уроков стал вопрос о теоретической подготовке профессиональных партийных кадров.

Молодые британские коммунисты получили возможность проходить подготовку и, весьма солидную, в Москве, изучая политическую экономию, философию, историю ВКП(б), общую историю.

Важное значение для партийного самообразования получило налаживание изданий произведений В.И.Ленина, среди которых особое место занимали переведенные в 1927-1928 гг. "Материализм и эмпириокритицизм", "Империализм как высшая стадия капитализма", "Что делать?", "Карл Маркс". Получили распространение работы В.Г.Плеханова, "Азбука коммунизма" Н.Бухарина и Е.Преображенского, "История революции", "Куда идет Британия" Л.Троцкого, "Краткий курс политической экономии" А.Богданова, "Вопросы ленинизма" И.Сталина.

Вакуум философского марксистского развития заполнялся "самодетельным" образом. С диалектическим материализмом английский рабочий знакомился по трудам И.Дицгена и его английского последователя Фреда Кэйси (1875-1955). Последний после появления переводов сочинений нью-йоркского сапожника в 1906 г. стал полномочным представителем и проводником его идей на Британских островах. В своих книгах "Мышление" (1922) и "Метод мышления" (1932) Кэйси

прямо обращается к проблематике диалектического мышления.

Основная его задача - достроить здание диалектики на основе сочинений Дицгена. Кэйси был убежден, что Маркс и Энгельс, применив диалектику к изучению общественного процесса, не создали диалектики мыслительного процесса и поэтому не завершили до конца науку о мысли. Эта наука должна носить специфически пролетарский характер.

Как известно, Дицген проводил различие между формальной и пролетарской логикой. Пролетарская логика учит не только о равенстве всего того, что носит облик человеческий, но также и об универсальном равенстве... Обычной логике понятно, что "в природе существует множество различных вещей, но что в этом множестве скрывается единая универсальная природа, это оказалось недоступным ее пониманию" [15, с.169].

Это единство в различии и есть высшая тайна, которую открывает диалектика, показывая, как вещь тождественна и нетождественна себе в одно и то же время. Кэйси иллюстрирует эту глубокую мудрость, известную, правда, уже Платону: можно неподвижно сидеть на стуле, в то время как мир вращается по орбите. (Думается, платоновский пример с вращающимся на одном месте кубарем более нагляден.) Не покажется формальным логикам откровением и пример с живым человеком, громадное число клеток которого все время умирает.

Кэйси останавливается на разъяснении ошибочности представления о диалектике, исходящего из афоризма "все - движется". Покой существует не менее реально, истинное понимание диалектики позволяет легко решать любые практические вопросы, такие как: разумны ли забастовки? Всегда ли право большинство?

Вот еще один образчик "диалектических" экзерсов Кэйси. Если целое есть абсолют, тогда и часть есть абсолют, ибо целое есть часть, а часть - целое. Один из его

оппонентов резонно заметил, что в таком случае надо полагать, что запасное колесо так же успешно довезет нас до Лондона, как и сам кэб.

Влияние Кэйси было серьезно подорвано после публикации перевода работы В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", в которой, при благожелательной в целом оценке работ Дицгена, указано на существенные недостатки, смешение материализма и идеализма, путаницу в некоторых важнейших философских вопросах, свойственные его сочинениям.

Многие учащиеся рабочего колледжа демонстративно отказались участвовать в праздновании столетнего юбилея Дицгена в 1928 г. Газета "Санди Уокер" не приняла статью Кэйси, содержащую критику книги В.И.Ленина. Тем не менее Кэйси вплоть до 1949 г. продолжал свои разработки, обосновывая теперь связь диалектики с душевным здоровьем.

Можно, разумеется, не принимать дицгеанство Кэйси всерьез, но нельзя не признать, что сам факт обсуждения вопросов диалектики является знаменательным симптомом.

К середине 20-х г. относится пробуждение известного интереса к марксизму в академических кругах. Оксфордский профессор А.Линдсей написал Введение к "Капиталу" Маркса, что в журнале "Плебс" было прокомментировано следующим образом: довольно удивительно встретить преподавателя Оксфорда, объясняющего книгу Маркса. Еще удивительнее, что он делает это с симпатией [139, Vol.XVIII, N.4, p.149].

Интересное объяснение данному факту дает известный ученый Д.Холдейн мл. "До 1917 г. можно было игнорировать марксизм как причудливую доктрину, не более важную, чем доктрина Бакунина, Сореля и других революционных теоретиков. Отчасти так обстояло дело в Англии, где марксизм по большей части игнорировался как политическими, так и академическими кругами, в

то время как на континенте он рассматривался по крайней мере как достойный критики... Теперь невозможно сомневаться в важности марксизма, поскольку марксизм был философией Ленина. Трудно отрицать, что Ленин был величайшим человеком своего времени" [см.94, p.15].

Сочувствие Линдсея можно объяснить также его неогегельянством. По этой причине он более широко, чем, скажем, Бакс или Макдональд, трактует проблему Гегель-Маркс. Отныне эта тема становится одной из неприменных проблем в изучении марксистской диалектики и ее идейных корней. Предварительно А.Линдсей предупреждает против легкомысленного отношения к великому творению Маркса. Такое предупреждение излишнее в "этой стране", где распространено два подхода к Марксу: нескритическое осуждение и нескритическое восхваление, по замечанию Линдсея.

Характерная особенность Маркса, по мнению Линдсея, заключается в том, что он не только революционер мысли, но и революционер действия. Из этого верного положения Линдсей делает вывод, что Маркс соединяет в своем лице ученого и пророка, синтезируя в своем подходе гегелевский коллективизм и индивидуалистический утилитаризм классических английских экономистов, особенно Рикардо [118, p.12].

Здесь исходные позиции трактовки отношения Маркса к Гегелю. Влияние Гегеля было громадным, вместе с другими молодыми людьми Маркс не без основания воспринимал учение Гегеля как революционное, хотя и видел консервативные тенденции Учителя.

В зрелые годы Маркс продолжал признавать свой долг перед Гегелем. Линдсей ссылается на "Послесловие ко второму изданию Капитала". Известный пассаж о диалектическом методе, считает он, написан характерным гегелевским языком и свидетельствует, что основным приобретением от Гегеля Маркс считал диалектику, сто-

ящую, правда, у Гегеля на голове, и требующей правильной постановки, путем "переворачивания".

Опасаясь, что слово "диалектика" может быть истолковано двусмысленно, Линдсей разъясняет, что и для Гегеля, и для Маркса главным в диалектике было положение, что истина и прогресс реализуются через конфликт противоположных элементов или тенденций.

Так, в отличие от обычного значения "собеседование" или "доказывание" слово "диалектика" применяется к методу рассуждения и к историческим процессам, о которых рассуждают. И тут неважно, указывает А.Линдсей, что Гегель считал процесс мышления первичной реальностью, а исторический процесс его отражением, тогда как Маркс, напротив, полагал, что движение мысли есть отражение движения вещей. Тут существенно, что истина постижима только в рамках целостного процесса. Она не есть нечто фиксированное и статичное, но существует лишь там, где конфликт и борьба. История человечества для Гегеля представляет собой диалектическое движение, подобное движению мысли [118, p.19].

Принимая идею исторического прогресса, Маркс не приемлет гегелевскую диалектику истории, называя ее мистификацией реальности. Ибо если предположить, что индивиды суть орудия мирового разума, а не субъекты исторического процесса, то как же вносится сознательность в историческое действие?

Напомним, что Маркс сам указывает в "Послесловии ко второму изданию", что он подверг критике мистифицирующую сторону гегелевской диалектики почти 30 лет назад, а именно, что для Гегеля процесс мышления превращается в самостоятельный субъект, который является демиургом действительности, представляющей лишь его внешнее проявление [34, т.23, с.21].

Линдсей полагает, что Гегель мог бы возразить на это, указав, что противоположность между субъектом и

объектом в его системе снята и потому является мнимой. Если бы различие между Гегелем и Марксом заключалось только в этом, добавляет Линдсей, то Маркс был бы одним из тех материалистов, что выросли из гегелевской школы. Но Маркс внес в историческую диалектику нечто большее. Не случайно Энгельс в своей речи на похоронах Маркса сравнивает его с Дарвиным. Это сравнение Линдсей интерпретирует следующим образом. Ключ развития общества, по Марксу лежит за пределами индивидуальных волей, как и у Гегеля. Но у Маркса он кроется в экономической борьбе, суть которой в новых технических изобретениях, изменяющих средства производства. Эти процессы аналогичны биологическим в теории Дарвина. Правильно понятая гегелевская диалектика становится материалистической концепцией истории или экономическим детерминизмом.

Что и говорить, результат мизерный. Аналогию биологической и социальной эволюции мы видели у Макдональда. Экономический же детерминизм как существенная характеристика материалистического понимания истории - общее место у теоретиков II Интернационала. Кроме того, Линдсей не замечает в "Капитале" критику "технологизма" как решающего фактора развития производства. Между прочим, Бакс приписывал своеобразный технологизм Энгельсу. В своих воспоминаниях он утверждает, что, говоря о возникновении новых идейных течений, Энгельс будто бы полагал, что, если покопаться, то всегда можно найти какое-то техническое изобретение, повлекшее в конечном счете за собой изменение и в духовной сфере.

Более подробен анализ Линдсеем конкретных применений диалектического метода - источник недоразумений и недопониманий. Его анализ, подчеркнем, по

сути пионерский в англоязычной литературе¹, но Линдсей, кажется, отождествляет диалектику и метод абстрагирования, буквально поняв высказывание Маркса о том, что при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами - то и другое должна заменить сила абстракции. Ясно, что эта абстракция не должна быть произвольной, априорной, односторонней, но основываться на детальном освоении материала, анализе различных форм его развития, развития внутренних связей. Именно такой подход позволяет "свободно двигаться в материале", выделять существенные черты и отвлекаться от несущественных, второстепенных особенностей экономического детерминизма, приписываемого Марксу, несмотря на разъяснения Энгельса в письмах об историческом материализме. Указав, что за гегелевской концепцией общественного развития и утилитаристским индивидуализмом стоят совершенно различные концепции человека, Линдсей подчеркивает, что с диалектической точки зрения элементарный индивид, изолированный от общественных связей, есть абстракция и притом порочная абстракция. Но это утверждение показывает, что Линдсей выходит за пределы узкого понимания диалектики как метода идеализации. Он заключает, что общество не есть равнодействующая индивидуальных волей, а есть проявление некоей общей воли или цели.

В противоположность этой точке зрения Гоббс и его последователи - английские экономисты - понимали общество как агрегат индивидов, человек же как пучок отдельных желаний, из которых наиболее устойчиво стремление к удовольствию - своскорыстие. Иное дело Маркс, указывает Линдсей, как бывший гегельянец - он взял за основу политическое развитие, но указал, что основу в нем составляли экономические изменения.

---

¹ Можно назвать еще книгу Ребекки Купер, вышедшую в Сизтле в 1925 г. [см. 88].

Экономические категории несут на себе клеймо истории. В отличие от обычных товаров стоимость рабочей силы содержит исторический и моральный моменты. Между тем вульгарный экономический детерминизм предполагает абсолютное господство личного интереса и начисто игнорирует морально-духовные факторы. Линдсей считает письма Энгельса всего лишь поправкой, а не принципиальным разъяснением. Далее Линдсей приводит высказывания Маркса из III тома "Капитала" о прыжке из царства необходимости в царство свободы. Этот пассаж Линдсей понимает в том смысле, что Маркс заимствует у Гегеля концепцию цели исторического развития - достижение царства свободы. Правда, Линдсей все-таки признает, что в отличие от Гегеля Маркс утверждал, что пока общество не контролирует экономические силы, эти силы контролируют общество. И уж, конечно, Маркс не признал бы идеалом государства воплотившееся в прусском конституционном королевстве правление.

Все-таки, думается, Линдсею удалось разглядеть диалектику необходимости и свободы, в которой детерминизм является снятым моментом. Видит автор "Введения в Капитал" и отличие диалектической трактовки Марксом материальных потребностей человека от узкоэгоистической трактовки утилитаристов.

Диалектическая многосторонность марксова подхода усматривается Линдсеем и в понимании классового интереса, новизна которого заключается в приоритете, придаваемом ему Марксом по сравнению с религиозными, национальными и другими связями.

Английский радикализм, приняв принципы Великой Французской революции и желая умалить значение всех социальных различий, трактовал человека как абстрактное и во всем равное существо, не затрагивая систему производства, которая воспроизводит социальное неравенство.

Трудовая теория стоимости Маркса, так же как и у его предшественников, предполагает постоянство жизненно важных материальных потребностей, фактор постоянного спроса для их удовлетворения. Но как легко видеть из критики утилитаризма и особенно И.Бентама, подход Маркса в данном вопросе гибче, диалектичнее. Он признает, что потребности человека развиваются, изменяются исторически и не сводятся к чисто материальной стороне.

Согласимся, что Линдсей остро ставит вопрос о сущности материалистической диалектики как метода, о ее исторических корнях и применениях. Многие из этих вопросов обсуждаются в англоязычной литературе впервые. Книга была тем более своевременна, что вскоре выходит эссе "Маркс, Ленин и наука революции" известного американского публициста Макса Истмена, побывавшего в Советском Союзе. Ленин как ученый и революционер противопоставляется в книге "устаревшему доктринеру" К.Марксу [см.89].

Эссе было разослано виднейшим интеллектуалам того времени - А.Эйнштейну, Б.Расселу, З.Фрейдю, Г.Уэллсу и др. От многих Истмен получил похвальные отзывы. Некоторые его корреспонденты стали поговаривать о том, что книга кладет конец метафизическому фетишистскому марксизму. Однако, далеко не все читатели поддержали попытку Истмена "освободить" марксизм от "гегелевского врожденного порока" - диалектики - и дополнить его самоновейшим фрейдизмом, так же как и его стремление противопоставить социальный активизм Ленина - "слепому детерминизму" Маркса и объявить Льва Троцкого истинным продолжателем легицизма. Последнее заявление, непосредственно задевающее Сталина, вызвало резко отрицательные отзывы в рабочей социалистической печати.

В одной из рецензий, помещенных в "Плебсе", Истмен охарактеризован как представитель маленькой группы интеллектуалов, отдавших свои симпатии делу

рабочих. Эмоционально они слились с пролетариатом, но вместе с тем сохранили известную психологию. Сначала они восторгаются Великой Октябрьской революцией как ребенок красками и шумом ярмарки, но затем... Так, автор книги "Маркс, Ленин и наука революции" после пребывания в России в 1922-1923 гг. удалился на безмятежные берега Средиземного моря и повернул свое перо против лидеров партии, которая строит социализм в России, а затем начал критиковать их инструмент мысли, при помощи которого они разрешают свои проблемы [139, ХVХІХ, N.3, p.88-89].

Здесь имеется в виду неприкрытая атака на диалектику, к которой, как некогда де Леон, прагматик Истмен испытывает какое-то физиологическое отвращение. Свою неприязнь Истмен облачает в научную форму. Его центральный тезис: мышление либо анимистично, либо научно. С этой точки зрения, Гегель находится на нисходящей линии метафизически-анимистического мышления. Маркс, переворачивая Гегеля с головы на ноги, думал, что избавляется от метафизики, упраздняет ее, но на деле всего лишь подставляет материального бога вместо духовного, вместо Иден - процесс производства. Преимущество Ленина перед Марксом Истмен видел в том, что Ленин подходит ко всем вопросам практики научно, лишь словесно платя дань марксовому анимизму.

Истмену резонно указывали, что Маркс и Энгельс вышли из гегелевской школы, прониклись ее духом, выражались ее языком и даже если Маркс не успел придать своей теории законченную форму, это не означает, что абстракции - понятия производственных отношений и производственных сил, будучи обобщением реальных событий, вещей и отношений, являются невидимыми богами за кулисами истории, подобно тому как Гегелевский абсолютный дух играет в прятки с самим собой.

Обстоятельной критике подвергает Истмена старый партиец Т.Джексон в своей книге "Диалектика"; показав

механизм фальсификаций марксистской философии, когда ее выдают за род механистического материализма, с которым искусственно соединена мистико-идеалистическая гегелевская логика. Против механистического материализма мошеннически выставляются все аргументы идеалистов. Против мнимой метафизики, которая выдается за диалектику, выдвигаются все аргументы механистических материалистов. Атака Истмена на теоретическую систему Маркса есть только атака на диалектику [см.107, р.549].

Такой же непримиримый враг диалектики - Р.Постгейт, сын кембриджского профессора, до 1923 г. состоявший в КП Великобритании и издававший партийную газету, впоследствии главный редактор Британской энциклопедии, автор работ по истории, социологии. В книге "Карл Маркс", выпущенной в серии "Создатели нового мира", мы встречаемся с уже знакомым утверждением о том, что марксизм-де был отражением определенных экономических условий и обстоятельств. Коль скоро они изменились, должна измениться, если не исчезнуть, и философия, ими порожденная. Под философией подразумевается диалектика - самая "устаревшая" часть марксизма. Хотя Маркс и Энгельс считали ее чрезвычайно важной частью своего учения, она обречена на "вымирание". Ее изначальный порок, "первородный грех" заключается в том, что марксистская диалектика - есть по сути дела гегелевская диалектика. Не меняет дела то, что диалектика поставлена с головы на ноги, метод ее остается тем же самым. Не помогает и указание Маркса: "Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность" [34, т.23, с.21].

"Чем же гегелевская система диалектики привлекла "двух юных немцев", молодых революционеров - Маркса и Энгельса?", - спрашивает Постгейт. Им показалась восхитительным открытием гегелевская теория, сочетавшая идею дефиниций с их самоизменчивостью. Ди-

стинкция есть начало знания. Сначала осознаются качественные различия. Но идеи качеств содержат в себе семена противоположностей. Обращенные Фейербахом к материальной действительности, друзья убедились с восторгом, что законы мысли не нужно отвергать, они будут прекрасно работать и тогда, когда материализм сбросит с них идеалистическую оболочку.

Негативный подход Постгейта не слишком отличается по своей наивности от "благожелательного" объяснения "христианского коммуниста" (были и такие в Англии того времени) Д.Мерри, который полагал, что "юный гений Маркса был поражен тезисом Гегеля о великом историческом процессе как постепенном достижении Идеи Абсолютного Самосознания в Человеке. Маркс был лучшим учеником Гегеля, но он был молод, а Гегель стар, Гегель мог воображать, что лучшее в природе воплотилось в нем, Гегеле, берлинском профессоре... но что делать было юному Марксу..." и т.п. [см.127, р.16]. Рассматривая самое корректное, по выражению Макса Бэра, применение диалектики в главе о первоначальном накоплении "Капитала", Постгейт, не обнаружив в исторической конкретике своего времени осуществления триады "частная собственность - капитализм - общественная собственность", провозглашает метод диалектики неопределенным, что делает диалектику неподходящим орудием, ничего не добавляющим к нашей способности анализировать ситуацию [141, р.87]. Постгейт действительно не делает различия между Гегелем и Марксом, если приписывает последнему утверждение о дедуктивном выведении конкретной истории из традиционного закона диалектики. Вместе с тем тут кроется реальная проблема, может ли диалектическое определять историческое и является ли диалектика непосредственным инструментом познания. К этому Постгейт добавляет обвинения автора "Капитала" в том, что он "настаивает" на диалектике по идеологическим и сугубо

практическим мотивам. Так теория неизбежности победы пролетариата вырастает единственно из требований диалектики. Но социализм может быть возможен, он может быть вероятен, но не может быть неизбежен. Отказавшись от такого полурелигиозного фанатизма, мы умерим религиозную лихорадку и страсти. Впрочем, если такая характеристика и соответствует сталинской идеологии, то можно ли ее отнести к Марксу, очень непростой вопрос, требующий особого разговора².

Вера в диалектику может быть полезной, признает Постгейт, но при этом диалектика может и не быть истиной. В этом, пожалуй, заметное отличие Постгейта от прагматика Истмена. Долговременного успеха с помощью диалектики не стяжать, поскольку, по мнению Постгейта, она не может быть основой продолжительной активности. По логике диалектики революция должна была свершиться в Америке или Германии, наиболее развитых капиталистических странах, однако, она произошла в России. Потому-то Каутский и посчитал русскую революцию "неправильной".

Итак, русская революция дискредитирует диалектику как неизбежную логику мирового исторического процесса. Именно поэтому диалектика становится помехой революционному движению. Избавившись от диалектики, революция станет на научную почву и тем самым достигнет больших практических успехов [см.141, р.12]. Но победа пролетариата, будучи осуществлением экономических условий, зависит частично и от воли пролетариата. Поэтому важнейшим вопросом является просвещение этой воли. Это лучше всего может сделать

---

²Тем самым Постгейт смыкается с позитивистскими иеримиадами Э.Бернштейна, вроде: диалектика - предательский элемент в марксистской доктрине, помеха, стоящая поперек пути всякого последовательного истолкования вещей [см.5, с.35] и вносит что-то свое, намская, что диалектика "приглянулась" Марксу и Энгельсу как удобный инструмент для фальсификаций любого рода.

психология и ее последнее слово в лице З.Фрейда. Без этого революция станет неоправданно трудным делом.

Для всех интерпретаторов некоммунистической ориентации, как отметил Т.Джексон, характерно единодушное признание, что марксизм, в том виде, в каком его оставили Маркс и Энгельс, недостаточен. Об этом говорят и С.Хук, и Дж.Коль, и Д.Мильтон, и Д.Мерри, и Г.Ласки, и Р.Макдональд, и Д.Макмерри. Но ведь и ортодоксальные марксисты не считают, что классики ответили на все вопросы прошлого, настоящего и будущего. Суть дела в том, может ли марксизм развиваться на собственной основе, без добавления к нему чужеродных тел, таких как махизм, фрейдизм, томизм и любой другой "изм".

Однако это развитие невозможно без изучения всего корпуса текстов классиков марксизма-ленинизма. Между тем, двадцатые годы, как неоднократно отмечалось³, характеризуются отсутствием англоязычных изданий большинства ранних работ Маркса, его трудов о политике и ленинских работ "Материализм и эмпириокритицизм" (до 1927 г.), "Империализм как высшая стадия капитализма" (до 1928 г.), "Что делать?" (до 1929 г.).

Значительной вехой в истории британского марксизма явилась публикация ленинского философского труда "Материализм и эмпириокритицизм". И дело не только в том, что работа блокировала распространение неоидиценовских вариантов диалектического материализма, она вместе с тем приобщила британских марксистов к философской проблематике, давая им критическое и методологическое оружие в борьбе с идейными противниками. Видный английский коммунист Том Белл, участник II конгресса Коминтерна, в своих воспоминаниях пишет с сожалением, что если бы они знали

---

³См. таблицу изданий произведений Маркса и Энгельса на английском языке в Англии и за рубежом в 123.

работу Ленина раньше, то сэкономили бы много сил и энергии в полемике с субъективными идеалистами [78, р.41].

Реакция на философский труд Ленина не была, однако, однозначной [см.1].

Одним из первых откликов на публикацию была статья издателей "Плебса" Идена и Цедара Паули "Ленин о материализме", опубликованная в майско-июньском номере журнала за 1928 г. Отметив, что революционный марксизм (так авторы предпочитают называть диалектический материализм, в виду недоступности для их понимания термина "диалектический") все еще ждет популярного изложения, рецензенты указывают, что "Анти-Дюринг" Энгельса хотя и содержит основы - значительно устарел. Авторы полагают, что и книга Ленина, написанная 20 лет назад, не полностью избегает этого.

В чем же заключается позитивный вклад В.И.Ленина в данной работе? Понять это из рецензии нелегко. Может быть, причина в том, что, как признают рецензенты, книга трудна для чтения и мало приспособлена для начального обучения? Одна из характерных трудностей - это, конечно, диалектика, термин "диалектический" в сочетании с "материализмом". Ленин отвергает метафизический и естественнонаучный материализм, пишут Паули, и предпочитает им диалектический материализм. Но что он мог иметь в виду под "довольно неудачным" термином "диалектический"? В наброске "О диалектике", помещенном в том же качестве приложения, Паули, к своему разочарованию, обнаружил явный гегелевский привкус, отдающий метафизикой (в кантианском смысле).

Более ясным термин "диалектический" им представляется в теории познания, где диалектический материализм настаивает на приблизительности, относительности каждого научного предположения, касающегося структуры материи [139, Vol. XX, N.6, p.117].

Эта диалектика, как и закон единства и борьбы противоположностей, по мнению Паули, также взята у Гераклита Эфесского, что, впрочем, Ленин и не скрывает, из чего следует сакраментальный вопрос: не означает ли слово "диалектический" - с одной точки зрения - эволюционный, а с другой точки зрения - революционный материализм?

Эта проблема подвигает рецензентов на глубоко-мысленный пассаж. Дух может быть диалектическим результатом развития материи. Но это не означает, что он результат диалектического развития. Однажды возникнув, дух преобразует вселенную из часового механизма в нечто иное. В теории Ленин был твердокаменным детерминистом фаталистического типа. Но на практике для него, как и для Маркса в 11 тезисе о Фейербахе, свобода была не просто познанной необходимостью, а революционной свободой - свободой изменять ход мировой истории [139, Vol.XX, N.6, p.117]. Здесь сформулирована одна из важнейших и ответственных тем, разрабатываемых впоследствии в англоязычной литературе С.Хуком и др. о марксистском принципе единства теории и практики и реализации (или перереализации) его Лениным.

Рецензия И. и Ц.Паули сразу же вызвала резкие отклики в последующих номерах "Плебса". Им было указано, что революционная борьба, которую вели Маркс и Ленин, неотделима от знания необходимости.

В другом отклике обзор Паули назван претенциозным и спекулятивно напыщенным интеллектуальным конфузом. Никогда не понимавшие диалектического материализма, что они могут высказать, кроме софистических и огульных утверждений вроде несовременности теории Ленина? Автор реплики Д.Рейнольдс рекомендует всем читателям "Плебса" читать и изучать ленинскую работу. Тогда они и увидят, насколько она плодотворна, вопреки оракульским утверждениям тех, кто

сверяет свое время по часам декадентской капиталистической идеологии [139, Vol..XX.N.6, p.142].

Орган КП Великобритании "Лейбор Мансли" также опубликовал краткую рецензию, типа аннотации, в разделе "книжное обозрение". Отметив заслугу Ленина в новом обосновании материализма и науки (вопрос об объективной истине особенно важным становится, когда входит в моду теория относительности), автор заметки Ф.Рец особо подчеркивает, что книга демонстрирует превосходство ленинского диалектического подхода. Она... является настоящим учебником материалистической диалектики. Именно в диалектике истоки ленинского превосходства в теоретической и политической областях. Ленин дал наиболее глубокие образцы диалектики со времени смерти Маркса и Энгельса [114, Vol.10.N.3, p.189].

Приведенные материалы знаменуют собой начало обсуждения вопросов диалектики на более высоком проблемном уровне - при этом постепенно определяется тематика обсуждаемых проблем, таких как Маркс и Гегель, отношение материалистической и идеалистической диалектики, диалектики как метода и методологии философского и научного познания и революционного преобразования социальной действительности, т.е. как общей теории познания.

Выяснение специфически марксистского понимания диалектики в англоязычной литературе делает еще первые робкие, неумелые шаги. Все еще распространены представления о диалектике как искусстве рассуждения, спора. В солидном академическом исследовании Мортимера Дж.Адлера из колумбийского университета "Диалектика", изданном в Лондоне и Нью-Йорке в 1927 г. [см.67], эта традиционно английская трактовка дополнялась... герменевтическим подходом. Автор выдвигает тезис о том, что целью диалектики является не истина, а, скорее, понимание. Показательно при этом, что в своем подробном анализе автор не делает своим предме-

том марксистскую диалектику. Предметом исследования является прояснение оппозиции в истории философии, проблемы взаимосвязи между философскими системами, так же как и проблемы научного дискурса, науковедение.

Книга не имела особого резонанса, хотя нельзя не признать, что попытка отойти от гегелевского пандиалектизма не осталась без последующего развития. Подключение к обсуждению диалектики наряду с партийными функционерами, естествоиспытателями и академических философов заранее обещало быть плодотворным.

2. "Красные тридцатые" и вопросы диалектики в академической литературе

Активизация партийной работы, начавшийся выпуск ежедневной газеты "Дейли Уоркер" тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров, публикация работ классиков марксизма-ленинизма, бурное социалистическое строительство в СССР на фоне разразившегося в 1929 г. всемирного кризиса - "Великой депрессии" - привлекали все более широкое внимание к марксизму. Множились сочувствующие социализму. Гарольд Ласки видит в СССР единственный центр созидания и творчества в распадающемся мире. Влиятельнейшие фабианцы супруги Вэбб вслед за своим коллегой Б.Шоу посещают Советский Союз и пишут книгу "Советский коммунизм: новая цивилизация?". Переиздавая ее в 1937 г., они снимают знак вопроса. Сомнений больше нет: расчеты Госплана реализуют бенгамовскую формулу обеспечения наибольшего счастья для наибольшего числа членов общества.

Но, пожалуй, самым поразительным примером влияния коммунизма, по выражению современного исследователя Н.Вуда, был рост симпатий к коммунизму со стороны христиан [157, p.65]. Их коммунизм не был

"ортодоксальным", и многие из них критически относились к Советскому Союзу. Это была какая-то модификация христианского социализма.

Один из их теоретиков, Д.М.Мерри, утверждал, что быть марксистом столь же важно, как и быть христианином, и предупреждал, что Господь может спросить на том свете: почему ты не марксист? Эта перспектива внушает Мерри беспокойство по поводу состояния марксистских исследований и марксистского образования в Англии. Он сетует, что в этой стране марксизм тихо кастрирован, тогда как в России шумно вульгаризирован.

В чем же причина относительной неудачи марксизма в Англии. Если рецензент из солидного "Майнд" в отзыве на сборник "Марксизм" видел причину в сильном духе либерализма, блокировавшего марксизм [см.130,1933, N 167, p.375], то Мерри видит ее в обуржуазивании рабочего класса, факте, должным образом не оцененном марксистскими социалистами. Инстинктивные движения пролетариата отныне не революционны. Революционное сознание надо воспитывать.

Интерпретация марксизма Д.Мерри носит не философский, а, скорее, сентиментально-проповеднический характер. В этом отношении показательно его рассмотрение проблемы Маркс-Гегель, где Мерри ухищряется обойтись не только без упоминания диалектики, но также и уйти от анализа всех ее проблем, проблемы диалектического метода, отношения идеалистической и материалистической форм диалектики и т.д.

Здесь налицо рецидивы старой британской "аллергии" на диалектическую проблематику, на саму ее терминологию.

В начале тридцатых годов в Лондоне произошло событие, беспрецедентно повлиявшее на интеллектуальную жизнь Англии. Причем, это влияние не ограничилось данным десятилетием. Его отзвуки можно зафиксировать и сорок лет спустя [147, p.IX].

Летом 1931 г. в Лондоне состоялся Второй Международный конгресс по истории науки и техники. Сенсацией конгресса было участие в нем весьма представительной советской делегации, возглавляемой Н.И.Бухариным. Кроме Бухарина в делегацию входили физик А.Иоффе, экономист М.Рубинштейн, биолог Б.Завадовский, генетик Н.Вавилов, физик В.Миткевич, историки науки Б.Гессен и Э.Кольман. Сорок лет спустя видный ученый и историк науки Д.Нидам так охарактеризовал некоторые из выступлений членов советской делегации. "Вводный доклад Н.Бухарина был по-своему классическим выражением марксистской позиции. Запоминающееся эссе о происхождении сельского хозяйства Старого Света великого Вавилова сохраняет весь свой интерес. Также влиятельным для теоретической биологии в тридцатые годы был доклад Б.Завадовского... дискуссия Э.Кольмана представляла большой интерес для математиков. Наибольшую сенсацию на Конгрессе произвел доклад Б.М.Гессена «Социально-экономические корни ньютоновских "Принципов математики"», который Нидам называет "эпохальным", воистину настоящим манифестом марксистской формы экстернализма в истории науки"[147, p.VIII].

Выступления советских ученых способствовали росту интереса к марксизму в святая святых британской образованности и науки - в университетской среде.

Безвозвратно миновала эпоха игнорирования трудов Маркса. Некогда Кембридж мог позволить себе иметь в университетской библиотеке только первый том "Капитала". Отныне не только гуманитарии, но и естествоиспытатели садятся за изучение работ классиков марксизма-ленинизма. Среди них Д.Холдейн, Г.Леви, Д.Нидам и др. По словам Д.Бернала, они находят в марксизме философию не столько описательную, сколько нацеленную на то, чем можно жить и руководствоваться в действии.

К началу тридцатых годов относится возникновение "красных" студенческих клубов. В 1931 г. образовались студенческие организации в Кембридже и Лондоне. В 1932 г. в Оксфорде создан клуб "Октябрь", запрещенный в ноябре 1933 г. К этому времени он достиг членства почти в 300 человек. Кембриджский социалистический клуб достиг в конце 1938 г. членства почти в 1000 человек при общей численности студентов в 5000.

Безработица в 1933 г. достигла максимальной отметки - 3 млн. человек. В стране формировалось нечто подобное народному фронту. Через Оксфорд и Кембридж проходили "голодные марши". Влияние коммунистических идей зачастую преодолеvalo незыблемые традиции семейных отношений.

Пробудившийся интерес к марксистской теории стал приносить первые плоды. Лидерство в изучении марксистских текстов, в разработке исторических и логических проблем диалектики захватил "беспартийный" ученый из США Сидней Хук, прошедший солидную школу в немецких университетах, некогoрое время работавший в библиотеках СССР. Книга С.Хука "К пониманию Маркса" (1933) и "От Маркса к Гегелю. Исследование интеллектуального развития Карла Маркса" (1936), изданные в Америке и Англии, являлись по сути первыми плодами и компетентными разборами важнейших проблем марксизма в англоязычной литературе, а в партийной печати им можно противопоставить лишь одну книгу - "Диалектика" Джексона.

В первой книге Хук значительное место уделяет и анализу ленинского вклада в философию марксизма. Именно Хук одним из первых заговорил о противоречии ленинского активизма в революционной практике, ярко сформулированного в "Что делать?", и "корреспондентной" теории знания в "Материализме и эмпириокритицизме", где утверждается, что ощущения - это копии, фотографии, образы и зеркальные отражения вещей, и что ум не активен в познании. Хук следующим

образом выстраивает ленинскую логику в этом вопросе. "Он, кажется, верит, что если утверждать, что (1) разум входит как активный фактор в знание, будучи обусловленным нервной системой и всей прошлой историей, то, следовательно, нужно верить, что (2) разум создает все существующее, включая собственный мозг. Это зауряднейший идеализм, а идеализм означает религию и Бога. Но он должен был признать активность в политических делах. В ленинских политических и специальных сочинениях нет и следа этого дуализма локковской гносеологии" [98, p.63]⁴.

Вторая книга специально посвящена беспокойной проблеме Маркс-Гегель, которая и спустя десятилетия остается весьма запутанной проблемой в истории марксизма для англоязычных (но не только для них!) комментаторов учения Маркса.

Первым делом Хук считает нужным разъяснить воспитанному на эмпирической традиции читателю, что пресловутый загадочный характер марксовской диалектики не более как кокетничание гегелевской терминологией. Заметим, что это же отмечала в своей книге Р.Купер, указавшая, что фразеология школы Гегеля употреблялась Марксом чаще в ранних работах, независимо чисто экономической стороны марксизма от необходимой связи с философией Гегеля доказывается тем фактом, что Маркс сам, когда требовали обстоятельства, выражал теории не в терминах и принципах гегелевской философии. Примером могут служить работы "Стоимость, цена и прибыль" и "Заработная плата, труд и капитал" [см.88, p.181, 190].

Вопрос о кокетничании гегелевской фразеологией в главе о теории стоимости "Капитала" и последствиях этого далеко не прост. И дело даже не в том, что иным ученым это помешало объективно оценить главный труд

---

⁴Аналогичные реконструкции и оценки можно обнаружить и несколько десятилетий спустя ([см.91 Vol.2 статью Актона "Диалектический материализм" и [109]).

Маркса (как, например, по некоторым сведениям, Н.Г.Чернышевскому). Затруднение тут в том, что вся диалектическая форма изложения показалась некоторым читателям "Капитала" искусственно привнесенной, хотя уже Р.Купер показала, что противоречивость потребительной и меновой стоимости осознается в работах А.Смита и Д.Рикардо, то есть существует помимо гегелевской формы выражения.

Впрочем, Хук не задерживается на этом вопросе. Он справедливо считает, что глубокое проникновение в труды Маркса позволит увидеть существенные различия между двумя мыслителями.

Этим, однако, не исчерпываются отношения двух великих мыслителей. Остроту и парадоксальность проблемы Маркс-Гегель Хук видит в том факте, что из наиболее консервативной системы философии в западноевропейской традиции развилась революционная идеология наиболее массового движения со времен христианства. Между тем профессиональные историки философии, если не игнорируют этот вопрос, то безнадежно путаются в нем [99, p.15]. Они видят здесь историческую последовательность, а не логическую связь. Так, Кроче и Иберверг отрицают любое влияние, кроме психологического. Потому-то всю гегелевскую терминологию они считают всего лишь вербальной фиксацией. Чем же объяснить, спрашивает Хук, постоянное присутствие гегелевских основных категорий в марксистской философии?

При решении этого вопроса для Хука неприемлемо некомпетентное огульное отбрасывание диалектики как таковой в идеалистическом ли, материалистическом ли варианте, которое можно найти у некоторых известных исследователей, таких как Масарик, например, считавший диалектику "философским фокус-покусом".

Равным образом Хук исключает критику Маркса заклятыми гегельянцами вроде Пленге, Кроче и др. Не зря же, восклицает Хук, Ленин призывал создавать об-

щества материалистических друзей гегелевской диалектики.

Итак, прежде чем посредством глубокого проникновения в тексты Маркса выявлять различие мыслителей, нужно проанализировать то, что связывало двух философов, различных по субстанции и духу.

У Маркса и Гегеля - общие враги. Это, помимо атомизма, этический идеализм кантовского толка. Последний оба - и Гегель, и Маркс - расценивают как более опасный, чем философия социального атомизма. Абстрактной морали Маркс противопоставляет классовую мораль.

Заметим тут, что утверждения о пренебрежении Марксом этической проблематикой, приписываемые ему мнения о морали как эпифеномене, весьма распространены в марксологической литературе⁵.

И все-таки не это главное. Оба философа - диалектики и основное внимание уделяют не субстанции, а процессу. Отсюда вовсе не следует вывод о пренебрежении анализом формальной структуры. Всю жизнь Маркс посвящает изучению анатомии буржуазного общества.

Весьма существенным является понимание цели развития у Гегеля и Маркса. Здесь, как справедливо отмечает Хук, распространены попытки вычитать у Маркса экономический фатализм⁶.

---

⁵Его воспроизводит Б.Рассел [см. 145, p.784]. Показателен разноречивой оценок в англоязычной литературе межвоенного периода: Р.Купер утверждает, что вооруженное восстание и диктатура пролетариата этически оправданы в марксизме как средство достижения величайшей суммы счастья, тогда как Адамс в работе в раннем Марксе заявляет, что нет ничего более ложного, чем приписывание Марксу одобрения корыстной психологии. Экономический человек был в его глазах проклятием XIX в. См. [88, p.180 и 66, p.213].

⁶Во многом это предубеждение объясняется пренебрежением историческими работами Маркса вроде "18 брюмера Луи Бонапарта", "Классовая борьба во Франции", - замечает Хук.

В параграфе 204 "Энциклопедии философских наук", посвященном телеологии, Гегель определяет цель как понятие, вступившее посредством отрицания непосредственной объективности в свободное существование как для-себя-сущее понятие. В примечании Гегель поясняет: "Цель имеет своим результатом лишь самое себя, и в конце концов она есть то же самое, чем она была вначале, в своей первоначальности: лишь благодаря самосохранению она есть истинно первоначальное..." [11, т.1, с.392-393].

Анализ Хука призван показать существенное различие между подходами Гегеля и Маркса. У Гегеля развивающийся процесс необходимо телеологический. Этого требует самопроектирующаяся и самостроящаяся система. У Маркса же, вопреки старой догме об экономическом фатализме, о процессе можно говорить только в пределах социального материального континуума. Это означает, что человеческие потребности, их удовлетворение, выраженное как цель, раскалывают Абсолютное Целое Гегеля на части. Но эти части не являются далее неделимыми атомами. Они суть определенные целостности. Род целостности зависит от целей, которые человек перед собой ставит. Объект может быть естественным, эстетическим, этическим, экономическим и т.д. Понятие цели тут является выражением не творческого, а, скорее, селективного начала [99, p.58].

В этом Хук видит ключ к марксовской концепции цели. Какие бы то ни было цели социального развития не могут быть ничем иным как целями человеческой воли. Но одного волеия недостаточно для реализации целей. Человек застает определенную социальную ситуацию и не может в своих действиях не учитывать ее. Человечество ставит себе задачи, которые оно может решить.

Итак, вот в чем различаются гегелевское и марксово понимание цели: у Гегеля все цели носят логический характер и должны быть систематически

унифицированы. Диалектическая связь между различными целями влечет нас к всепоглощающей цели абсолютного самопознания.

Маркс же отказывается признать, что все цели и нужды конституируются органической и ограниченной системой и что существует какое-то абсолютное целое, в котором цели сливаются и исчезают.

Учет закономерностей, "угадывание" ведущих тенденций социального процесса позволяет осуществлять реалистически поставленные цели⁷. Надо признать, такая трактовка является существенным шагом вперед в среднеуровневом понимании Маркса в межвоенный период.

Выяснив общие условия рассмотрения проблемы сходства и различия философских систем Гегеля и Маркса, Хук переходит к конкретному обсуждению вопроса о диалектике, заметив, что диалектика Маркса является тайной для его критиков, которые ограничиваются обычно первыми главами "Капитала" и формулами Т - Д - Т и Д - Т - Д. Тут же Хук отбрасывает расхожее приписывание Марксу деления исторического процесса на триадические фазы.

Пренебрежительно отзывается автор "От Гегеля к Марксу" о постоянном пережевывании марксовской фразы о превращении диалектики Гегеля. Все, что Маркс имеет в виду, это демистифицирование диалектики как таковой. Хук указывает, что диалектический метод у Гегеля мистичен, во-первых, потому, что генерирован из собственной активности. Во-вторых, потому что употребляется как инструмент для установления

---

⁷ Впрочем, социальная система у Маркса, как и у Гегеля, указывает Хук, конструируется как целое. Различные культурные аспекты этого целого могут быть поняты только во взаимодействии и по отношению к целому. Так система законов и правовых установлений должна рассматриваться только в свете ее функций по отношению к различным родам социальной активности, особенно к экономическим отношениям.

логической структуры единой всеобъемлющей Целостности. Для Маркса, как уже указывалось, существует не целое, а целостности. Метод Гегеля кроме того не способен объяснить детально механизм активности, не предлагает никакого ключа к эмпирическому подходу или контролю [99, р.62].

Не говоря о влиянии на мысль Маркса категории целостности, соответствующей статическому аспекту гегелевской диалектики в противоположность категории деятельности, которая отражает ее динамический аспект, Хук обнаруживает свою зависимость от "интересной книги" Д.Лукача "История и классовое сознание". Воздавая должное освещению в книге диалектического аспекта марксовой мысли, Хук выражает сожаление, что это сделано в пределах марксова натурализма [99, р.60].

Последний термин может ввести в заблуждение. Но ниже Хук разъясняет, в чем он видит натурализм Маркса - дух для Маркса есть высочайший продукт материи.

Отмечает Хук сходство понимания Гегелем и Марксом процесса познания. Развитие знания идет от абстрактного к конкретному, где абстрактное есть часть, а конкретное - целое. Это положение, отмечает Хук, стало почти общим местом в социологических исследованиях. Эффективность такого подхода легко продемонстрировать на примере религии. Абстрактное, одностороннее ее восприятие верующими не дает возможности достичь адекватного понимания, каковое можно получить, подходя к проблеме в контексте культурного комплекса. Именно в этом суть марксовой критики фейербаховской психологической интерпретации религии. То же можно сказать о замысле I и III тома "Капитала", где анализ элементарной клеточки товарного производства - стоимости товара - приводит к анализу капиталистического производства в целом в III томе.

Предшествующий разбор был ориентирован на выявление диалектики структуры, системы, статики, стабильности. Но поскольку Маркс анализировал социаль-

ную систему, которая находится в постоянном движении, то логика координации должна модифицироваться логикой последовательности. В этой логике Хук кратко характеризует три момента. Во-первых, он отмечает текучесть факта (1). Значение должно развиваться вместе с объектом. Развитие значения должно опираться на последовательность новых значений. Эта последовательность образует логику развития (2). Каждое значение имеет объективную референцию, которая в систематической связи открывается как процесс и придает значению все более содержательную коннотацию. Именно поэтому логика как изучение Порядка вещей никогда не может стать закрытой системой. Схема развития, по Хуку, исходит из конфликта и противоположности элементов внутри диалектической ситуации. Диалектическое разрешение конфликта и противоположности является движущей силой развития, производя синтез конфликтующих элементов. Важно подчеркнуть отличие от Гегеля - необходимость развития обусловлена не логическими, а социально-историческими факторами. Социализированный человек использует свое знание природной необходимости для достижения культурной свободы.

Отчасти под влиянием Д.Лукача Хук поднимает вопрос, который впоследствии станет предметом самых оживленных и продолжительных дебатов, - вопрос о диалектике природы.

Согласно современным интерпретациям, пишет С.Хук, попытка применить диалектику к природе должна быть отброшена как несовместимая с натуралистической точкой зрения. Мы уже отмечали, что под натурализмом Хук понимает, в сущности, материализм. Запрет на диалектику в природе подкрепляется указанием на то, что у Гегеля диалектический процесс совершается не только в царстве духа, но и в царстве природы. И тем, что будто бы Энгельс заимствовал свои иллюстрации диалектики природы из "Логики" Гегеля.

Это недоразумение тем более поразительно, что Хук вообще исплохо знаком с текстами Маркса - ему, в частности, известны высказывания Маркса в "Капитале" относительно того, что количественные изменения в фундаментальных физических частицах приводят к качественным изменениям; и все же Хука больше убеждает отсутствие в текстах Маркса термина "диалектика природы".

Позиция и мотивы Хука становятся вполне ясными в его анализе "Анти-Дюринга" и "Диалектики природы". Энгельс, по его мнению, не понял отличительного характера диалектики, противоположного физическому понятию "изменение" или биологическому "развитие". В результате диалектика у Энгельса становится наукой об универсальных законах движения и развития природы, человеческого общества и мысли. Практически все наше знание, нарочито удивляется Хук, попадает в эти границы и каждый мыслитель, начиная с Фалесса, мог утверждать, что продвинулся в науке о диалектике, не подозревая, что дело обстоит именно таким образом. В истории диалектики даже негативные примеры метафизического мышления имеют определенное значение [99, p.75].

Хук не может понять, как, не будучи идеалистом, можно утверждать действие законов диалектики в природе, не зависимой от человека. Галилеевским законам движения нечего делать с диалектикой, если не утверждать, что вся природа - дух.

Затруднение, по мнению Хука, возникает из-за двусмысленного употребления термина натур-диалектика (диалектика природы). Иногда под этим подразумевается тот общеизвестный факт, что изменение наблюдается во всех областях мысли и действительности. Иногда он означает, что каждая физическая теория должна оперировать дополнительными принципами, чтобы отразить полярности и противоположности в природных структурах.

Но и в этих смыслах, считает Хук, диалектика находится за пределами марксовской концепции диалектики, нацеленной на историю и ограниченной рассмотрением причин, природы и результатов человеческой активности, разрушающей равновесие поляризованного общества и предопределяющей направление движения общества.

Конечно, если считать, что диалектика есть принцип социальной активности, ее носителем является классовая борьба, а кульминацией - социальная революция то найти ее основания в природе трудно.

Только ложная аналогия соотносит природные и социальные явления в форме причинно-следственных связей. Результаты физики могут быть использованы буржуазией, но буржуазной физики не существует. Обчуживать классовую борьбу в природе значит предполагать разумность всей природы, с чем не согласится даже идеалист-гегельянец - резонно указывает Хук, и не следует думать, что он ломится в открытую дверь - в СССР уже приступили к созданию "пролетарской" физики.

Хук убежден, что нельзя допускать более широкие обобщения, чем нам доставляют естественнонаучные физические и химические законы. Универсальные законы диалектики неизбежно будут нести печать бессознательного антропоморфизма.

Последнее слово Хука о диалектике таково: диалектический принцип у Маркса выражает в первую очередь логику исторического сознания и классового действия. Природный объективный порядок релевантен по отношению к диалектике тогда, когда подразумевает способ, которым он обуславливает социальную и историческую активность. И как материалист Маркс верил, что, хотя активность невозможна без природы, природа сама существовала и будет существовать без социальной активности [99, p.76].

Проблема асимметрии отношений природы и общества, подмеченная еще Гегелем, обещала плодотворное обсуждение, но не была практически замечена в тот период.

Книга Сиднея Хука поднимает и предвосхищает многие темы марксологии и во многом является "оригиналом", "архетипом" позднейших стереотипов, штампов, предвзятостей в изучении - так же как и плодотворных разработок наследия Маркса. Вокруг работ Хука сложилась в коммунистической литературе традиционная атмосфера неприятия и напряжения. Между тем по степени освоения материала, конкретного знания текстов Маркса и Энгельса, исторической и интеллектуальной обстановки, в которой происходило становление марксистской философии, Хук значительно опережает средний уровень англоязычной литературы своего времени. И не только своего. Хук решительно выступает против противопоставления раннего Маркса позднему и предлагает будущим "дихотомистам" сравнить "Святое семейство" и "Капитал". Однако, политические мотивы недоверия, культивируемые сталинским руководством Коминтерна, молчаливо отрицающие какую-либо автономию теоретических философских разработок от идеологических задач, изолировали работы Хука от процессов, происходящих в "ортодоксальном" марксизме, который был на пути к окостенелому сталинскому "диамату".

По другим мотивам критиковал работы Хука Макс Истмен в брошюре "Последняя остановка диалектического материализма". Так, Истмен отверг попытку противопоставить Маркса Энгельсу по философским вопросам, поскольку она не подтверждается текстами, или же Хук не обращает внимание на их действительные слова. Убеденный антиметафизик М.Истмен не удовлетворен, что Хук избавляется только от материализма. Сам Истмен предлагает "ливидировать" также и диалектику, так как то и другое лишь разновидность анимизма, выдающего себя за науку [90, p.15].

Иной подход к гегелевскому прошлому марксистской диалектики демонстрирует оксфордский профессор Д.Макмерри, автор книги "Философия коммунизма". Актуальность проблемы он усматривает уже в том, что мало кто даже из коммунистов понимает, что означает выражение: "марксистская диалектика". Между тем, марксизм имеет разработанную философию, которая вырастает непосредственно из классического идеализма Гегеля [125, p.9].

При этом Макмерри добавляет, что Маркс, будучи первоклассным философским умом, сам не разработал философской системы. Философской почвой марксистской мысли является учение Гегеля, в особенности его теория диалектического процесса мысли [125, p.13].

Маркс атакует идеализм Гегеля, но принимает его логику. Принятие Марксом логики Гегеля полное и безоговорочное. Именно поэтому философия коммунизма насквозь гегельянская.

Такое сильное утверждение обязывает автора рассмотреть основы гегелевской философии. Она зиждется на трех фундаментальных положениях. 1. Все органические процессы⁸ диалектичны. Это логический принцип доктрины Гегеля. 2. Реальность есть органический процесс. Здесь перед нами метафизический принцип. 3. Реальность есть идея - аксиологический принцип.

Первый принцип, считает Макмерри, принят Марксом и всеми коммунистическими философами. Второй, однако, принят только современными ортодоксальными "диаматчиками" и навряд ли был принят Марксом. Что касается третьего принципа, то он неприемлем и для Маркса, и для коммунистических философов.

Первый принцип общий у Гегеля и у Маркса потому, что он логически определяет метод, по которому мыслится органический процесс.

---

⁸Т.е. взаимозависимые процессы, в которых составные элементы образуют динамичную систему.

Поскольку органический процесс не процесс бытия, а процесс становления, то он не может быть описан посредством традиционной формальной логики, основанной на законе противоречия. Марксизм, Макмерри в этом убежден, с этим согласился. Но это означает также неприятие коммунистической философией механицизма.

Итак, антимеханицизм (антидетерминизм) - такова характеристика диалектического материализма, так же как и современного идеализма.

Переходя к анализу второго принципа, Макмерри указывает, что в сочетании с первым принципом второй приводит к заключению, что реальность есть диалектический процесс. Ф.Энгельс продемонстрировал это в "Диалектике природы".

Первый принцип не говорит, может ли диалектический метод быть применен к пониманию мирового Целого. Второй же принцип утверждает это метафизическим образом. Макмерри уверен, что именно Ф.Энгельс развил и реализовал этот принцип. Но согласился ли с этим Маркс, он сомневается. В некоторых работах пытаются различить вклад Маркса и Энгельса в теорию, указывает автор "Философии коммунизма", но все, что можно сегодня сказать по этому поводу, это то, что Маркс определенно не отвергал этот принцип, хотя и не проявлял по его поводу энтузиазма. Все дело в том, что Маркс использовал не метафизический, а социологический подход. При этом он исходил из того, что развитие человеческого общества есть органический процесс, почему и следует его понимать диалектически. Но заходил ли Маркс так далеко, чтобы считать всю реальность органическим процессом?

Третий, аксиологический принцип, утверждающий примат идеи, теории над вещами, неприемлем для марксистов, что явствует из тезисов Маркса о Фейербахе.

Данный анализ приводит Макмерри к выводу о фундаментальном согласии философии коммунизма с

гегелевской. Маркс не изменяет самих идей Гегеля, а просто переворачивает их отношение к миру, раскрывая тем самым истинное значение гегелевской философии.

Общая основа у Гегеля и Маркса - диалектика. Даже на диалектику как процесс дискуссии их взгляды тождественны. Вот пример. В любой дискуссии две стороны. Одна требует утвердить свое мнение, которое становится предметом спора. Это - тезис. Вторая сторона развивает антитезис. Теперь возможны два пути: либо возьмет верх одна из сторон, либо будет найден синтез. Так два противоречивых предложения оказываются после тщательного исследования оправданными.

Итак, какова же последовательность в развитии диалектики и принципов коммунистической философии?

Основной принцип единства теории и практики, констатирует наш автор, не всегда осознается самими марксистами. Ведь он означает, что марксизм сам является субъектом собственной теории развития и должен диалектически развиваться. Быть догматиком в марксизме - значит отказываться от марксизма. Между тем, тенденция относиться к сочинениям Маркса как к новому откровению рано развилась среди коммунистов. Именно поэтому Макмерри отказывается рассматривать ленинизм как антитезу марксизму. Правильно спросить, является ли ленинизм истинно диалектическим развитием марксизма. Подлинно научная теория должна быть способной к развитию.

Движимый этим благим намерением, Макмерри оспаривает общий, по его мнению, у Гегеля и марксистов тезис о том, что вся реальность является органическим процессом и поэтому может быть понята только диалектически.

Он указывает, что в области человеческих отношений есть основания для того, чтобы выдвинуть дополнительные соображения. Поскольку предлагать в качестве замены "механический" принцип означало бы возврат к отжившим научным представлениям, остается принять

человеческую реальность не как органический, а как суперорганический процесс.

Эта новация требует, конечно, пояснений. И они немедленно даются. Отношения людей в обществе могут быть трех рядов: отношение эксплуатации, когда люди используют других как инструмент - это механические отношения. Ряд людей кооперируются для достижения общих целей - это уже органический процесс. Но возможно и качественно иное отношение людей - отношения дружбы и товарищества. Оно возникает не из диалектического процесса истории, ибо они, эти отношения, всегда одни и те же - и в Англии, и в Африке, и в XII в. до нашей эры и в XII в. нашей эры. Эти отношения не механические и не органические, но суперорганические. Таков вклад Макмерри в марксизм. Может, конечно, возникнуть вопрос: а почему, собственно, не могут слиться отношения органические и суперорганические, люди, кооперируясь, устанавливают отношения дружбы и товарищества.

Более определенно перерастание органического в суперорганический процесс показано на примере взаимодействия человека и природы. Познавая законы природы, мы получили возможность избежать необходимости приспособлять себя к природе, мы приспособляем природу к себе. Общество одновременно идет к бесклассовому состоянию. Кончается предыстория и начинается подлинная суперорганическая история.

Главный вывод из всего этого таков: общество не может интерпретироваться как диалектическое, поскольку оно не ограничивается пассивной адаптацией к природной среде. В этом и кроется главная причина сомнений Макмерри в том, что Маркс принял бы принцип органического характера реальности. Марксистская теория есть первый набросок такого рода, и Советская Россия есть первая попытка, осуществленная на практике.

Интерпретация марксистской философии как таковой и взятой в отношении к гегелевской идеалистической диалектике, представленная Макмерри, существенно отличается от подхода Хука. Макмерри, как легко заметить, избегает тщательного изучения текстов. Его способ метафизической "реконструкции" марксизма и соотношение его с гегельянством своей схематичностью и крайней абстрактностью напоминает баксовские попытки "подвести метафизическую базу" под социологическое учение Маркса. В целом преобразования Макмерри являются шагом в сторону, если не назад в освоении подлинной проблематики материалистической диалектики.

Коллега Макмерри по Оксфорду Е.Ф.Каррит, учитель Р.Коллингвуда, подошел к задаче прямо и откровенно. Он перечислил положения марксизма, с которыми он согласен, и положения, которые не принимает. Но симпатизируя целям коммунизма, Каррит не видит необходимой связи марксистской философии с экономической и социальной доктриной коммунизма, то есть ставит вопрос о целостности ортодоксального марксизма. Диалектический материализм вообще неуловим для интерпретации - как Протей, отмечает Каррит, предвосхищая наблюдение К.Поппера. Две возможные интерпретации Каррит все-таки намечает. Критерием каждой является отношение к диалектике. Одна из них подкупающе проста, но не нова - она начисто отвергает диалектику как претенциозную фикцию. Вторая исходит из принятия диалектики Гегеля после очищения ее от идеализма. Здесь можно опереться на известные слова Маркса о том, что философия у Гегеля стоит на голове. На деле же идея не создает действительность, а есть просто реальность, переведенная в человеческую голову.

Каррит отмечает большое сходство марксистской и гегелевской гносеологий. Обе реалистичны. Утверждение Энгельса, которое поддержал и Ленин, о том, что причинность и законы природы существуют объективно

и не зависят от нашего о них звания, не так уж отличается от гегелевской позиции, - полагает Каррит. Но на этом сходство не кончается. Следующий момент - это использование марксизмом злосчастной триады, объясняющей развитие материей новых качеств. Каррит сомневается, станет ли гегелевская педантичность более удовлетворительной, когда сущность, бывшая диалектическая идея, превратится в диалектическую материю. Универсалистское утверждение диалектичности идеи ли, материи равно метафизично. Я верю, говорит Каррит, что диалектический материализм - реалистическая теория знания и не-механическая метафизика. Но иногда я боюсь, что Энгельс, а может быть и Маркс понимают триадический процесс как закон природы [см.72, р.136].

Итак, нет никакой логической связи диалектики и теории коммунизма. Диалектика в понимании Каррита есть субъективный процесс доказательства и опровержения, дающий полную истину, либо онтологическую вневременную концепцию становления из бытия и небытия, либо возникновение индивидуального и особенного из универсального. Но такая диалектика, идеалистическая по сути, действительно нерелевантна по отношению к доказательствам неизбежности коммунизма.

Такие рассуждения Каррита, как то, что диалектическое знание больше чем познавательный процесс, ибо включает в себя возможность возникновения познающих умов, свидетельствуют, что парадигмы академического философского мышления и марксистской мысли не совпали, и что даже при благожелательном стремлении понять столь влиятельную философию современности, навести мосты понимания было чрезвычайно трудно. Опять-таки подчеркнем преимущество Хука: помимо превосходного знания текстов, он работает в рамках марксистской парадигмы, хотя, как и ранний Лукач, мог существенно отклониться от современного стандарта понимания марксизма теоретиками коммунистической партии, приоритет которых в истол-

ковании философских проблем считался сам собой разумеющимся и обеспечивался на основе принципа единства теории и практики их непосредственной деятельностью по созданию нового общества.

3. Естествоиспытатели и марксистская диалектика

Наиболее значимым явлением "красных тридцатых" было все-таки появление растущего неподдельного интереса к марксистской теории со стороны представителей естественных наук. Многие из них попытались соединить живой дух бэконовского энтузиазма с методологией диалектического материализма, поднимали вопросы диалектики познания.

Как отмечалось в журнале "Лейбор Мансли", со времен Гексли проблемы материализма не обсуждались в Англии. С начала тридцатых годов естественнонаучный материализм и его отношение к диалектическому материализму стали предметом дискуссий. Показательна в этой связи книга биолога Л.Хогбена "Природа живой материи", отрецензированная в ежемесячнике КП Великобритании К.Даттом. Рецензент квалифицирует Хогбена как колеблющегося материалиста и показывает, что автор пытается уйти от простого ответа, понятного обыкновенному человеку, на вопрос - возможен ли компромисс между трансцендентальной метафизикой и механистической наукой? И вот где сказывается отсутствие диалектической культуры, знакомства с диалектической традицией - Хогбен считает, что существуют только физико-химические законы, а все сложные феномены можно свести к простым. Такой наивный редуционизм выражается в сугубо метафизических утверждениях, что целое есть простая сумма частей, все формы движения, в том числе сознание, сводимы к механическому движению [114, Vol.14, N 10, p.651].

Вопросы диалектики и ее отношения к естественно-научному познанию занимали значительное место в сборнике "Аспекты диалектического материализма", вышедшем в Лондоне в 1934 г., весьма пестром по составу. Сборник объединяет и "естественников" и гумани-тариев, марксистов и "сочувствующих".

Автор вступительной статьи "Научные работники смотрят на диалектический материализм" Г.Леви во многих отношениях воспроизводит типичные "английские" затруднения в восприятии диалектики. Это, во-первых, недоразумения по поводу терминологии философии марксизма. Эмпирику-исследователю претят такие неопределенные термины как "количество", "качество", Леви признается, что англичанин понимает слово "диалектический" в обыкновенном смысле - полемический, дискуссионный, а никак не в том темном и неопределенном, которое называется гегелевской диалектикой.

И тем не менее Леви делает усилия пойти навстречу. Не ограничиваясь иллюстрациями социальных приложений диалектики, - он связывает ее с динамикой общественного развития, - Леви пытается выяснить историко-философские корни диалектического метода, который "возник не внезапно", а развивался стадийно. В этом экскурсе Леви, правда, не заходит далеко, ограничиваясь рассмотрением философии Спинозы и Гегеля.

Универсальная природа, или субстанция Спинозы, называемая им Богом, понималась как субстрат всякого духа и материи. Статичная, но объективная субстанция дифференцирует из себя дух и материю, которые, однако, в действительности неотделимы от субстанции. На этой почве Гегель выдвигает свою концепцию диалектики, описывающую универсальное взаимосоотнесенное движение и развивающуюся из изменения, эволюционирующую вселенную. Но какие законы управляют этим процессом - спрашивает Г.Леви. Крайне расплыв-

чатые формулировки у Гегеля объясняются тем, что эра экспериментаторства и достижений эмпирического познания еще не наступила в физических науках.

Однако, напрасно Леви считает, что прогресс позитивных наук решающим образом поможет философскому знанию и придаст ему, наконец, адекватную форму.

Все-таки зависимость гегелевской философии от уровня естественнонаучного знания - вопрос не праздный. И дело, разумеется, не ограничивается известным конфузом с диссертацией Гегеля "Об орбитах планет", когда научные результаты его диссертации были опровергнуты открытием итальянских астрономов за несколько месяцев до ее защиты.

Что было известно Гегелю? - задает вопрос Леви. Человеческая история и наука о небесных телах. Проблема, которая стояла перед Гегелем, создана им самим, и сводится она к изучению модусов действия объективной Абсолютной идеи. Именно законы изменения этого великого творческого принципа он и сформулировал.

Маркс перевернул всю конструкцию Гегеля. Не Идея, а Человек делает свою собственную теорию. При этом люди не спонтанно творят историю, а при обстоятельствах, которые они застают, а не выбирают.

Основной упрек Леви предъявляет к языку, которым выражены законы диалектики. Во-первых, указывает он, формулировки Маркса и Энгельса точно скопированы с гегелевских и впоследствии не изменялись. Между тем со времени, когда жил Гегель, наука развила массу новых детализированных методов, возник новый словарь технических терминов, соответствующих новым идеям и вновь открытым феноменам, найдены новые способы действий и взаимодействий, о которых Маркс и Энгельс не подозревали. Тем самым Леви переадресовывает упрек в неадекватности философской терминологии от Гегеля к Марксу и Энгельсу. Все это позволяет Г. Леви поставить под сомнение

формулировки законов диалектики, отставших от научного прогресса и потому ставших "пустым звуком" для слуха современных ученых [72, р.7].

В этом наблюдении много верного, но ведь надо учесть и ту форму развития понятий, которая связана с обогащением содержания, понимания, аналитического развития имплицитной информации.

И, конечно, нельзя отождествлять философские категории и понятия естественных наук. По своей природе философские категории, будучи предельными обобщениями, не могут быть строго однозначными. Их "добродетель" не совпадает с идеалом точности и недвусмысленности, к которому стремятся термины естественных наук.

Такой подход дает себя знать при анализе ленинского "Материализма и эмпириокритицизма", к которому переходит Леви. Менее всего эта книга является философским трактатом, - заявляет он. Скорее, это попытка разоблачить различные формы обскурантизма. Книга устанавливает жизненно важные различия между материализмом и идеализмом, демонстрируя тем самым законы мысли и действия, а также философский базис нового социального строя.

Представляется, что узко специальный подход, когда та или иная ленинская работа рассматривается как жестко связанная с конкретными обстоятельствами и задачами, т.е. трактуется чисто тактически без учета общей ленинской философской стратегии, приводит к такой же односторонней интерпретации как и противоположные попытки, часто совершаемые намеренно, оторвать философские произведения Ленина от конкретных проблем, с которыми они имели дело и которые определяли теоретические цели автора "Материализма и эмпириокритицизма".

Но тогда нечего удивляться, что, вырывая из контекста всей ленинской философской мысли в ее развитии те или иные положения и не обнаруживая система-

тической формы, связующей материал и идеи в некоторую целостность, ГЛеви видит ленинскую диалектику запутанной и "перемешанной"[72, р.16].

Все-таки, представляется, нельзя, разбирая книгу "Критические заметки об одной реакционной философии", адресовать автору претензии, предназначенные составителю учебника или учебного пособия. В то же время обсуждение вопроса о природе категорий диалектики, логическом статусе ее законов, критерии истинности законов диалектики действительно правомерно и плодотворно.

ГЛеви спрашивает: что означают эти предельно общие законы? И каков может быть критерий истинности таких предельно широких законов? Он призывает исследовать эти вопросы, не боясь гнева "недиалектических диалектиков", которые скорее умрут, чем пожертвуют привычными вербальными формами. На Леви они производят впечатление средневековой схоластики. Ему, математику, трудно поверить, что такого рода обобщения могут что-то реально означать на практике, особенно если сравнить их с тщательно детализированным терминологическим аппаратом естественных наук.

Объяснение этому Леви видит в том, что законы диалектики формулировались не естествоиспытателями, но людьми, которые были в первую очередь философами, а затем уже социологами. Потому-то законы в первую очередь применяются в социологической сфере. Об этом же говорит язык законов, где встречаются такие термины как "борьба". Но неживая материя не борется... [72, р.21-22].

Другой пример. Качество и количество. Количество не становится качеством. Цвет не становится дюймо́м или числом 17. Но, спросим мы, разве не соответствует различным цветам различная длина волн и разве формулировка закона перехода количественных изменений в качественные изменения, или, как для краткости при-

нято порой говорить, переход количества в качество и наоборот следует понимать буквально?

Рассмотрение другого закона диалектики - отрицания отрицания на примере знаменитой 24 главы I тома "Капитала" приводит Леви к уже известному нам выводу. Если законы диалектики не носят характера прописных истин, то они имеют конкретное поле приложения в области социального и экономического развития, но от них нечего ожидать в области естественных наук с их детализированными методами анализа [72, p.30].

Такая установка может быть следствием не только недостаточного знакомства с диалектикой как теорией познания. Она обусловлена определенной методологической установкой, а именно: представлением о диалектике как конкретном методе познания. И она стимулируется известным ленинским положением о том, что современная физика рождает диалектический материализм. Требования сделать из диалектики прикладную науку и внедрить ее как метод получения новых открытий в естественные науки очень усилились с начала тридцатых годов, особенно после выступления Митина, "ведущего кодификатора ленинского этапа марксистской теории" [147, p.154] в журнале "Под знаменем марксизма" (1931, № 7-8) со статьей "К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма".

Все это свидетельствует о том, что Леви затрагивает живой нерв проблемы.

Остро ставя вопрос о методологической функции диалектики, о соотношении частных методов и понятий позитивных наук и общеполитических законов, Леви способствовал и стимулировал уяснение гносеологической и мировоззренческой функции философии вообще и диалектики в частности. Эти разработки, как мы увидим, были продолжены в послевоенный период. Ретроспективно следует положительно оценить его разумную осторожность и серьезные усилия остаться на почве строгой науки.

Вообще вопрос отношения марксизма и естественных наук весьма деликатен. Как бы предвидя возможные злоупотребления, Д.Холдейн⁹, известный ученый, призывает "соблюдать величайшую осторожность" [94, р.45]. Нельзя забывать "ужасный" пример Гегеля, который вторгался в естествознание и давал слишком детальные предсказания в научных областях [94, р.83]. Энгельс подавал нам в этом отношении весьма красноречивый положительный пример. Напротив, указывает Холдейн, в СССР некоторые авторы пытались применить диалектический материализм к каждому роду деятельности - от рисования до рыболовства. Статья Стецкого в "Правде" от 4 июня 1932 г. цитируется на Западе как доказательство упадка науки в СССР [94, р.46].

Здесь выражена тревога по поводу того, что догматизируемый диалектический материализм начинают использовать как прикладную науку, дающую непосредственные научные результаты и не только в СССР, но в Англии (примером служит 7 глава из книги Р.Колдуэлла "Кризис в физике", написанной в худших гегелевских натурфилософских традициях). На это указывает Холдейн в рецензии на книгу. Сам Холдейн в своей книге "Марксистская философия и наука" [см.94] намного осмотрительнее. Так, он критикует редуционистское понимание материализма Холдейна-старшего, известного ученого-химика, склонного объяснять на основе физико-химических закономерностей феномен сознания и поведение человека¹⁰.

Наиболее четко зафиксировал уровень понимания диалектики марксистами-естествоиспытателями межвоенного периода выдающийся ученый Д.Д.Бернал, обра-

---

⁹Д.Холдейн мл. из известной семьи ученых, в которой были сильные неогегельянские традиции.

¹⁰Холдейн младший все же считает, что такой подход не так уж конфликтует с марксизмом. Не зря же, не без гордости пишет он, комментатор московского радио рекомендовал книгу моего отца как очень хорошее введение в диалектический материализм.

щение которого к разработке вопросов марксистской философии, учитывая его высочайшую репутацию, стимулировало интерес к ней в среде ученых-естественников. В ряде статей, опубликованных в сборниках и периодической печати, он поднимает неразработанные вопросы. Показателен вклад Бернала в сборник "Аспекты диалектического материализма". Помимо собственной статьи он развертывает пространную полемику с Е.Б.Карритом по вопросам диалектики, пункт за пунктом разбирая позитивные и негативные оценки Карритом основных положений марксистской диалектики.

Бернал при этом не ограничивается "азами" марксистской теории, так же как и не замыкается в проблематике, имеющей непосредственное отношение к философии естествознания. Как и в других областях знания, ему и здесь удается быть оригинальным, сказать свое. Вот как удалось ему повернуть старую проблему отношения Маркса к Гегелю. Бернал указывает, что инверсия содержания гегелевской диалектики стала основанием нового пути понимания и изменения мира. Диалектика Маркса, которую ни Гегель, ни гегельянцы не приняли бы ни на миг (существенное возражение при помощи мысленного эксперимента тем, кто считает диалектику Маркса простым "переворачиванием!"), является результатом более широкого знания мира и более непосредственно выходит из конкретного опыта экономической и политической борьбы XIX в. нежели из философии его юности [72, p.95].

Бернал начинает последовательно минимизировать значение этой проблемы. Как старый бэкониец, он подчеркивает, что успех Маркса стал возможен потому, что над ним, в отличие от большинства основателей философских систем, не довлели "идолы пещеры". Маркс соединил материалистическую философию с учением о политике и политической экономии и сцементировал их фундаментальной идеей развития, возникающего из противоположностей. Сама диалектика Гегеля с ее три-

адической формой является отражением в ментальной сфере типов противоположностей, имеющих место в материальном мире, независимо от мысли. Такое упрощение позволяет Берналу заодно и снять проблему Гегель-Энгельс. Ведь попытка Энгельса обобщить материалистическую инверсию гегелевской диалектики теперь сводится к показу, что единство противоположностей существует не только в человеческом обществе, но и на всех уровнях материи. Противоположности являются предпосылкой спонтанных процессов изменения и являются источником происхождения нового.

Наличие диалектики противоположностей, указывает Бернал, всегда было великим препятствием для немарксистов. Ведь для понимания этой фундаментальной особенности диалектики требуется отход от механистического редукционизма Ньютона и признания ряда нередуцируемых диалектических оппозиций, таких как частица и волна, материя и энергия, статистическое и динамическое (детерминированное), агрегационный и сегрегационный процессы. Но это толкает нас к такой логике, которая предусматривала бы противоположности, а не отрицала их.

Данное заявление выводит Бернала на проблему противоречия, которая, однако, осталась необсужденной.

Аналогична защита материалистического понимания других законов диалектики. Закон перехода количественных изменений в качественные раскрывает механизм возникновения нового. Учитывая, что этот принцип вызывает активное неприятие немарксистских критиков, Бернал дает некоторые разъяснения.

Будучи, как и единство противоположностей, универсальным модусом того же уровня общности, что и закон сохранения энергии¹¹, закон перехода количественных изменений в качественные не обязательно

---

¹¹Неточность, может быть, вызванная стремлением к популярному изложению, точнее изложению, приравненному к привычным понятиям естествоиспытателей.

"присутствует" в любом изолированном фрагменте действительности. В многоуровневой, качественно иерархизированной вселенной диалектические процессы выявляются более ясно, когда мы берем продолжительные периоды времени, достаточно большое число установленных циклических изменений.

Раскрыв причину уже известного нам превратного понимания закона перехода "количества" в "качество", Бернал пытается развеять предубеждения и протиз закона отрицания отрицания. Причина та же - терминологическая - отрицание как термин приложимо только к логике суждений.

Но начисто избавиться от антропоморфизма, полностью освободиться от "идолов рода" нельзя. Любое понятие науки, такое как "сила", "покой", "время" и т.п. происходит из обыденного естественного языка и при желании может быть обвинено в антропоморфизме.

Бернал признает, что слово "отрицание" не самое удачное. Но если бы мы нашли лучшее слово для обозначения трансформации чего-либо в ходе его собственного развития во что-то, отличное от себя и позже подвергшееся еще одной трансформации в нечто похожее на первоначальное состояние, то мы бы заменили слово отрицание, но суть-то процесса осталась бы неизменной. Поэтому следует идти к смыслу понятия, который вкладывали в него Энгельс и Гегель, и не придираться к вербальной оболочке [114, Vol.XVII, N.8, p.510].

Последнее рассуждение взято из статьи Бернала, посвященной взглядам Энгельса на науку, где Бернал защищает энгельсовскую "Диалектику природы" от попыток Лукача и Хука поставить ее вне марксистской диалектической традиции.

Отметив, что три великих открытия XIX в. в естествознании трактовались Энгельсом как естественнонаучная предпосылка материалистической диалектики - в отличие от гегелевской, не нуждающейся в открытиях естествознания, - Бернал приводит любопытный факт:

историк логики, антагонист Гегеля Уэвелл полагал, что кембриджской библиотеке не следует приобретать книгу Ч. Дарвина "Происхождение видов", тогда как бывший гегельянец Энгельс приветствует этот труд с величайшим энтузиазмом, как покончивший с телеологией в естественных науках.

Характерно для берналовского изложения вопросов диалектики то, что ее методологическое значение остается по сути вне обсуждения. Диалектический материализм не является общим научным методом. Если вспомнить, что в это же время в Советском Союзе ряд философов предлагали сделать диалектику непосредственным методом получения знания в естественных науках, то, безусловно, здесь было о чем поразмышлять. Тем не менее развернутого обсуждения этих вопросов мы у Бернала не находим, также как и упоминание о проблематике поднятой Марксом в послесловии ко второму изданию "Капитала".

4. Ортодоксальный марксизм и проблемы диалектики. "Диамат"

Философские штудии не стали популярными в партийной литературе. Традиционная нелюбовь к теории оправдывалась "крайней занятостью" практическими делами. Именно нехваткой времени объясняет рецензент книги Т. Джексона "Диалектика" пренебрежение философской проблематикой. Образовавшийся вакуум заполнялся обильными публикациями университетских профессоров, вкравь и вкось толкующих философию Маркса и ее отношение к предшественникам. Партийная периодика по-прежнему прибегала к переводным статьям и публикациям, причем популяризация наследия классиков марксизма-ленинизма не имела продуманной системы.

Несмотря на стремление Коминтерна унифицировать понимание вопросов философии, нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень философской культуры и отсутствие "вкуса" к философскому образованию препятствовали решению этих задач. Так, дискуссия и осуждение сначала "механистов", а потом и их победителей деборинцев, - оказавшихся "меньшевиствующими идеалистами", - не оставили заметного следа в философской литературе и вряд ли были адекватно осознаны партийцами Великобритании. В 1931 г. в "Лейбор Мансли" была опубликована обзорная переводная статья Д.Мирского о философских дискуссиях в Советском Союзе. Там он заявил, что великие философские достижения этих последних лет... содержатся не в трактатах маленькой группы профессиональных диалектиков, но в политике Коммунистической партии Советского Союза и Коминтерна, воплотились в их тезисах и резолюциях и в работах таких вождей как Сталин [114, N 7, p.654]. Такой подход был, разумеется, более понятен. Не хватало только сконцентрированного выражения в виде философского текста. Такой текст был дан в 1938 г. в 4 главе "Истории ВКП(б). Краткого курса" [17]. Но до канонизации основных положений диалектического и исторического материализма оставалось еще несколько лет, и в эти годы еще была возможность разрабатывать теоретические вопросы с известной самостоятельностью, но, конечно, и не вовсе безоглядно.

Показательным исследованием этих лет стала книга Т.Джексона "Диалектика", в которой обсуждаются основные проблемы диалектики, их понимание коммунистами Британии в середине тридцатых годов. По словам уже упоминавшегося ее рецензента К.Датта, это первое широкомасштабное изложение марксистских взглядов и теории в революционном марксистском движении" [114, Vol. XVIII, N 7, p.443].

Книга действительно задумана широко и содержит позитивные разработки и пространную критику идей-

ных противников. В ней легко различаются теоретический, идеологический и популяризаторский уровни.

Свою задачу автор видит в том, чтобы расчистить почву для лучшей, более полной оценки того, что дает метод диалектического материализма. Это тем более актуально, что марксистские штудии, по замечанию автора, находятся в ужасающем состоянии: требуется решительный перелом в исследованиях и популяризации марксистского наследия. Важной задачей Джексона является критика попыток "разорвать" марксизм, фальсифицировать его целостность. Марксизм можно рассматривать только как целое, те же, кто нацелен на ревизию теории Маркса (замену его частей, дополнение чуждыми учениями и т.п.), сознательно или бессознательно целят в его практику (в диктатуру пролетариата, свержение буржуазии, построение бесклассового общества и т.п.) [107, p.627]. Здесь виден наряду с теоретическим и идеологический запрос. И это не случайно. Диалектический материализм потому и привлек к себе внимание, что являлся официальной философией СССР, страны, вызывавшей неослабевающий интерес уже тем, что продолжала неуклонно развиваться в период всемирного экономического кризиса.

Для решения этих задач необходимо было предварительно расчистить "завалы", освободиться от традиционного, в свое время широко протрубленного всему англоязычному миру Г.Гайдманом "вульгаризированного" марксизма, который остается популярным и поддерживается пренебрежением к оригинальным текстам.

Ни один из поднятых в межвоенный период вопросов диалектики не оставлен Джексоном без внимания и разбора. Он суммирует споры по всем главным вопросам: отношение Маркса к Гегелю, марксистской материалистической диалектики к гегелевской, идеалистической, вопросы диалектики природы, отношение диалектической и формальной логики, диалектика социального развития.

Исходя из диалектического единства теории и практики, Джексон рассматривает теоретические вопросы в тесной связи с практикой борьбы за социализм, и в этом идеологический заряд работы, который он и не думает скрывать. Он приводит высказывание Сталина о двух группах марксистов, из которых одна торжественно провозглашает признание марксизма, но неспособна или не желает изучать сущность марксизма, не способна или не желает применять ее на практике и трансформирует живые революционные положения марксизма в мертвые, бессмысленные формулы. Это в России - меньшевизм, в Европе - оппортунизм. Вторая группа, с другой стороны, главное видит не в формальном признании марксизма, а в его реализации, в применении его к практической жизни. Имя этой группы - большевизм-коммунизм.

В этой связи одной из двух главных задач работы провозглашается теоретическое вооружение перед лицом настоящего сражения между коммунистами, с одной стороны, и социал-демократами, с другой. (Решение этих задач, как известно, привело к драматическим результатам. Теоретическое творческое развитие под сталинским контролем превратилось в застывшие формулы 2-го раздела 4-ой главы Краткого курса истории ВКП(б), а борьба с социал-демократами расчистила дорогу к власти фашистам.)

В свете данных идеологических требований Джексон "с порога" отвергает какие бы то ни было разработки проблем диалектики теоретиками не-коммунистами как изначально "неблагонадежными" и фальсификаторскими.

Вместе с тем, отсутствие догматизированного канона диалектического и исторического материализма создавало определенные возможности самостоятельного исследования, продемонстрированные Джексоном в книге о диалектике.

Как мы видели, само определение термина диалектика встречало в Англии затруднения и порождало недоразумения. Поэтому с самого начала Джексон обеспокоен тем, чтобы прояснить данный термин. При этом он учитывает традиционное понимание диалектики как спора, "в котором истина достигается столкновением противоположных мнений" и специфически марксистского понимания, в котором диалектическая концепция означает взгляд на природу и общество как находящиеся в процессе развития, вследствие присущих им взаимодействий и антагонизмов.

Примененный к мысли и рассуждению диалектический метод трактует все вещи и понятия как продукты исторического развития, как постоянный процесс развития и преобразования. Здесь требуется определить отношение к предшествующей диалектической традиции. Тем более, указывает Джексон, критики и ревизионисты марксизма всегда начинают с указания на зависимость Маркса от Гегеля.

Джексон, разумеется, не отрицает эту связь. Но насколько она глубока? Несомненно, Маркс и Энгельс на всю жизнь сохранили юношескую любовь к Гегелю и "кокетничали" гегелевской терминологией. Но не так ли щеголяют атеисты цитатами из Писания? Буржуазные исследователи зачастую уделяют этому кокетничанью такое повышенное внимание, что тут требуется особое рассмотрение, и Джексон, засучив рукава, принимается за дело.

Первым делом он берется рассеять туман вокруг загадочной формулы Маркса о "мистической шелухе" и "зерне" гегелевской философии¹². Тайна раскрывается просто, если мы предположим, что формула а) суммирует логическую операцию; б) является развитием спи-

---

¹²Имеется в виду известное выражение Маркса из Послесловия ко 2-му изданию "Капитала". У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

нозистской формулы - всякое определение есть отрицание. Вклад Гегеля заключается в том, что, по его мнению, полное понимание вещи требует постижение ее двумя противоположными способами, как тождественной, так и одновременно отличающейся от самой себя и от того, от чего она отличается, и т.п. Далее внесенные изменения касались избавления от балласта метафизики и идеализма и соответствующего преобразования метода Гегеля.

В качестве иллюстрации Джексон демонстрирует свое понимание "переворачивания" Гегеля, предлагает, как нужно обходить тот пресловутый камень, на котором терпели кораблекрушение многие комментаторы Маркса.

Например, Гегель провозглашает тождество бытия и мышления. "Хорошо, - говорят материалисты, - но только с тем уточнением, что мышление отражает бытие, а не наоборот".

Гегель утверждает, что действительность есть логический процесс. "Согласны, - отвечают материалисты, - но признайте, что это субъективная форма проявления объективной активности, что материальный мозг и органы чувств функционируют в живом человеке, будучи частью материальной вселенной, которая является предпосылкой всех возможных актов мышления, чувствования или веления".

Гегель утверждает, что общая форма или закон логического процесса является движением от абсолютного недифференцированного единства к абсолютному дифференцированному единству. И это положение одобряют материалисты, если допустить, что дифференцированное бытие есть материальная вселенная и, с другой стороны, имеется отражение ее в человеческом сознании [107, p.26-28].

Такое же оборачивание требуется и для гегелевского понятия самодвижения. Так, гегельянство, будучи самым развитым и полным отрицанием материализма,

становится своим собственным отрицанием и приводит к диалектическому материализму. Но если рассматривать историю философии как реализацию логических возможностей, то Джексону следовало бы подумать о том, что последует за диалектическим материализмом. Впрочем, у него есть и другой вариант. Он замечает, что Маркс и Энгельс создали свою диалектическую теорию в ходе и с помощью диалектической практики, но в таком случае уже не так важно, был или не был, оставался или не оставался Маркс гегельянцем, так же как утрачивает остроту распространенная в Англии версия о сумасшествии Гегеля.

Приступая к позитивному изложению материалистической диалектики Маркса и Энгельса, Джексон разъясняет смысл термина в его историческом развитии.

Возникнув в Древней Греции, термин первоначально обозначал столкновение мнений в дискуссии. Платон употреблял слово "диалектика" для обозначения искусства добывания истины через конфронтацию и сравнение двух противоположных точек зрения. Платон, однако, считал, что полная истина человеку не доступна, а доступна она лишь богам.

Опираясь на последнее утверждение, средневековая схоластика также употребляла термин "диалектика" для обозначения противоречивых суждений, демонстрирующих тщету человеческих усилий постичь истину, доступную только богу. Постепенно диалектика, как в древности у софистов, выродилась в технику одурачивания оппонентов при помощи логических самопротиворечий.

Кант восстановил платоновское значение термина. Диалектика, по Канту, есть отрасль логики, проверяющая правильность результатов, достигнутых анализом. Для Канта эта отрасль имеет чисто негативное значение и демонстрирует невозможность постижения ноуменальной реальности.

Гегель с выдающейся смелостью принял вызов Канта. Не нужно бояться противоречия. Противоречие и есть сущность понятия. Все есть и не есть, существует и не существует. Все есть Становление. Бытие, будучи процессом Становления, есть единство концептуально разрешаемых и прогрессивно взаимодействующих противоположностей, которые не только отрицают друг друга, но и создают новое единство, из которого возникают новые противоположности.

Новое значение диалектики связано с концепцией развития как результата единства противоположностей.

В поисках примера диалектического развития Джексон обращается к истории философской мысли. Так, механистический материализм XVIII в. возник из конфликта между материалистическими и идеалистическими метафизиками, которые в свою очередь возникли из конфликта между номиналистическими и реалистическими теологами. Соответственно, конфликт материализма XVIII в. с идеализмом его времени привел к прогрессу идеализма, выразившемуся в кантовском критицизме и диалектическом методе Гегеля. Из конфликта метафизического реализма, представителем которого в XIX в. был Фейербах, и немецким классическим идеализмом в свою очередь возник новый материализм - диалектический.

Итак, Маркс и Энгельс извлекли реальное содержание из понятия, которое Гегель представил в мистически превращенной форме. Они не удовлетворились, как младогегельянцы и Фейербах, заменой гегелевского Абсолютного духа Абстрактным человеком. Не в абстрактном мире Теологии, Метафизики или Критической критики, но в конкретном мире развивающегося общества может быть найден процесс, который Гегель называет самоопределением Духа.

Вопрос о диалектике природы, поднятый Лукачем, и в англоязычной литературе С.Хуком, также подвергается анализу в книге "Диалектика". В качестве яркого

примера этой диалектики, "схваченной в научной форме", Джексон приводит учение Дарвина, который "угадал диалектику развития биологических форм, представив взаимодействие между организмом и средой как а) результат естественного антагонистического единства органической и неорганической субстанции и б) как процесс, посредством которого мир природы изменился и постепенно изменяется, и в) как образец для человека - путь, на котором он изменил сам себя и может в дальнейшем изменять мир.

Вскрыв различие трактовок эволюции метафизиками и диалектиками, между "градуализмом" одних и "скачкизмом" других, Джексон сравнивает Дарвина с Гегелем. Гегелевское постижение Вселенной как единства в непрерывном самоизменении, как процесса революционных метаморфоз было блестяще подтверждено Дарвиным.

Как мы видели, проблема Гегель-Дарвин также имеет давнюю традицию. Но если Макдональд решительно противопоставляет философа биологу, то Джексон с той же легкостью их объединяет. Более детальные разъяснения этого вопроса содержатся в статье Р.Пейджа Арнога, опубликованной в сборнике "Аспекты диалектического материализма"(1934). Метафизический эволюционизм Макдональда Арног объясняет его боязнью перед революцией, противоречащей виговской идее постепенного прогресса.

Чисто диалектическому объединению столь разных мыслителей как Гегель и Дарвин помогает найденное у Ленина высказывание (статья "Карл Маркс"), где говорится, что идеи эволюции "вошли почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако, эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции" [33, т.26, с.55].

Переходя к проблематике диалектики неживой природы, Джексон опирается на периодическую таблицу элементов Д.И.Менделеева, которая после преобразования английского химика Мосли, присвоившего элементам порядковые номера, наглядно свидетельствует, что качественные различия диалектически связаны с количественными показателями.

Наука XX в. также принесла немало подтверждений диалектического характера материальных процессов. Тут и теория античастиц Дирака и теория относительности Эйнштейна.

Что касается гипотезы о расхождении Маркса и Энгельса по вопросам диалектики природы, выдвинутой Лукачем и подхваченной С.Хуком, то Джексон приводит выдержку из письма Маркса к Энгельсу от 22 июня 1867 г., в котором Маркс, в частности, говорит: "...из заключительной части моей III главы... ("Капитала" - М.А.), ты увидишь, что я там в тексте привожу открытый Гегелем закон превращения чисто количественного изменения в качественное, имеющий силу в истории и в естествознании" [36, с.121], хотя, строго говоря, речь здесь идет о науках, а не их объектах.

Отстаивание целостности марксистского учения приводит автора "Диалектики" к установлению "двух фактов": диалектический материализм есть логически связанное мировоззрение и метод. Они должны приниматься и отвергаться вместе. Вот почему заведомо неприемлемы любые попытки "улучшить" марксизм, дополнить его новейшими "изменениями".

Второй факт, который устанавливает английский коммунист, в том, что политическая практика классиков марксизма-ленинизма и Сталина, разумеется, в том числе, является выражением теоретических требований диалектического материализма.

Означает ли данное утверждение, что Джексон выступает за догматический марксизм? Субъективно он против догматизма. Как и его университетский оппо-

нент Макмерри, он считает, что подлинный марксизм и догматизм несовместимы в принципе. Однако в оценке реального марксизма они расходятся. Макмерри считает, что он "не дотягивает" до диалектического уровня, тогда как Джексон вполне удовлетворен состоянием марксистской мысли. Его убежденность (о сталинском двоемыслии он, естественно, не подозревал) объясняется преобразованиями в Советском Союзе, которые воспринимались как безусловные достижения на фоне мирового экономического кризиса.

Тем не менее Джексону не удалось убедительно опровергнуть наблюдения Д.Макмерри о том, что в коммунистической пропаганде отсутствует истинно диалектическая мысль и что вместо этого мы находим своеобразный марксистский фундаментализм [127, р.82].

Надо заметить, что книга Т.Джексона также свидетельствует о благотворности импульса, приданного марксистской мысли в Англии участием советской делегации во II Всемирном конгрессе по истории науки, в частности, заметное влияние основных идей доклада Н.И.Бухарина.

Книга не лишена многих недостатков, неточностей, "блех", по позднейшему выражению автора. Вместе с тем она типична для своего времени. Так например, рассматривая проблему Маркс-Гегель, Джексон "работает" на уровне уже известных высказываний, не пытаясь соотнести в анализе работы раннего Маркса, "Нищету философии", все тома "Капитала" и его переписку. Этот же момент отмечает Р.Датт, автор уже упомянутой рецензии на книгу Т.Джексона. По его наблюдению вплоть до последнего времени многие главные работы Маркса и Энгельса были недоступны или безбожно перевирались в переводах и редакторских правках.

Автор "Диалектики" был представителем старой школы марксистов, который обладал необходимыми данными, чтобы защищать марксизм и пропагандиро-

вать его, особенно после Октябрьской революции и образования Коминтерна.

Все это дает, по мнению Датта, Джексону моральное право критиковать своих бывших коллег-самоучек, вроде Фреди Кейси.

Но как оценивается критика Джексоном "буржуазных", университетских авторов, сочувствующих марксизму, многочисленность которых создала "бум марксизма"? Рецензент непримирим к "беспартийным попутчикам" и с порога отмечает их попытки, "невежественные и высокомерные в равной степени" интерпретации того, "что Маркс действительно подразумевал"¹³.

Отлучение "непосвященных", благодать партийности как условие обладания истиной - все это чревато возрождением сектантства, политизацией и идеологизацией философского исследования, что приводит к омертвлению теории. Этот процесс начал развиваться ускоренным темпом после публикации "Краткого курса истории ВКП(б)", сразу же названного Холдейном "блестящим очерком". Для членов же партии раздел о диалектическом и историческом материализме стала безусловным канонem. Все это не могло не задержать углубление теоретической мысли в КП Британии. Добавим к этому и ощутимые потери, понесенные партией на полях Испании, где половина погибших членов Интербригад была коммунистами и комсомольцами. Среди погибших - Р.Фокс, Д.Гест, Р.Колдуэлл, подававшие блестящие надежды.

"Красные тридцатые" закончились на год раньше, чем по календарю, заключением пакта Молотова-Риббентропа. Интерес к марксизму, к "официальной" философии СССР резко упал. Последним всплеском была пионерская работа Д.Бернала "Социальная функция науки", ныне общепризнанный классический труд, осно-

---

¹³ Название известной брошюры Д.Коля.

вавший новое направление в науковедении. В книге развиты некоторые идеи Н.И.Бухарина, высказанные им в докладе на II Международном конгрессе по истории науки и техники. Упоминание имени Бухарина ограничило после сталинской расправы над выдающимся марксистом распространение книги. Вообще условия научного философского творчества становились перед войной все более и более регламентированными.

Глава III. Вопросы материалистической диалектики в послевоенной Англии

1. Первые послевоенные годы (Б. Рассел и К. Поппер о диалектике)

Война и понесенные потери подорвали могущество британской империи. Тоннаж торгового флота, от которого во многом зависит "здоровье" британских островов, сократился на 6,2 млн. тонн. В результате бомбардировок было разрушено и сильно повреждено почти 500 тыс. домов [84, p.101]. Людские же потери Великобритании во II мировой войне были относительно невелики.

Главный урон империи нанесло национально-освободительное движение в колониях. Ослабленный войной британский лев уже не мог поддерживать статус-кво военной силой. В 1947-1948 гг. завоевала независимость Индия - жемчужина Британской короны. За ней последовали Пакистан, Бирма и Цейлон. Спустя десять лет появляются независимые государства на месте бывших колоний и в Африке - Гана, Судан и др.

Общие доходы Англии от стран британского содружества, видимо, колеблются вокруг довоенного уровня. Сохранение абсолютной величины доходов на довоенном уровне можно считать равноценным относительному сокращению на одну четверть или одну треть [64, с.446].

В целом эти процессы не привели к резкому ухудшению положения рабочего класса. В военные годы была почти полная занятость. В послевоенные годы были осуществлены важные социальные требования.

Следует отметить резкое снижение забастовок в послевоенные годы по сравнению с военными годами, когда забастовки были запрещены. Занятость в 1931-1951 гг. увеличилась на 19%, при росте народонаселения в 9%.

Этот странный факт связывают обычно с неожиданным приходом в 1945 г. к власти лейбористского правительства, которое и осуществило некоторые давние требования рабочих, такие как образование национальной системы здравоохранения, расширение социального страхования. Но в целом лейбористы разочаровали избирателей, и в 1951 г. к власти снова приходят консерваторы (правительство У.Черчилля). Через 4 года оно еще более укрепило свои позиции (правительство Идена).

КП Великобритании, проанализировав новую ситуацию, принимает в 1951 г. программу "Путь Британии к социализму", документ во многом новаторский.

В Программе учтены не только изменения мирового соотношения сил после окончания войны, но и усиление идеологической конфронтации после речи Черчилля в Фултоне, ответом на которую была и кампания против космополитизма в СССР и усиление политизации наук, породившее гонения на генетику, кибернетику и теорию относительности. Вместе с тем в области философии в СССР происходили определенные процессы, которые не могли не сказаться и на идеологическом тоне британской компартии. Это, с одной стороны, кригика-дискуссия по книге Г.Ф.Александрова "История западноевропейской философии" и, с другой, создание профессионального философского журнала "Вопросы философии", что расценивалось на Западе как некоторая либерализация философских процессов.

Новым в Программе британских коммунистов был отказ от курса на советизацию и избрание вместо него курса на народную демократию [7, с.57].

Вместе с тем идеологические основы партии остались незыблемыми - марксистская теория, наука, во-

плотившая опыт международного рабочего движения, учение "Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина", как тогда говорилось.

Партия по-прежнему резко осуждала лейбористов и консерваторов, не видя между ними существенной разницы. И довоенные лейбористы - как Макдональд, Сноуден, - и послевоенные лидеры - Эттли, Бевин и Моррисон - не имеют ничего общего с социализмом. "В действительности они подобно прежней либеральной партии являются всего лишь левым крылом консерваторов" [7, с.50].

Этот подход не способствовал преодолению застарелой болезни - сектанства. После некоторого увеличения членства КП в военные годы снова произошел отток свежих сил. Значительное воздействие на количественный рост партии оказал XX съезд КПСС и венгерские события в октябре 1956 г. В 1956-1957 раздались голоса о том, что "незачем добиваться создания массовой марксистской партии", "достаточно довольствоваться ролью небольшой марксистской организации, преобразующей изнутри лейбористскую партию" [45, с.227].

Хотя этот взгляд был осужден XXVII Национальным съездом КП Великобритании, в целом ситуацию изменить так и не удалось.

Тем не менее независимо от количества авторитет КП и теории, которой она руководствовалась во время войны и после ее победоносного окончания, вырос. Теория, приобретшая такое распространение, приверженцы которой одержали всемирно-исторические победы, не могла не вызвать интерес. Но успехи коммунистического движения, образование социалистического лагеря, как тогда говорили, в результате победы над фашизмом порождало в западном мире ощущение опасности. В среде интеллектуалов, среди которых было немало сочувствующих марксизму, резко отрицательную реакцию вызвала печально известная сессия ВАСХНИЛ в августе 1948 г. Гонения на генетику, а позже и киберне-

тику и многое другое остро ставили вопрос: способны ли "диамат" ужиться с развитием естественных наук?

Серьезнейшим вызовом марксистской философии стали работы двух видных мыслителей - Б.Рассела и К.Поппера, написанные во время войны. Авторы в своих книгах "История западно-европейской философии" и "Открытое общество и его враги" не скрывали мотивов, подвигнувших их на создание этих трудов. Европейская цивилизация оказалась на краю пропасти. Что привело ее к кризису? Что привело к войне, не знавшей прецедента в истории по размаху военных действий и немыслимому количеству жертв?

В соответствии с темпераментом автора, книга Рассела более терпима, снисходительна и стремится воссоздать целостность культурно-философского контекста духовного развития Западной Европы. Вопреки многочисленным критикам Маркса, "отлучавшим" его от европейской философской традиции, Рассел рассматривает философию Маркса в органической связи с предшествующим развитием не только философской, но и общественной мысли. Вот откуда трудность классификации его творчества: Маркс слишком многосторонен, чтобы его можно было втиснуть в какую-то жесткую схему. В одном отношении он "является продуктом философского радикализма". С "другой стороны, он оживил материализм, дав ему новую интерпретацию и новую связь с человеческой историей"[145, р.782]¹. Наконец, Маркс - последний великий системосозидатель, последователь Гегеля, подобно ему он верил в рациональную формулу, суммировавшую эволюцию человечества [145, р.789]. В этом эффектном афоризме сквозь марксову бороду просвечивают сталинские усы. В большой степени такой догматический подход свойственен "диамату", нежели самому Марксу. Думается, здесь сказывается то,

---

¹См. наш перевод главы в Ежегоднике "Общественная мысль: исследования и публикации" вып. II. М., 1990.

что Рассел знаком с марксизмом из "вторых рук", в главе о Марксе всего одна ссылка на тексты самого Маркса.

Наибольшую связь с философией Гегеля Маркс обнаруживает в том, что он наследует у Гегеля диалектику, - считает Рассел. Вот основное онтологическое и методологическое отличие Маркса от современной научной мысли. Маркс называет себя материалистом, но не такого типа, что были в XVIII в., а диалектическим. Не будем придираться к тому обстоятельству (вторые руки!), что само название "диалектический материализм" Маркс не употреблял. Важно другое - Рассел верно фиксирует отличие диалектического материализма от созерцательного механистического материализма: оно состоит в утверждении активности субъекта. Субъект и объект, познающая и познаваемая вещи находятся в непрерывном процессе адаптации друг с другом. Этот процесс, указывает Б.Рассел, называется диалектическим потому, что никогда полностью не завершается.

Сказанное не означает, что Рассел "потеплел" к диалектике вообще и к диалектике познания в частности. Признавая вклад Маркса в теорию идеологии, как иллюзорного сознания, он переадресовывает эту теорию самому Марксу и обвиняет его в бессознательной предвзятости и во внерациональных мотивах. Космический оптимизм Маркса, его вера в прогресс, как универсальный закон, также как и все элементы в марксовской философии, выведенные Марксом из Гегеля, - ненаучны.

В этой тираде нет ничего удивительного, ведь только что в главе, посвященной Гегелю, с порога заявлено: "почти все гегелевские доктрины ложны"[146, p.730].

Откуда же такая форсированная неприязнь к великому идеалисту-диалектику? Многое в этом объясняется ситуацией в мире в ту пору, когда писалась книга. Такие черты гегелевского учения, как его милитаризм, оправ-

дание войны, этатизм, идейное обоснование национализма, взятое на вооружение фашистами, воспринимались как идейные истоки тех тоталитарных режимов, военное столкновение которых, по мнению либеральных мыслителей середины XX в. и поставили на карту само существование европейской культуры. Рассел видел в Гегеле отдаленного вдохновителя многих существенных сторон фашистской идеологии. Косвенно он намекал, что и идеология коммунизма содержит пережитки гегельянства². Правда, Рассел не доходил до прямого признания этих связей, как С.Хук, сказавший, что под Сталинградом в смертельной схватке сошлись правые и левые гегельянцы.

Метафизика Гегеля имеет, по Расселу, две существенные особенности, отличающие ее от других метафизических учений. Первая особенность выражается в предположении самопротиворечивости любого предиката в отношении Целого. Ничто не может быть действительно истинным, если его рассматривать вне некой целостной реальности. Сущностью этой реальности является логика.

Вторая особенность связана с первой и усматривает в совершающихся в реальности процессах триадическую форму. Это, собственно, и есть диалектика.

Диалектический метод Гегеля в его триадической форме представляет из себя развитие взглядов на реальность путем постоянного исправления предыдущих ошибок, происходящих от чрезмерного абстрагирования, принимающего нечто конечное и ограниченное за целое. Так, Рассел излагает идею Гегеля восхождения от абстрактного к конкретному. Каждая последующая стадия диалектического движения содержит ранние стадии в снятом виде; ни одна полностью не замещается, но

---

²Известная критика III тома "Истории философии", особенно глав, посвященных Гегелю; в Советском Союзе есть попытка открититься от некоторых неприятных сторон гегельянства.

всякой дается ее собственное место в качестве необходимого момента целого.

Как бы то ни было, Рассел сожалеет, что Маркс изготовил свою философию истории по шаблону, предложенному гегелевской диалектикой. Ведь на самом деле ему могла подойти только одна триада: феодализм, представленный лендлордом, капитализм, представленный промышленником, и социализм, представленный наемным рабочим [145, p.789]. Гегелевские нации, как "вместилища" диалектического движения, Маркс заменил классами. Предпочтение социализма обуславливается не этическими или гуманистическими причинами или положением наемного рабочего, а тем, что превосходство социализма обеспечено диалектикой в ее всецело детерминированном движении. Так, Маркс превращается у Рассела из экономического в диалектического детерминиста, повторяя типичные еще со времен Дюринга интерпретации Маркса в духе гегельянства.

Не трудно показать, как и в чем Рассел вульгаризирует марксизм, но тем не менее это не было сделано английскими марксистами. Всякое инакомыслие по поводу марксизма не оспаривалось, а просто не замечалось.

Еще более непримирима и остра критика диалектики и особенно диалектики Гегеля в книге Карла Поппера "Открытое общество и его враги", также вышедшей в 1945 г. Автор, австриец по происхождению, еще до аншлюса Австрии переехал в Новую Зеландию, а затем в Англию. До своей книги об открытом обществе Поппер приобрел достаточно высокую репутацию как методолог и философ науки. Получили известность его статьи в "Mind" "Что такое диалектика?" и "Противоречия приемлемы?" (1940).

"Открытое общество и его враги", по определению автора, является критическим введением в философию политики и истории и проверяет некоторые принципы социальной реконструкции. Поппер намеревался пока-

зять, что цивилизация еще не излечилась от послеродового шока, переходя от родоплеменного или "закрытого" общества с его подчинением магическим силам к "открытому", демократическому обществу, где устанавливается свобода и реализуются критические способности людей.

Шок от этого перехода получает идеологическое оформление в философиях Гераклита, Платона и Аристотеля, повлиявших на возникновение реакционных движений, старающихся свергнуть демократию и восстановить институты общинного "трайбалистского" сознания.

Пагубная для человеческой свободы тенденция получает, по мнению Поппера, развернутое выражение у философов, тяготеющих к рационалистическому универсальному реализму, особенно у Платона и Гегеля. Для Гегеля, мастера логики, было детской забавой при помощи всемогущего диалектического метода извлекать реальных физических кроликов из метафизического цилиндра [140, Vol.II, p.27]. В отличие от Бертрана Рассела, который в своей "Истории западной философии" не прослеживает логической связи между метафизикой Гегеля и тоталитаристским возвеличиванием государства, Поппер подчеркивает взаимозависимость диалектического метода Гегеля и нового трайбализма. Диалектика у Гегеля становится логикой - теорией реальности [140, Vol.II, p.244].

Два столпа, на которых стоит философия Гегеля, - это, по Попперу, триада и принцип тождества (противоположностей). Отсюда вытекает проблема противоречия, признание которого в гегелевском варианте означает крах науки.

Полемика, которую ведет Поппер в книге против Гегеля, имеет скорее памфлетный характер. Так, он называет различие, которое проводит Шопенгауэр между "болтуном" Фихте и "шарлатаном" Гегелем, излишне педантичным. Считая гегелевскую диалектику извраще-

нием идей французской революции 1789 г., Поппер не может удержаться от "поспешного осуждения" [115, р.47] и, не особенно выбирая выражения, утверждает, что в наше собственное время истеричный историцизм Гегеля, смесь клоунского фарса и бесчестной интеллектуальной претенциозности, все еще является питательной средой, в которой современный тоталитаризм обретает быстрый рост³.

Детальная картина диалектического метода Гегеля дана, однако, в других работах Поппера, особенно в упомянутых статьях в "Mind" - "Что такое диалектика?" и "Противоречия приемлемы?". О них подробнее несколько позже, а сейчас вернемся к книге.

Характеризуя Маркса как ученого, Поппер старается воздать ему должное. Он указывает, что все современные мыслители - должники Маркса, даже если и не знают об этом. К должникам Поппер причисляет и себя, и отмечает, что его трактовка Платона и Гегеля несет на себе печать влияния Маркса.

Поппер не может не воздать должного искренности Маркса (что отмечается и Расселом), его чувству факта, недоверию к пустословию, особенно к морализирующему пустословию. Все это сделало его одним из самых влиятельных бойцов против лицемерия и фарисейства. Главный талант Маркса - теоретический, его он обращал на дело облегчения судьбы огромного большинства людей. Искренность в поисках истины и интеллектуальная честность отличали его от многочисленных последователей, хотя он и не избежал развращающего влияния гегелевской диалектики, в атмосфере которой он был воспитан.

---

³Резкости Поппера не прошли ему даром. В.Кауфман попытался поставить под сомнение доброкачественность научной критики автора "Открытого общества...", заметив, что, судя по критике Гегеля, никто не догадался бы, что автором проделана серьезная работа в области логики и методологии науки [см.96, р.27].

Поппер конкретно перечисляет пункты, по которым шло заимствование гегелевских идей. Среди них "историцизм" - метод науки об обществе, основанный на изучении истории и претендующий на предсказание исторического хода событий. Тут и исторический релятивизм, признание присущего истории закона прогрессивного исторического развития. Здесь, наконец, мы находим методологический эссенциализм, диалектику...

Оставляя в стороне социологическую проблематику, такую как тезисы, играющие важную роль в марксизме, о различии между формальной свободой и формальной демократией, с одной стороны, и реальной, или "экономической", свободой и "экономической демократией" и коллективизмом, с другой, сосредоточим основное внимание на попперовском понимании вопросов диалектики. Эти вопросы, как уже говорилось, рассматривались в статьях 1940 г. и являлись теоретико-методологическим основанием критики гегелевского "нового трайбализма" в книге "Открытое общество и его враги". В статьях, написанных в Новой Зеландии, Поппер выступает как методолог науки, и такой подход сразу сказывается, как только он противопоставляет диалектический метод конкретно-обыденному и научному методу проб и ошибок. Этим самым Поппер принимает "официальное" понимание диалектики как метода познания и преобразования действительности. Метод проб и ошибок используется живыми организмами в процессе адаптации. Диалектика такой значимостью похвастаться не может. Более того. Метод проб и ошибок становится универсальным способом выживания не только органических систем, но и философских и научных систем, где в качестве частного случая начинает применяться сознательно. Вместе с тем Поппер указывает, что метод проб и ошибок не гарантирует успеха и не вскрывает неправильности наших действий в случае неуспеха [13, с.28].

Но все это смахивает на старую, добропорядочную индукцию. Диалектика же, по мнению Поппера, - и в отношении "диамата" он, пожалуй, прав - претендует на статус аксиоматического обоснования всех дедуктивных операций, что сам по себе ставит ее вне науки.

Теперь задается сакраментальный вопрос: что имеют в виду, когда говорят, что развитие мысли происходит "диалектическим образом"? Разъясняя этимологический смысл термина "диалектика", Поппер подчеркивает, что одно из его античных значений близко к тому, что описано выше как научный метод, т.е. термин "диалектика" применялся для обозначения метода построения объяснительных теорий, критического обсуждения этих теорий, включая вопрос: способны ли они описывать данные эмпирических наблюдений? [13, с.30].

Это важно отметить, поскольку далее за диалектикой признается и прагматическая функция, функция непосредственного оперативного метода добывания знаний.

Наиболее важным смыслом слова "диалектика" Поппер считает тот, что вкладывал в него Гегель: "Человеческая мысль, развивающаяся путем триады: тезис, антитезис, синтез" [13, с.29].

Такая редукция, конечно, хотя и имеет известную традицию (Э.Бернштейн, Н.Михайловский), сильно упрощает задачу оппонента диалектика. Решающее отличие между методом проб и ошибок и диалектикой он видит в допущении, что борьба между тезисом и антитезисом приведет к синтезу. Вместе с тем Поппер признает, что положение о том, что тот или иной взгляд или теория при их анализе могут быть опровергнуты и все-таки передать нечто достойное сохранения, вполне удовлетворительно в сфере интерпретации истории мысли и добавляет некоторые важные детали к объяснению в терминах проб и ошибок.

Но этим комплиментом нельзя обольщаться. Диалектика обременена, не без оснований замечает Поппер, большим числом метафор, что снижает уровень требований к научности.

Основной источник недоразумений и путаница в диалектике, указывает Поппер, это пресловутая проблема противоречия и отсутствие строгости в ее обсуждении. Поппер ничего не имеет против противоречия между тезисом и антитезисом в мышлении, что дает прогресс в синтезе, но согласиться с онтологизацией противоречий триады никак не может. Диалектика как компонент историко-философского процесса, как его теория, еще может быть оправдана, но стать общей теорией универсума, претендовать на космическую применимость не имеет ни малейшего основания. Допущение противоречия в онтологию парализует интеллектуальный прогресс. Следует выбирать одно из двух: либо диалектика заинтересована в обнаружении противоречия, поскольку такое обнаружение плодотворно (но тогда не следует допускать противоречие), либо же диалектика допускает противоречия (но в таком случае они совершенно бесплодны, а их рациональная критика и интеллектуальный прогресс невозможны).

Здесь также нет ничего нового.

Сложнее обстоит дело с критикой претензии диалектики заменить формальную логику. Ложность этой претензии вытекает из того, что диалектика не является теорией какого-либо вида дедукции и не может быть, как уже указывалось, аксиоматическим основанием каких-либо видов дедуктивных операций.

Преувеличенное значение диалектики, полагает Поппер, есть результат стремления Гегеля вывести метафизику из-под разрушительной критики Канта. Ведь именно указав, что не следует бояться антиномий (они, дескать, нормальны), Гегель тщится преодолеть кантовское опровержение метафизического рационализма. Утверждение Гегеля о том, что антиномии (противоречия)

есть развитие и способ существования разума, приводит его к форсированному, усиленному догматизму. При всем том, признает Поппер, гегелевское описание исторического развития разума в философии является его высшим достижением и не лишено большой доли правдоподобия.

Несколько прямолинейно, "в лоб", атакует Поппер другой основополагающий принцип гегелевской диалектики - принцип тождества. Здесь разум и действительность идентичны, а если разум развивается диалектически (как это хорошо видно на примере развития философской мысли), то и общество должно развиваться по законам диалектики [13, с.51].

Гегель просто постулирует свою философию тождества. Классический гносеологический вопрос: как наш ум способен постигать мир? - получает фиктивный ответ: потому что мир умоподобен. Точно так же зеркало может отражать мое лицо потому лишь, что оно лицеподобно.

Критика идеалистической диалектики Гегеля в целом не должна была бы шокировать марксистов, хотя иные из них почувствовали себя кровно оскорбленными. Так, М.Корнфорт заявил, что Поппер искажает Гегеля до такой степени, что в сравнении с этим искажение им Маркса выглядит чуть ли не как почти научное изображение. Дело, видимо, в том, что многие марксисты сочли, что критике подвергается не гегелевская мистификация, а диалектика как таковая, ее же, вопреки изречению Маркса, нельзя подвергать сомнению. Впрочем, если отождествление марксистской и гегелевской диалектики заходит далеко, то эту болезненную реакцию можно понять.

Как же строится попперовская критика собственно марксистской диалектики?

Для начала Поппер выясняет что общего у марксистской и гегелевской диалектики, а затем - что их разделяет.

Из трех особенностей гегелевской диалектики (а) узаконенное противоречие; б) утверждение диалектики как универсальной логики и в) приложение диалектики "ко всему миру" при помощи панлогизма и философии тождества) - диалектический материализм не приемлет лишь третий пункт (хотя "переворачивание диалектики" иногда приводит к материалистической теории отражения).

При этом Поппер не против материализма как такового. Он против его соединения с диалектикой. Оно кажется ему излишним, поскольку, если естественные науки развиваются на основе реалистического мироощущения, присущего рядовому человеку с его наивно реалистическим взглядом, то социальные науки вовсе не требуют идеалистического обоснования такого рода, которое предлагает им гегельянство. Смысл вклада Маркса основатель критического рационализма видит в стремлении опровергнуть все те теории о разумной и духовной природе человека, которые ставили социологию в зависимость от идеалистических и спиритуалистических наук, от анализа разума [см.13, с.56].

Маркс установил, что развитие, даже развитие идей, не может быть полностью понято, если к истории идей относиться как к таковой, рассматривать ее саму по себе (хотя подобное отношение часто тоже имеет свои немалые достоинства), без упоминаний условий их возникновения и ситуации, в которой находились их основатели, и среди этих условий экономический аспект обладает первостепенной важностью.

Здесь слышится отзвук доклада Б.Гессена, побудившего многих философов и историков науки отказаться от одностороннего интернализма.

В книге "Открытое общество и его враги" Поппер прямо признает, что после Маркса возврат к старой социологии уже невозможен. Непосредственной задачей Поппера является выяснение того, что случилось с диалектикой внутри системы Маркса.

Итак, критика диалектики у Поппера, как правило, сводится к критике ее основной формы - гегелевской идеалистической диалектики. В книге "Открытое общество и его враги" Поппер нередко разгораживает Маркса и Гегеля⁴. Кроме того Поппер проводит разграничительную линию и между Марксом и его ортодоксальными последователями. Воздавая должное благородству идей Маркса, Поппер убежден, что такой человек не мог разделять пристрастие Гегеля к "бесчестным" диалектическим махинациям. Усиленному догматизму Гегеля противопоставлен антидогматический научный подход Маркса. Поппер также соглашается, что такой подход удачно дополняет метод проб и ошибок. Но беда в том, что этот прогрессивный антидогматический метод никогда не был принят целиком ортодоксальными марксистами, которые употребляли диалектику в апологетических целях для защиты марксистской системы от критики. Нельзя не признать известную справедливость этого замечания. Мы не раз были свидетелями того, как в "умелых руках" диалектика, в противоположность формальной логике, приводила к желаемым результатам. Гибкий изворотливый механизм позволял нейтрализовать (в собственных глазах!) любые нападки. Наблюдение Поппера особенно верно именно тогда, когда политизация и идеологизация философии достигли насыщения в сталинском "диамате".

Все сказанное вынуждает строго различать теоретический и идеологический уровни диалектики. Это условие избавления от "каменной болезни" диамата. Поппер, однако, эти уровни не различает и не фиксирует. Поэтому-то он называет диалектику усиленным догматизмом и одновременно эмпирической дескриптивной теорией, применимой с исключениями [13, с.42]. Кстати, последнее определение диалектики позволило бы Поп-

---

⁴В.Кауфман в эссе "Молодой Гегель и Религия" отмечает, что критика Поппером Маркса необыкновенно признанна [см.96, р.87].

перу впоследствии, когда он выдвинул принцип фальсификации, признать научность диалектики.

Минимизируя влияние Гегеля на Маркса, Поппер сопоставляет их политические ориентации. Гегель был типичным представителем прусской реакции и даже был у нее на содержании. Маркс же обладал совсем другим политическим темпераментом, но нуждался в философии, которая обосновала бы его собственные политические устремления. Мы можем понять радость, охватившую Маркса, пишет Поппер, когда он увидел, что гегелевскую диалектическую философию можно легко повернуть против ее создателя, что диалектика более благоприятствует революционной политической теории, чем консервативной и апологетической [13, с.60]. Вместе с тем, Поппер не видит необходимости дополнять методы частных наук каким-то универсальным методом.

Выступление Поппера, его разбор вопросов диалектики, критика гегельянства (смертельная для Гегеля, по выражению Рассела) обновили интерес к проблемам логического статуса диалектики, ее методологической и мировоззренческой функции в первые послевоенные годы, но не вызвали немедленной реакции марксистских кругов.

2. Свежие теоретические силы в компартии Великобритании. Прощание с "диаматом"

В послевоенный период выдвинулись новые теоретические работники в коммунистическом движении Великобритании - М.Корнфорт и Д.Льюис. В лице Корнфорта партия обрела профессионально подготовленного философа, обучавшегося в Кембридже у Виттгенштейна и Мура.

Корнфорт дебютировал книгами "Наука против идеализма", "В защиту философии против позитивизма и прагматизма", первое издание которых вышло в 1946

и 1950 гг. Книги вскоре были переведены на русский язык. Форма полемики соответствовала принятому стандарту: безоговорочное осуждение буржуазной философии, разоблачение "дипломированных лакеев" буржуазии. Этот стиль получил обновленное оправдание в атмосфере начавшейся "холодной войны".

Беда в том, что, как показала сессия ВАСХНИЛ в 1948 г., а также выступление против теории относительности Эйнштейна, агрессивный, идеологизированный сталинский "диамат" не уживался с новыми открытиями "диковинных" свойств материи, и тем самым не смог выполнить рекомендацию Энгельса о смене формы материализма. Новые открытия и новые научные дисциплины были объявлены "происками" и отвергнуты.

Для английских марксистов-естествоиспытателей это стало серьезным испытанием их научной совести. И хотя такой крупный ученый, как Д.Бернал, ведущий авторитет английских марксистов, скрепя сердце, все-таки принял "учение" Лысенко, "лысенковщина" лишила партию многих потенциальных сторонников и сочувствующих.

Состояние ортодоксальной философской науки получило полное воплощение в книгах М.Корнфорта, посвященных философии марксизма, вышедших в первой половине 50-х гг. В 1952 г. выходит первый том - "Введение в диалектический материализм: материализм и диалектический метод". В два последующих года увидели свет "Исторический материализм" и "Теория познания".

Соединенный в одну книгу в русском переводе, этот труд не претендовал на решение сугубо теоретических задач. Дидактические и вместе популяризаторские цели работы определили догматический стиль изложения. Сознательно ограниченная самостоятельность автора в изложении и трактовке материала видна из иерархии цитируемых авторов: больше всего ссылок на классиков марксизма-ленинизма, Сталина, Мао Цзе-дуна, приве-

дена обширная выдержка из выступления А.Жданова на дискуссии по книге Г.Ф.Александрова "История западноевропейской философии" (24 июня 1947 г.). Есть ссылки на Горького, Гегеля, Лукреция Кара, из утопистов взяты Р.Оуэн и У.Моррис. По одной ссылке на Л.Витгенштейна, Огдена и Ричардса. Вместе с тем трактовка традиционных для Великобритании проблем диалектики в известном отношении весьма показательна и носит итоговый характер.

В посмертно изданной книге "Коммунизм и философия" М.Корнфорт в автобиографическом предисловии коснулся своего старого труда. Он назвал его "во многом партийной книгой" и счел нужным объяснить постоянные ссылки на "четвертого" классика, который рассматривался как сказавший последнее слово по всем философским вопросам.

Авторский личный вклад в разработку излагаемых вопросов заключался в требовании ясности, вынесенном из стен Кембриджа, для чего термины следует ясно определять в их контексте, а о том, о чем нельзя высказаться ясно, как советовал Витгенштейн, вообще не следует говорить.

Корнфорт был убежден, что написал весьма ортодоксальную книгу. В самом деле, в своем изложении он старается следовать высказываниям классиков, убежденный в том, что все, что они говорили, особенно повторенное не менее трех раз, должно быть истиной.

Это видно в изложении диалектического метода в его отличии от метафизического метода. Отличие диалектики в том, что она прослеживает действительные изменения и взаимосвязь в мире, мыслит вещи в их действительном движении и взаимосвязи. Здесь Корнфорт мог бы опереться на приводимую им статью Сталина "Анархизм или социализм": "Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать такой, ка-

кова она в действительности"⁵. Энгельс, правда, видит в таком непредвзятом подходе преимущество философского материализма перед идеализмом, но это не так уж здесь важно, важно узнать, какова же в действительности жизнь. При этом английский марксист, характеризуя метафизический метод, особо выделяет стремление метафизики установить раз и навсегда сущность, свойства и возможности всего, что она рассматривает. Поэтому у метафизиков всегда на все есть готовые ответы, продолжает Корнфорт, не замечая, что это свойственно и сложившейся практике цитирования высказываний классиков и особенно знаменитой главы из "Краткого курса истории ВКП(б)".

Оболение универсальностью готовых диалектических формул приводит Корнфорта к игнорированию различия между специфическими методами естественных наук и философской методологией и осмыслением результатов естествознания философией. Но размывание границ между позитивным знанием и философией приводит к рецидивам натурфилософии. Так, опираясь вслед за "советскими биологами" на диалектический принцип единства организма и среды, Корнфорт отрицает, что организм обладает собственной природой, изолированной от среды, так как это, дескать, метафизика. Но тем самым наука лишается собственного определенного объекта исследования, а ее результаты элиминируются в угоду предвзятой, якобы диалектической, схеме.

Нечто подобное произошло в обществоведении вследствие одностороннего восприятия марксовой формулы - сущность человека есть совокупность (ансамбль) общественных отношений. Человек как субстанциальный объект исследования оказался вне сферы исследований, что соответствовало идеологическим доминантам

---

⁵[58, т.1, р.298]. Статья, написанная в 1903 г., впервые переведена на русский язык в 1946 г. и была "новинкой".

сталинской эпохи, но по инерции такое положение продолжалось многие десятилетия.

Хотя автор "Введения в диалектический материализм" и говорит о некоторых "вольностях" в обращении с классиками (один из примеров - у Сталина марксистская философия материалистична в качестве теории и диалектична в качестве метода; Корнфорт же трактует материализм тоже как метод), все-таки в отношении к диалектике, можно сказать, перефразируя известное выражение: нет ничего у Корнфорта, чего прежде не было бы у классиков марксизма-ленинизма. И это в общем-то не удивительно, поскольку вполне соответствовало парадигме "диамата". Странно другое. Хотя Корнфорт и намеревался использовать свой философский опыт, приобретенный в Кембридже, он зачастую упускает, или забывает, или не решается использовать многочисленные возможности в этом плане.

Так, говоря о диалектическом принципе развития, Корнфорт, подобно Берналу, связывает его с возникновением "нового". Действительный смысл развития в том, что непрерывно возникает нечто новое. В этом и состоит различие между простым изменением и развитием. Однако, разве простое изменение не обладает новизной? Диалектика единичного и общего требует признания уникальности наряду с общими чертами любого события, любого факта, любой вещи и процесса. Следовательно, понятие "нового" требует дополнительных характеристик. В "Кратком курсе истории ВКП(б)" в особо знаменитой 4 главе (2 раздел) (см. 17) Сталин подразумевал под новым прогрессивное. Такой реликт прогрессизма XIX в. идеологически легко объясним, поскольку требовалось философски оправдать не только социалистическую революцию, свершившуюся в России "не совсем по правилам", но и все те беззакония, творимые ее именем в стране, особенно в период режима личной власти Сталина.

Однако с теоретическим обоснованием прогрессизма дело обстоит не так просто, и Корнфорту, как философу, должно быть хорошо известно, что метафизические проблемы не имеют решения.

С не менее сложной проблемой сталкивается Корнфорт, когда переходит к обсуждению понятия противоречия. Он констатирует, что, согласно метафизической концепции, противоречие возникает в наших понятиях о вещах, а не в самих вещах. При таком подходе противоречие рассматривается исключительно как логическое отношение между отдельными суждениями, а не как действительное отношение между вещами. Корнфорт толкует это положение как рассмотрение вещей в "статике", как "затвердевших и замороженных". Но означает ли это, что объективирование противоречия динамического движения и взаимосвязи всего лучше будет выражаться логическим противоречием? Дело идет о различии формальной и диалектической логик. Логический закон непротиворечия Корнфорт квалифицирует как общий логический принцип, закон мышления, это не закон материальных процессов. Если наше мышление нарушает законы логики, оно становится непоследовательным и внутренне противоречивым. Отсюда нормативный характер логической необходимости в противоположность естественной необходимости.

Остается неясным, что же происходит в материальных процессах, когда их непоследовательно и внутренне противоречиво отражают. Видимо, дело не только в том, что формальная логики это статика, а диалектика - динамика.

Еще до войны Дэвид Гест, памяти которого посвящена книга Корнфорта, в своей посмертно изданной работе высказался по этому вопросу, опять-таки в рамках традиции, берущей начало в известной полемике Ф.Энгельса и Е.Дюринга. В марксистской традиции укоренились и стали привычными сравнения диалектики с высшей математикой и динамикой, а формальной ло-

гики с низшей математикой и статикой. Суть позиции Энгельса заключалась в том, что и диалектическая, и формальная логика являются средствами получения новых результатов, но в силу текучести понятий диалектика имеет более широкое мировоззренческое содержание.

Настаивая на объективности противоречий, Корнфорт был обязан прояснить терминологию, в которой излагается проблема. Он этого не сделал. Вопрос подлежал дальнейшему обсуждению в полемике на страницах теоретического журнала британских коммунистов "Марксизм Тудей", начавшего выходить с 1957 г.

Между прочим, утверждая, что противоречие есть движущая сила развития универсума, Корнфорт возвращается к проблеме прогрессивного нового и вынужден постулировать позитивную направленность процессов. Эта фундаментальная характеристика развития до сих пор не имеет удовлетворяющего всех решения, и заметим, вряд ли имеет шансы найти его, будучи классической метафизической проблемой.

С одной стороны, наш опыт изучения истории Солнечной системы, биологической и социальной жизни на земле свидетельствует о направленном развитии, которое можно описать как прогрессирующее возрастание сложности материальных, а затем и идеальных систем, но, с другой стороны, как резонно указывает английский марксист, мы не можем сказать, как это делают некоторые философы, что в течение вечности бесконечная вселенная развивалась от ступени к ступени в predetermined направлении [24, с.110].

Достаточным ответом, по мнению Корнфорта, является утверждение о том, что эту видимую направленность "организует" не бог или дух, не таинственные космические законы, а специфические противоречия отдельных вещей и явлений. Для единомышленника Корнфорта презумпция материального единства в развитии универсума вполне достаточна, но удовлетворит ли его

ответ деиста или теиста? Судя по последующей эволюции взглядов Корнфорта, он видел эти онтологические и логические затруднения, хотя в рамках "диамата", несомненно, был лишен возможности не только обсуждать их, но и просто объявить о их наличии.

Первые книги Корнфорта при всех их недостатках, обусловленных "прессом эпохи", идеологическими доминантами - тем не менее засвидетельствовали появление достаточно компетентного теоретического работника, профессионально разбирающегося в философской проблематике и способного вести содержательную дискуссию с оппонентами марксизма из университетских и академических кругов.

В книге "Диалектический материализм" подводились итоги целой полосе марксистской традиции в Англии и содержалось предчувствие дальнейшего движения.

Как вспоминал сам Корнфорт в упомянутом Предисловии к книге "Коммунизм и философия", после завершения "Диалектического материализма", он ощутил потребность начать разработку некоторых важнейших тем марксистской теории. Среди них, наряду с проблемами материализма, отношения исторического и диалектического материализма, и др., особое место занимали проблемы диалектики. "Нужно было прояснить, что означает диалектика, отбросив идею, часто пропагандируемую, что диалектика некоторым образом противоположна логике. Следовало обосновать, что диалектика, напротив, была коррекцией догматических концепций и ее нельзя сводить к сумме формулировок диалектических законов".

Отсюда, по мнению Корнфорта, возникает потребность в изучении оснований исторического материализма, логики и диалектики, то, что, грубо говоря, называется условиями человеческого существования. "Это привело бы к рассмотрению различия между материей факта и ценностями и раскрыло бы, возможность обо-

снования ценности не на личных или классовых предпочтениях, а на объективной почве..." И это можно было бы в свою очередь связать с концепцией коммунистического общества не как тысячелетнего царства или утопии и не как результата классовой борьбы, приводящей неизбежно к упразднению классов и удовлетворению всех человеческих потребностей посредством применения высшей техники, но как результата борьбы за утверждение человеческих ценностей" [86, p.15].

Итак, снова вопрос: что такое диалектика? После XX съезда КПСС появляются невиданные ранее возможности для ответа на этот вопрос. Исчезли или ослабли некоторые идеологические доминанты. Подведение рассуждения под цитату из классика перестало казаться достаточным и удовлетворительным в научном и идеологическом отношении. Социально-культурный опыт военных и послевоенных лет, появление новых научных дисциплин, начало научно-технической революции требовали обновленного подхода к осмыслению небывалого и весьма необычного историко-культурного опыта. Искать ответа у классиков? Начавшаяся научно-техническая революция сделала эту традицию морально устаревшей. Негативные примеры "лысенковщины" и идеологического блокирования развития кибернетики в Советском Союзе, так же как и громадное, до сих пор не в полном объеме учитываемое влияние XX съезда КПСС, привели к расшатыванию монополии на истинную интерпретацию марксизма КПСС и подготовили кризис "диамата" на Западе. Гласно или негласно он был признан стерильным и оставлен многими бывшими сторонниками.

Произошел очередной "отток" теоретических кадров из компартии Великобритании. Оставшиеся верными партийной дисциплине пытались модернизировать парадигму "диамата"; подобный процесс шел и в Советском Союзе. Для английской эмпирической традиции наиболее острый вопрос заключался в отказе от универ-

сальной значимости высказываний диалектического материализма. Ведь превращая принципы и законы диалектики в аподиктические суждения о природе, обществе и мышлении, "диамат", как и Гегель, придавал им статус абсолютной истины. Этим самым достигался искомый контроль над мыслью о природе, обществе и мышлении, который иллюзорно отождествлялся с контролем над самими объектами - природой, обществом и мышлением. Отрезвляющим моментом тут мог бы стать факт существования иных идеологий, философий, если бы за ними всерьез признавались какие-то моменты истины. Однако после появления и утверждения марксистской философии дальнейшее развитие буржуазной мысли признавалось как бы недействительным.

Отказ от универсальной приложимости диалектических принципов и законов страшил уже тем, что казался отрицанием научности философии марксизма, уже принявшей в учебных пособиях вид заправской метафизики. Вопрос встал особенно остро с того времени, когда получил известность фальсификационизм Поппера.

Как бы то ни было, процесс десакрализации философских марксистских текстов начался. И начался он с обсуждения логического и онтологического статуса диалектики, во многом спровоцированного выступлениями Б.Рассела и К.Поппера. Свой вклад внес сюда в послевоенные годы и лингвистический анализ.

Одним из первых результатов на этом пути была книга Мориса Корнфорта "Марксизм и лингвистическая философия".

В ней Корнфорт впервые высказывает важную идею - неотделимость философии от марксизма в целом. Отдельная философская теория функционировала как "марксистская философия" не лучше, чем отделяемая от туловища голова - в качестве головы [25, с.324]. Это высказывание проливает свет на понимание Корнфортом сущности диалектики как "сквозной" методологии. Кор-

нфорт разъясняет: диалектический материализм не обозначает "никакой установленной теории природы и устройства мира... Выражение "диалектический материализм"... не обозначает никакой такой метафизической теории, но описывает подход к формированию теорий и понятий о конкретных предметах познания" [25, с.324].

Здесь высказывается одна из заветных мыслей Корнфорта. Отклоняя претензию философии "знать что-то сверх того, что известно позитивным наукам", он будет отныне в многочисленных работах разрабатывать методологическую функцию марксистской философии, как главную. Именно в этом плане следует понимать такое его высказывание: марксизм не состоит из набора теорий - по одной на каждый конкретный вопрос плюс диалектический материализм - все его теории диалектико-материалистические. Диалектический материализм - методология или подход, которые характеризуют и объединяют всю марксистскую теорию [25, с.325].

С этим не приходится спорить. Но нет ли у диалектического материализма собственного предмета? Отрицательное отношение Корнфорта к такому предположению не удивительно. Он провозглашает отказ от обобщений универсального типа, хотя они и опираются на известные наблюдения. Философия марксизма, полагает он, не формулирует сверхнаучных индуктивных обобщений, относящихся не к конкретным областям бытия, но к бытию вообще. Он часто повторяет слова Энгельса из "Людвига Фейербаха...", что в ведении философии остаются логика, диалектика [34, т.21, с.317].

Однако как же быть с мировоззрением, как "достроить" целостную картину мира? Каковы условия научности мировоззрения? И что значит "занять материалистическую позицию" в основном вопросе философии, если учесть запрет на универсальные обобщения? Многие из этих вопросов Корнфорт не замечает или иг-

норирует. В отношении последнего говорит, что материализм его подхода состоит в том, что он ограничивается описанием и объяснением наблюдаемых вещей проверяемыми способами и тем самым объясняет мир в рамках нашего опыта из него самого, как сказал бы Энгельс.

С этой точки зрения рассматривается и диалектический характер марксистского материализма. Диалектика принимает во внимание действительную изменчивость и взаимосвязь вещей и рассматривает все классификации, формулы, обобщения и описания как временные, как относящиеся только к каким-то конкретным фазам или состояниям, или к каким-то конкретным уровням абстракции, достигнутым при описании и объяснении. Противоположные этому подходы суть идеализм и метафизика.

Особо отмечается критическая функция диалектического материализма. Его функция в отношении конкретных естественных наук состоит не в навязывании своей методологии, а в очищении теории от неудачных философских предрассудков. В то же время, оставаясь на философских позициях, не следует делать выводы вне результатов исследований и открытий конкретных наук. Корнфорт снова вспоминает Энгельса: за философией остается независимая задача исследования мышления и его законов.

Наука о мышлении и его законах, формальная логика и диалектика имеют дело с вопросами о том, как формулировать непротиворечивые конкретные информативные утверждения. Сама же диалектика служит источником определенной информации не больше, чем математика или формальная логика [25, с.328].

Корнфорт иллюстрирует свою мысль на примере закона перехода количественных изменений в качественные, который не дает никакой определенной информации и не может быть установлен или опровергнут опытным путем, контрольными наблюдениями и экспериментами, как это бывает с эмпирическими законами.

Именно в этом смысле наука о мышлении "и его законах" независима от конкретных эмпирических наук. Но каков же онтологический статус этих законов, если они не являются инструментальными и не дают новых знаний, а также не тождественны с правилами рассуждения и счета? Остро встает вопрос: в чем различие между формальной и диалектической логикой?

На этот раз Корнфорт идет по другому пути. Он сразу же отделяет формальную логику от философии. Она не часть философии, а нечто такое, с чем философия должна считаться.

В отличие от формальной логики диалектика имеет дело с категориями, содержательными понятиями и поэтому изучает и различает способы абстрагирования и сочетания абстракций.

Итак, теперь Корнфорт усматривает специфику философского знания вообще, включая философию диалектического материализма, в том, что оно оперирует категориями. Их употребление требует не только соблюдения формальной непротиворечивости, но также и подчинения правильным способам абстрагирования и сочетания абстракций. "Диалектика включает в себя процедуры получения менее абстрактных и более обобщенных рабочих понятий о нас самих и нашем окружении путем правильного применения и сочетания различных способов абстрагирования" [25, с.342].

Диалектика учит понимать вещи в их взаимоотношениях и изменениях... Очевидно, чтобы получить конкретную картину какого-то явления, мы должны расположить доступную информацию таким образом, чтобы адекватно отразить действительные внутренние связи и движения вещей и таким образом понять отдельные свойства вещей и их преходящие состояния как результат процессов взаимодействия и изменения. В этом и состоит диалектический подход, этого и требуют его "законы" [25, с.342-343]. Здесь Корнфорт, кажется, при-

ходит к пониманию диалектики как способа изложения эмпирического материала.

Именно в этом смысле диалектика - универсальный метод мышления, и ее законы не являются эмпирическими обобщениями, более универсальными, чем самые фундаментальные эмпирические законы. Но их отличие - не степень общности, это отличие функций. Критерием отличия этих законов может служить, указывает Корнфорт, не так давно сформулированный принцип фальсификации К.Поппера. Законы диалектики, составленные из наиболее общих понятий-категорий, не являются опровержимыми, ибо тогда они были бы всего лишь эмпирическим индуктивным обобщением.

Так, закон перехода количественных изменений в качественные принадлежит не эмпирическому, а иному классу законов. Это категориальное высказывание. Корнфорт несколько раз иллюстрирует суть таких высказываний и связанных с их пониманием категориальных ошибок. Это ошибка ребенка, ожидающего увидеть пересекаемый судном экватор, или попытка увидеть дивизию, наряду с прошедшими на параде ротами и полками, входящими в ее состав.

Проверка категориальных высказываний состоит в установлении абсурдности нарушения этого высказывания. Будучи однажды сформулированными, законы диалектики демонстрируют свою необходимость, поскольку получают воплощение в естественных и общественных науках.

Но теперь следует нечто неожиданное. Корнфорт утверждает, что формулировки принципов диалектики исправляются и уточняются с развитием нашего конкретного знания о мире. Во-первых, желательно было бы увидеть, каким образом за сто пятьдесят лет уточнились данные формулировки. Во-вторых, это замечание, указывая на содержательный характер законов, переводит их в класс эмпирических обобщений. Вместе с тем,

Корнфорт продолжает настаивать, что законы диалектики являются законами мышления - способами организации информации, удерживающими мысль в границах информативности и исключают (sic!) иллюзии и вымысел [25, с.350].

Определенного ответа на вопрос, как совместить две таких трактовки, мы не находим. Но к этим проблемам Корнфорт еще не раз обратится.

Подводя некоторые итоги, отметим, что в середине 60-х гг. (книга вышла в 1965 г.) английскими марксистами поднят важный вопрос о логическом статусе принципов (законов) диалектики. Это обсуждение в известной степени вызвано важной философско-методологической новостью - принципом фальсификации К.Поппера, сформулированным в работе "Логика научного познания" (1959 г.). Корнфорт как бы разгерметизировал марксистскую философскую мысль Великобритании, она принимает вызов "буржуазного ученого", решается испытать на себе методологическую новинку.

Но тем самым ставится на обсуждение весьма болезненный вопрос - научность философии. Если мы принимаем принцип фальсификации как способ демаркации научных и ненаучных высказываний, то как совместить утверждение о научности законов диалектики с постулатом об их непроверяемости?

Корнфорт, как мы видели, намечает следующую стратегию - обоснование специфичности высказываний диалектического материализма, диалектики с целью вывести законы диалектики за пределы эмпирической сферы. Тогда они оказываются вне компетенции фальсификационизма. Вместе с тем эти законы не могут носить аналитический, априорный характер. Поэтому Корнфорт настаивает на исключительно методологическом характере принципов диалектики - они "законы мышления". Он же сочувственно цитирует Энгельса: "Природа является пробным камнем для диалектики... В природе все совершается в конечном счете диалекти-

чески" [34, т.20, с.22]. То есть принимает "эмпирическое" происхождение законов диалектики. Чем же они отличаются от эмпирических обобщений? Тем, сообщают нам, что они устанавливаются не способом наблюдений и эмпирической проверки. В равной степени они не выводятся априорно из разума.

Корнфорт оставляет нас с этой загадкой, таинственной, как непорочное зачатие. Хотя законы диалектики происходят неведомым путем, они являются универсальными истинами, то есть соответствуют процессам реального мира, совершающимся независимо от нашего знания о них. Чтобы это понять, указывает Корнфорт, надо отказаться от старой кантовской антитезы между аналитическими и синтетическими суждениями. Как увидим в дальнейшем, этот отказ порождает больше новых проблем, чем решает старых.

В конце концов Корнфорт находит специфику принципов диалектики в том, что они являются категориальными суждениями и указывают правильные пути сочетания относительно абстрактных элементов информации, для получения конкретных и информативных выводов. С точки зрения отношения к объективной реальности категориальные принципы характеризуются своей абсолютной общностью, соответствующей аристотелевскому понятию "истины для бытия как бытия".

Вряд ли это разъяснение удовлетворило английских марксистов, поскольку, когда в середине 60-х гг. на страницах "Марксизм Тудей" развернулась дискуссия, вопрос об онтологическом и логическом статусе законов диалектики снова стал предметом оживленных споров.

Инициатором дискуссии был опять-таки М.Корнфорт. В пространной статье, посвященной законам диалектики, он спрашивает, по каким причинам мы провозглашаем эти законы абсолютно универсальными законами, господствующими и в человеческом мышлении, и в объективном мире? [128, 1965, VIII, р.330].

Выясняя вопрос о статусе законов диалектики, Корнфорт в духе К.Поппера проводит различие между человеческими законами, т.е. "изданными" человеком, и законами природы, т.е. существующими объективно. К слову сказать, это различие известно еще древним грекам, которые различали *nomos* - писанный закон - и *logos* - естественный закон.

Существует, однако, еще одна группа законов, не похожих на первые две. Это законы логики и математики. Они отличаются тем, что невозможно вообразить что-нибудь происходящее не в согласии с ними.

Так, Корнфорт отличает два вида необходимости, соответствующие двум видам законов. У юридических законов вообще нет необходимости, у законов природы имеется физическая необходимость, у законов логики и математики - логическая необходимость.

Вообще, когда говорят о необходимости, то подразумевают, что ничто не может быть изменено, "обойдено". Но существует очевидная разница между тем, что не может быть изменено фактически, и тем, что не может быть изменено даже в воображении. Первый - пример природной необходимости, второй - логической, математической или формальной необходимости.

Итак, демаркация необходимой и фактуальной истины носит субъективный, а не объективный характер. И это вынужденно, поскольку Корнфорт отказался от различения аналитических и синтетических суждений. Остается неясным, вызван ли отказ от поисков онтологического основания различия истин отходом от теории отражения.

Разъяснения Корнфорта на этот счет содержат указание на то, что не следует выводить различия между типами законов из их происхождения - в одном случае из опыта, в другом - из "чистого разума". Просто одни законы формальны - и содержат необходимые правила доказательства и исчисления, а другие - содержательны

и выражают закономерности, наблюдаемые в объектах доказательства и исчисления.

Ближайшее следствие из этого – различные методы выявления и доказательства истины в данных законах.

Объективные законы в природе и обществе говорят нам, чего следует ожидать в наличных условиях. Законы природы эмпиричны, то есть выводятся из опыта. Законы логики и математики не эмпирического характера, хотя и происходят из опыта. Они не нуждаются в опытной проверке. Их функция не в том, чтобы предсказывать, чего следует ожидать, но в том, чтобы продемонстрировать способы доказательства и счета. Поэтому их проверка заключается в установлении правильности процесса математического и логического следования, доказательства. Их корректность зависит от точного соблюдения правил вывода и преобразования выражений.

Каков же статус законов диалектики в этом контексте? К какой группе законов они относятся? Не составляют ли они отдельный класс?

Несомненно, законы диалектики отличаются от законов логики и математики, поскольку последние ничего не говорят о природе мира, но просто формулируют правила рассуждения и исчисления. Напротив, законы диалектики содержат информацию о мире, а именно: что вещи изменяются, взаимосвязаны, развиваются через противоречие и т.д. Отсюда делается вывод, что данные законы формулируются содержательно, средствами естественного языка и не могут быть представлены в любой формализованной символике, так как это делается в математике или логике.

Тут сразу надо заметить, что слишком сильно выражено убеждение Корнфорта о неинформативности логики и математики. Что касается последней, то, очевидно, она информирует нас об определенном аспекте действительности, а именно о ее количественной стороне. Не случайно законы природы принимают матема-

тическую форму. Так что сходство законов диалектики и законов природы по линии информативности вряд ли можно резко противопоставлять математике. Отличие же их в том, что законы природы предсказывают то, что нам следует ожидать в тех или иных конкретных обстоятельствах, а формулировки диалектических законов не содержат никаких предупреждений.

Итак, формально мысль подчиняется логике и математике, но по содержанию мысль об изменяющемся мире должна быть диалектической.

Корнфорт признает, что законы диалектики опытного, эмпирического происхождения, как и все законы. Вся совокупность общечеловеческого опыта привела нас к законам универсального типа, к таким констатациям, как "вещи движутся, изменяются, они взаимосвязаны"; "качественные изменения основаны на количественных изменениях"; "существует единство противоположностей".

Способ установления таких законов и их проверка не совпадают с открытиями и верификацией законов природы. Последние - результат тщательно подготовленных, детализированных опытов, эмпирических исследований. Законы диалектики устанавливаются на философском уровне обобщения и имеют принципиально иную, особую верификацию, не совпадающую ни с проверками законов природы, ни с проверкой логико-математических законов.

Эту проверку Корнфорт связывает с мысленным экспериментом - идея, в схематической форме высказанная уже в книге "Марксизм и лингвистическая философия". Мы должны задать себе вопрос: мог бы этот закон оказаться неприменимым? Это и будет тестом на необходимость. Его абсолютная универсальность есть функция его необходимости - как закона мышления и как закона, объективно "работающего" в природе и человеческом обществе.

В отстаивании особой логической природы законов диалектики по сравнению с логико-математическими и эмпирическими законами, с одной стороны, и их содержательности и информативности по сравнению с формальными законами - с другой, проглядывает стремление выяснить отношение этих законов к принципу фальсификации К.Поппера. Корнфорт занимает здесь двусмысленную позицию. Диалектические принципы, будучи научными, выдерживают требование фальсификации, поскольку всегда будут корректироваться и уточняться. В этом смысле они выполняют требование Поппера и, являясь эмпирическими высказываниями высшего уровня, всегда имеют характер гипотез относительно высказываний более низкого уровня и фальсифицируются посредством фальсификации этих менее универсальных высказываний [52, с.102].

Вместе с тем, будучи законами особого рода, они как бы находятся вне пределов компетенции фальсификационизма. Законы диалектики - это законы мышления, и как таковые тестируются особым способом - при помощи мысленного эксперимента. Поэтому формулировки диалектических законов нельзя рассматривать как универсальные метафизические высказывания. В этой связи Корнфорт и подчеркивает методологический характер принципов диалектики.

Надо отметить, что статья Корнфорта вызвала почти единодушную критику. Его понимание диалектики оспаривали и видные теоретики компартии, и безвестные функционеры.

Интересная критика корнфортовского отношения к фальсификационизму была продемонстрирована участником дискуссии М.Стедманом. Он высказывает необходимость критического осмысления попперовского принципа и намечает три альтернативных пути в трактовке диалектики:

1. Ввести заведомо нефальсифицируемые обобщения в круг научных законов;

2. Посредством специфицирования условий истинности диалектических законов сделать их фальсифицируемыми;

3. Обосновать логически особый тип обобщения, представленный в законах диалектики. Последний путь избран Корнфортом.

Стедман предлагает следующее решение. Он указывает, что те предложения, которые Поппер называет метафизическими, могут быть поделены на две группы: *а*-группа: предложения, для которых нет никакой очевидности в каком-либо чувственном опыте. Например: "Весь мир есть моя мечта". Или: "Бог имманентен всем вещам". Или: "Всюду имеет место скрытая субстанция" и т.п. И *б*-группа: предложения, которые имеют подтверждающую очевидность. Примером здесь могут служить такие утверждения как: "Каждое событие имеет причину, всякое действие имеет равное противодействие". *А*-группа состоит из одних метафизических предложений. *В*-группа подразделяется на подгруппу предложений, которые могут играть законную роль в науке (например, теория флюидного электричества), и на подгруппу предложений, которые имеют значительную подтверждающую очевидность. Таков, в первую очередь, принцип причинности - универсальное существование причинных связей. Стедман подчеркивает взаимозависимость данного принципа и законов диалектики. Закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей могут быть сформулированы в терминах причины и следствия.

Спрашивается: является ли принцип причинности фальсифицируемым? Стедман положительно отвечает на этот вопрос. В квантовой механике принцип причинности неприменим. Здесь следовало бы уточнить, что в квантовой механике неприменим классический лапласовский детерминизм. Тем не менее в классическом

виде принцип причинности оказывается фальсифицированным.

Есть еще один путь избежать принципа фальсификации - объявить законы диалектики методологическими принципами.

Более решительно, чем Корнфорт, этот путь избрал включившийся в дискуссию Д.Льюис. Он, во-первых, выразил сомнение, что законы диалектики можно сформулировать сколько-нибудь точно и окончательно. Эмпирическое мышление вообще не может достичь законченности и всегда обречено быть всего лишь рабочей гипотезой. Эмпирические обобщения являются либо статической совокупностью, сосчитанной вероятностью, либо гипотезами, которые могут быть отвергнуты и потому несовершенны и незавершены. В этом смысле неважно, сколько подтверждающих примеров находит закон диалектики. Опыт не может быть исчерпан, и статистика ничего не говорит о будущем. Законы диалектики не выражают сердцевины диалектического мышления, заявляет Льюис [128, IX, N 1, p.28; см. также 117].

Далее Льюис выражает сомнение в том, что Маркс санкционировал эти законы. Если бы он написал руководство по диалектике, об этом можно было бы судить вполне определенно, а поскольку руководство не написано, то и говорить не о чем. Если уж требовалось авторитетное подтверждение, то, разумеется, надо было бы заглянуть в "Капитал". Но Льюис и сам, собственными силами пытается оспорить универсальную применимость законов. Он спрашивает: всегда ли есть борьба между противоположностями? Всегда ли количественные изменения приводят к качественным изменениям? Разве простая перестановка связи одних и тех же атомов не порождает иные молекулы? Все это побуждает Льюиса заменить термин "закон" на "максиму" и решительно перевести законы диалектики в методологический план. Новокрещенные максимы призывают быть внимательными к противоречиям в исследовании. Они напоми-

нают, что многие явления находятся в состоянии развития и изменения. Следует выявлять то, что "становится", и то, что "исчезает". Напоминают, что даже изменение структуры может привести к появлению новых, неожиданных качеств.

Итак, максимы призваны помочь научному исследованию. Само же научное исследование основывается на гипотетико-дедуктивном методе, который состоит из трех стадий: 1) накопление доступных фактов; 2) индуктивный скачок к возможному объяснению, основанная на рассуждении по аналогии и 3) проверка гипотезы, посредством *experimentum crucis* (решающее испытание - М.А.) [128, IX, N 1, p.30].

Негативное отношение участников дискуссии к трактовке Корнфортом поставленных им вопросов диалектики получило максимальное выражение в обвинении его в попытке разоружить марксистскую партию. Этот рецидив догматической неприязни к любым теоретическим разработкам идеологически решенных вопросов, так же как и почти поголовное несогласие с тезисами Корнфорта, вынудили его, заключая дискуссию, заново сформулировать и уточнить свою позицию.

Главным вопросом он объявляет вопрос тестирования, проверки утверждения или обобщения, что можно объяснить влиянием британской эмпирической традиции. Если законы диалектики следует проверять, то возникает вопрос, *как их проверять*.

Важность принципов проверки обусловлена тем, что от этого зависит принцип научности. Нельзя претендовать на научность тех или иных высказываний, суждений, теорий, не обсудив и не признав возможности их опровержения, способы их проверки.

Все-таки надо признать, что приписывание законам диалектики особого логического статуса и одновременно содержательного характера так и не получило удовлетворительного обоснования. Впоследствии Корнфорт более

решительно будет подчеркивать исключительно методологический характер данных законов.

Важный момент, заключающий дискуссию - ответ на критику М.Стедмана. Вопрос, поднятый Стедманом, как уже говорилось, сводится к утверждению принципа причинности как категориального принципа. Причем, Стедман допустил, что принцип может быть фальсифицирован, как и, например, закон сохранения и превращения энергии, который он также называет категориальным принципом.

Казалось бы, вот подходящий случай прояснить, что понимается под категориальным принципом, законом и т.п., что было бы вполне естественно для ученика Витгенштейна и Мура. Но Корнфорт предпочитает весьма небрежное, безразличное употребление этих понятий [46, ч.1, с.75].

Возможно, он полагает, что эти разъяснения даны уже в книге "Марксизм и лингвистическая философия", но в таком случае следовало бы отослать читателя к этой работе.

Отвечая Стедману, Корнфорт уточняет условия необходимости категориального принципа. Принцип необходим, если он правильно отражает объективную реальность, будучи законом мышления. Но тогда он не может быть фальсифицирован. В случае фальсификации мы имеем некорректную формулировку. Корнфорт указывает, что если принцип принадлежит к классу эмпирических законов, то ничего не будет сверхъестественного в том, что он в один прекрасный день не подтвердится.

Таким образом, приходится признать, что принцип причинности - не категориальный принцип, либо что некоторые категориальные принципы фальсифицируемы. Но это невозможно по определению. Ясно также то, что отрицание принципа причинности не приводит к абсурду, по мнению Корнфорта, и здесь его смелость превосходит смелость Юма, который не решался на та-

кое утверждение: в письме к Д.Стюарту он замечает: "Позвольте сказать Вам, что я никогда не утверждал столь нелепого положения, а именно, что *какая-либо вещь может возникнуть без причины*" [66, т.2, с.855].

Все-таки приходится уточнить специфику категориального принципа. Ведь очевидно, что нефальсифицируемость таких метафизических высказываний, как "весь мир мечта воображения", не делает их категориальными принципами.

Стедманом было предложено два пути интерпретации категориального принципа: 1. Принцип обеспечивает правила корректного рассуждения, то есть является методом, к которому не приложимы критерии истинного-ложного и 2. Категориальные принципы описывают природу, как и другие научные законы. В этом случае, как и другие эмпирические обобщения, они должны фальсифицироваться. Корнфорт же пытается занять какую-то срединную позицию.

В книге "Открытая философия и открытое общество" (1968), посвященной непосредственно критике Поппера, Корнфорт возвращается к данному вопросу и продолжает его обсуждение в специальной главе: "Проверка диалектического материализма".

Там он заявляет: назначение принципов материализма и материалистической диалектики состоит в том, чтобы служить нам в качестве наиболее общих руководящих принципов для понимания жизненных проблем - постижения фактов в их собственной, а не какой-то фантастической связи, осуществление конкретного анализа конкретных условий, именно так, как необходимо, чтобы найти решение жизненных проблем [26, с.153].

Доверие к этим принципам, которые все-таки являются методологическими, не превращает нас в догматиков. Марксисты не считают эти принципы окончательно сформулированными. Эти принципы - великие открытия человечества, проверенные и до сих пор про-

веряемые в самых суровых испытаниях. Более того. Марксизм первый выступает за проверку, тестирование своих положений, за их уточнение и корректировку. Но является ли это своего рода фальсификацией? Определенного ответа нет.

Согласно методу фальсификации Поппера, утверждения, которые не могут быть эмпирически опровергнуты, ненаучны. Но это правило не работает в математике. Речь, впрочем, идет о философии. Корнфорт задает вопрос: существует ли в настоящее время какая-либо философская теория, которая могла бы выдержать проверку попперовским критерием?

Философия марксизма зиждется на принципах, эмпирически неопровержимых. Не является ли она в таком случае метафизикой, чем-то средним, по выражению Рассела, между теологией и наукой?

Обосновывая свой тезис, Корнфорт идет по пути, уже намеченному ранее. Он утверждает особый логический статус философских высказываний диалектического материализма. Специфика этого типа суждений выражается термином "категория", связанным со способом абстрагирования. Различные способы абстрагирования - основа различия категорий.

Важное значение приобретает правильное понимание категориальных утверждений. Они сформулированы с такой высокой степенью обобщения, что касаются исключительно связей категорий, а не фактов, соответствующих этим категориям. Тут следовало бы разъяснить, что разумеется под "фактами". Есть большое сомнение, что данный термин уместен в анализе категорий.

Общие принципы диалектического материализма как раз и принадлежат к категориальным утверждениям.

Теперь Корнфорт может определенно отграничить способы подтверждения универсальных суждений от утверждений частных эмпирических наук. Ведь мы не можем обеспечить перечисление всех возможных случаев

подтверждения универсальных суждений. Отрицательные примеры сочли бы просто не относящимися к делу. Истинность категориальных суждений зависит от их необходимости для получения истинной информации, - возвращается Корнфорт к своей излюбленной идее. В научной философии, подчеркивает Корнфорт, абстрагируемые категории используются для получения информации о мире, то есть они должны быть содержательны.

Вторым шагом будет установление в ходе конкретного анализа способа перехода от одного ряда категорий к другому, форм их связи. Принципы образуют определенную систему.

В-третьих, указывает Корнфорт, мы должны убедиться, что каждый вывод действительно абстрагирован из подлинных методов и достижений научного познания и представляет собой необходимый принцип этих методов в том смысле, что они не могут приводиться в жизнь по крайней мере без подразумеваемого принятия его. Именно так мы проверяем наши заключения [26, с.165].

Ближайшим результатом такого инструменталистского подхода будет утверждение неопределенности корпуса законов диалектики: ошибкой было бы утверждать, что существует точно три, четыре или любое другое число "законов". Не следует рассчитывать, что когда-либо будет разработана исчерпывающая система категориальных утверждений [26, с.166-167].

Удивительно в этой связи, что Корнфорт сочувственно цитирует слова Энгельса о том, что природа есть пробный камень диалектики. Ведь отождествление законов мышления и законов природы имеет идеалистический (философия тождества) и материалистический (теория отражения) варианты. Первый - Корнфорт отвергает, о втором предпочитает молчать. Вместо этого со своей стороны он заявляет, что сознание нельзя представлять натуралистически, как нечто данное, заранее

противопоставленное природе, бытию. Но как объяснить то соответствие, в котором находятся в научном знании мышление и бытие? Казалось бы, тут придется вспомнить теорию отражения. Но нет. Корнфорт предпочитает говорить о том, что продукты человеческого мозга являются в конечном счете продуктами природы и ссылается при этом на выражение Маркса в "Послесловии" ко второму изданию I тома "Капитала".

Тенденции, наметившиеся в дискуссии и в последующих произведениях английского философа-марксиста, получили законченное выражение в посмертно изданной книге "Коммунизм и философия". Но к моменту ее выхода в свет в 1980 г. взгляды Корнфорта уже не были новостью. Заслугой Корнфорта, тем не менее, остается его стремление ввести в орбиту научно-теоретических дискуссий кардинальные вопросы марксистской философии с учетом новейшего философского развития. Эти обсуждения обеспечивали какой-то диалог марксистов и представителей современной философской мысли, что позволило отойти от невосприимчивой к новым веяньям модели "диамата".

3. Демонополизация марксизма

Новая ситуация в мировом коммунистическом движении, обобщенная на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г., ослабление монополии КПСС на истинное толкование философии марксизма создавали возможности разработок "нетривиальных" или неортодоксальных марксистских философских теорий, хотя инерция идеологического единства была еще велика и по существу "новации" группы "Праксис", Л.Альтюссера и др. не были "узаконены". Показательно, что их работы никогда не переводились в Советском Союзе, что еще объяснимо в

отношении Г.Петровича и единомышленников, но никак - в отношении Л.Альтюссера.

Попытки неортодоксально прочесть существенные темы марксистской традиции, свойственные Д.Льюису, теоретику, выдвинувшемуся чуть позже М.Корнфорта, были более решительны и смелы, чем у Корнфорта, хотя следует признать, не отличались особой оригинальностью [см.117].

Так, Льюис настойчиво повторяет, что Маркс не касался и не признавал никакой диалектики природы. Начиная с "Экономическо-философских рукописей 1844 г." и впоследствии в "Капитале", Маркс стоит на той точке зрения, что все наше знание природы опосредовано через человеческий опыт, человеческие ценности и цели. Мы не должны и не можем говорить, что природа-в-себе изменяется диалектически в согласии с некоторыми законами движения.

Льюис убежден, что все, что ни говорится о диалектике у Маркса, применимо только к социальной сфере. "Маркс преобразовал диалектику Гегеля в материалистическую, но, как и Гегель, ограничил ее место действия сферами общества и сознания". Естественно спросить, в чем же заключается переворачивание диалектики?

Ответ таков. Маркс принял ключевую диалектическую гегелевскую позицию - теорию формирования человека в результате трудовой деятельности, но движущую силу этого развития он видел не в разворачивании Абсолютной идеи, а в материальном производственном процессе. Тем самым Маркс отверг мистическое объяснение непрерывной трансформации, возникающей из противоположностей и противоречий, и перевел развивающуюся реальность в термины экономического и социального развития общества. "Переворачивание" диалектики означает только это. Но, предупреждает Льюис, не следует истолковывать данное положение как подстановку метафизического принципа саморазвития

под природу и историю. Ошибка Гегеля заключалась именно в том, что он подставлял абстрактный принцип под "живую историю". Также тщетны попытки Энгельса усмотреть диалектические принципы в природе. Любая всеобъемлющая метафизика, охватывающая всю органическую и неорганическую природу и все феномены человеческой истории, выведенная логическим путем, невозможна и бесполезна⁶. Льюис не задается вопросом: логическим ли путем выведена эта "метафизика" и не ограничена ли она горизонтом общечеловеческого опыта? Впрочем, экстраполяцию ограниченных обобщений познавательного опыта на бесконечный универсум в марксистской литературе можно встретить...

К такой же позиции, после долгих лет недомолвок и двусмысленных заявлений, приходит и Корнфорт в книге "Коммунизм и философия". В ее 4 главе "Диалектический и исторический материализм" указывается, что диалектический материализм расширился до пределов доктрины об универсуме и месте человека в нем. Тем самым марксистская философия перестала быть научной и стала метафизикой, превратившись в сборник откровений о сущностной природе вещей, освященный принадлежностью к коммунистическому движению. Философские утверждения призваны оправдать программу социальной реконструкции и "все деяния коммунистов", направленные на ее осуществление. Любое оспаривание этих положений всегда пресекается [86, p.48].

Как расценить такое понимание диалектического материализма, сведение мировоззренческой функции к апологетической? В отношении безапелляционного тона "диамата", учебников, написанных в его духе, это, пожалуй, и справедливо, но можно ли в конце 70-х гг. утверждать, что марксисты претендовали на открытие окон-

---

⁶Судя по этим словам, Льюис "грех" мировой схематики приписывает самому Энгельсу.

чательной природы реальности, что позволяет дедуцировать должные окончательные ответы на вопросы о зависимости одного типа вещей от другого и особенно ответы на вопросы о зависимости духа от материи или материи от духа?

Хочется верить, что автор "Коммунизма и философии", запрещая любые экстраполяции, все-таки различает между философскими и конкретно научными экстраполяциями, между реальными и абстрактными возможностями.

Остается пожалеть, что, критикуя Энгельса за создание "современной версии метафизического материализма", исключая законы природы диалектики из природной сферы, Корнфорт не упоминает ни взгляды Лукача или группы "Праксис", ни их оппонента Д.Хофмана, книга которого "Марксизм и теория праксиса" увидела свет в Лондоне в 1975 г. и претендовала на обобщение споров о диалектике в англоязычной литературе с позиций ортодоксального марксизма.

Корнфорт не принял участия и в повторной дискуссии о диалектике природы, прошедшей на страницах "Марксизм Тудей" в 1977-1978 гг. и начатой статьей того же Джона Хофмана "Диалектика природы. Естественно-исторические основы нашего мировоззрения".

Повторная дискуссия о диалектике была посвящена исключительно проблеме диалектики природы. Во многом она была спровоцирована переводной книгой Шмидта "Концепция природы у Маркса" (Schmidt A. The Concept of Nature in Marx Newlett. 1971.). Дискуссию открыл Д.Хофман статьей в "Марксизм Тудей" №1 за 1977 г. Уже с февраля начинается обсуждение статьи. Среди участников дискуссии мы встречаем "старых" знакомых, участвовавших еще в дискуссии середины 60-х гг. Но отсутствуют некоторые видные марксисты, в частности, М.Корнфорт.

Главные идеи и аргументы Хофмана в защиту диалектики природы были им высказаны в книге 1975 г.

"Марксизм и теория праксиса". Основным оппонентом Хоффмана стал Ричард Ганн из эдинбургского университета. Его аргументация напоминает истменовскую: концепция диалектичности природы анимистична и антропоморфна, так как рассматривает природные процессы исключительно в человеческих терминах, а это несовместимо с материализмом.

Попутно Ганн атакует теорию отражения, которая наличествует у Энгельса в терминах субъективной и объективной диалектики (субъективная диалектика является отражением объективной диалектики). Но могут ли отрицание и противоречие объективно существовать в природных процессах? Такая концепция, по мнению Ганна, совпадающая с концепцией итальянского марксолога Коллетти, неотделима от гегелевского идеализма. Идеализм заключается в том, что в этом случае мы приписываем природным процессам человеческие цели и намерения. Итак, говорить о диалектике природы - это впасть в пантеизм и анимизм худшего сорта.

Следующий ход Ганна - различение позиций Маркса и Энгельса по данному вопросу. Здесь Ганну не удалось сказать чего-либо нового. В заключение автор принимает точку зрения Шмидта о том, что диалектичным может быть только процесс познания, а не сама природа. Позитивно говоря, надо исходить не из спекуляций Энгельса, а из методологической функции диалектики, развитой Марксом.

Надо заметить, целиком точку зрения Ганна никто не поддержал. Была представлена типичная точка зрения, когда диалектика признавалась, но без теории отражения. Этот взгляд восходит к С.Хуку, который подчеркивал несоответствие, имеющееся, по его наблюдению, у Ленина, а именно - между его активизмом и локковской пассивистской гносеологией с ее разделением на объект и субъект. Ни Хук до войны, ни послевоенные авторы не пытались разобраться, что означает третий гносеологический вывод Ленина в его главном фило-

софском труде, содержащем требование подходить к вопросам познания диалектически. Как и участник дискуссии Стив Райнер. Он указывает, что рефлексиионизм (теория отражения) не обеспечивает единство теории и практики, игнорируя социологический подход, который только и позволяет понять как из "метафизического человека рождается диалектический".

Райнер отводит "долговечное" обвинение в антропоморфном приписывании природе формальных противоречий, указывая, что Энгельс никогда не отождествлял их с диалектическими (содержательными) противоречиями. Это всего лишь попперовский трюк, считает он. Проблему диалектики природы следует не отвергать с порога, а разрабатывать, не сводя ее к сумме примеров.

Один из участников дискуссии, вспоминая высказывания покойного Э.Бернса, подчеркнул важность диалектики в научном познании, но напомнил, что с помощью одной диалектики нельзя найти или открыть ничего нового.

Существенный момент спора оттенил Гордон Грей, "ветеран" дискуссий на страницах "Марксизм Тудей". Он рассмотрел вопрос о природе и телеологии. Природа не необходимо диалектична, но диалектика наиболее эффективный способ ее восприятия. Исходя из этого постулата, Грей соотносит диалектическую концепцию природы с космической и биологической эволюцией и подчеркивает, что принципиально невозможно искоренить и избавиться от анимизма и антропоморфизма полностью. В этом стерильность ганновских выкладок. Опираясь на Джордана, Ганн попадает в категориальную ловушку, утверждая, что созерцание и направленность свойственна одному человечеству, вместо того, чтобы рассмотреть эти свойства как продукты эволюционных процессов из рудиментарных форм.

Также несостоятельна попытка Ганна критиковать монизм Энгельса. Концептуальная рефлексия и реальность, которую она отражает, неотделимы. Рефлексия

существует в мозгу, в компьютере, но всегда является частью объективной реальности. Образ всегда зависим от первичной реальности, хотя и может ее изменить. Вот почему Грей считает, что Ганн выплескивает вместе с водой и ребенка, утверждая, что диалектика природы несовместима с материализмом. Он не прав, даже если из этого союза следует телеологическое понимание природы. Вопрос: какого рода эта телеология? Если она согласна с материалистической теорией эволюции, то материалист не может ее отвергнуть.

Вялое течение дискуссии показало, что рассмотрение подобных фундаментальных проблем требует фундаментального, а не оперативного подхода. Силами одних функционеров вести обсуждение проблемы, видимо, было нельзя.

4. Открытый марксизм? На переломе. (Вместо заключения.)

С конца 50-х гг. начинают набирать силы и приобретать известность и влияние внепартийные марксистские издания. Среди них выделялся "New Left Review", орган "Новых левых"⁷.

Во второй половине 60-х гг. "независимый" (назовем его так) марксизм укореняется в университетском образовании и становится постоянно действующим формообразующим фактором британской культуры. Начинается академическое, систематическое изучение наследия классиков марксизма. При этом университетские исследования не то чтобы противопоставляли свой "незаинтересованный" подход "официальному" пар-

---

⁷Маклеллан в книге "Марксизм после Маркса" связывает рост влияния марксистских идей в университетах с основанием журнала "New Left Review", ставшим "за последние 20 лет главным журналом левых интеллектуалов в Британии"[124, p.307].

тийному марксизму, а попросту игнорировали его, крайне редко замечая и вступая в полемику с местными марксистами-коммунистами. Куда чаще объектом их критики становился ортодоксальный "диамат", как официальная доктрина Советского Союза.

В середине 70-х гг. в самой академической среде появляются группы марксистов, проявляющие известную лояльность в отношении таких компонентов официальной доктрины как материализм, диалектика, теория отражения. По крайней мере их начинают методически изучать. Показательны в этом отношении журнал "Радикальная философия" - журнал академических диссидентов, по выражению А.Каллиникоса [см.110], посвятивший целый номер вопросам диалектики, и два солидных выпуска "Вопросов марксистской философии" - 1-й "Диалектика и метод", 2-й - "Материализм" [см.106].

Авторы сборника обнаруживают широкое знакомство с источниками и соответственно более содержательно и детально трактуют вопросы диалектической теории.

Это замечено уже в трактовке старой проблемы Гегель-Маркс. Успешно преодолеваются в сборнике одно-сторонние подходы к теме, когда или утверждают, что Маркс почти ничего не добавил теоретически интересного к тому, что Гегель уже высказал, особенно в пассажах о материализме в "Феноменологии Духа", либо же считают, что Маркс полностью порвал с гегельянством и гегелевским модусом мышления.

Особенно интересно трактуются методологические отличия диалектики Гегеля и Маркса, при этом отстаивается тезис о том, что метод Маркса не сводим ни к любой форме гегельянства, ни к эмпиризму. Например, в статье "Диалектическое противоречие и необходимость" С.Мейкла подчеркивается, что Маркс не считал диалектику высшей формой логики, заменяющей формальную логику или стоящей над ней.

Понимание диалектики сформулировано Марксом в письме к Энгельсу от 1 февраля 1858 г., где он высказывается о намерении Лассаля изложить политическую экономию по-гегелевски. "Но тут он, к своему огорчению, увидит, - пишет Маркс, - что одно дело - путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело - применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе" [34, т.29, с.224].

Отсюда возникает вопрос, не является ли диалектика методом экспозиции научных результатов и только? Автор статьи "Марксизм и диалектика" Д.Рубен решительно отвергает такое предположение. Он полагает, что в диалектической терминологии нет ничего нередуцируемого и все, что было выражено на диалектическом "жаргоне", может быть сказано другими словами. Подобную мысль уже высказывала Р.Купер в работе 1925 г. [см.88].

Наука, по Марксу, имеет дело с необходимо развивающимися тенденциями в вещах. Тем самым наука сама становится диалектической, не нуждаясь во внешних диалектических аппликациях, как у Гегеля. В самом деле, то что для Гегеля было контрастом между недиалектической наукой и диалектической философией, становится для Маркса различием между недиалектической идеологией или апологетикой, которая "увекочивает" вещи, отрывая их от движения и диалектической наукой [см.106, Vol.I, p.80].

По Марксу, делает тонкое замечание автор, это один из признаков идеологии, функцию которой Гегель приписывает науке.

Познание объекта распадается на две стадии. На первой идет конкретное освоение, систематизация и осмысление эмпирических данных. Наконец, материал "созревает" до того состояния, когда он может быть представлен диалектически. Его внутренняя связь

"выкручивается" в мысль, понятийный аналог адекватно отражает генезис форм [106, Vol.I, p.29].

Отсюда делается вывод, формально схожий с тем, что еще до войны сделал С.Хук. Любая область реальности, которую изучает исследователь, будучи системой или "историческим организмом", требует диалектической экспозиции особого рода и особой формы. В этом ключе следует подходить к обсуждению вопроса о диалектике природы. Вместе с тем данный подход приводит к необходимости отказа от универсальной диалектической системы: сквозной терминологии. Диалектическая презентация научных результатов всегда конкретна и отражает специфику объекта, его конкретную целостность и противоречивое движение.

Но что значит "конкретное, конкретность"? В экономических рукописях 1857-1861 гг. Маркса есть следующее примечательное рассуждение, вызвавшее значительную литературу. "Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно потому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактное определение, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления.

Гегель потому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное" [35, ч.I, с.38].

Комментируя это чрезвычайно богатое мыслями место, Мейкл замечает, что конкретное упоминается здесь в двух различных смыслах. Первый раз оно упо-

требуется для обозначения *результата* научного исследования, и в марксистской литературе часто именно этот момент представляется как решающее методологическое отличие от эмпиризма, который рассматривает конкретное как исходное "сырье" науки.

Второе значение конкретного часто игнорируют, хотя оно имеет фундаментальную важность. Абстракции и категории не возникают из ничего. Они конструируются в процессе апробации конкретных эмпирических данных исследования, из критической оценки обыденных представлений и предварительных абстракций. Это движение от конкретного к абстрактному показывает, что марксов метод нельзя рассматривать как простое переворачивание эмпирической методологии, восходящей от конкретного к абстрактному.

В этой связи Дж.Мефам различает между спекулятивным или философским и научным или диалектическим методом и подчеркивает, что создание "Капитала" было невозможно без преодоления гегелевского спекулятивного метода.

К тому же выводу приходит и Рубен, анализируя книгу Р.Раздольского "Создание "Капитала" Маркса" (Лондон, 1977). Вопреки ее автору, Рубен полагает, что многие страницы "Капитала" подтверждают, что его нельзя было создать, не отказавшись от методов Гегеля, не преодолев его методологии.

Более обстоятельно и многопланово обсуждался вопрос о диалектическом противоречии, причем достигнут определенно новый уровень понимания проблемы.

Еще на страницах журнала "Радикальная философия" Рой Еджли подчеркивал, что идея противоречия центральна в диалектике, так же как и в аналитической философии, причем указывал, что обе стороны смотрят друг на друга с полным непониманием. Еджли отводит аргумент Поппера о несуществовании противоречия в реальности, поскольку мысль есть часть реальности, последняя, очевидно, имеет противоречия. Логические и

диалектические противоречия отличаются тем, что логические - атемпоральны, диалектические же противоречия - темпоральны и опираются на генетические и причинные объяснения исторических изменений и процессов.

Наиболее фундаментально проблема противоречия обсуждается в статье Мильтона Фиска "Диалектика и Онтология".

Противопоставляя атомистической онтологии аналитиков с ее элементарными общностями диалектическую - онтологию сложности, неисчерпаемости, исходящую из установки об изначальной сложности вещей, он получает ответ на вопрос, почему тезис о противоречивости сущего представляется аналитикам абсурдным.

М.Фиск следующим образом определяет три главных положения диалектической онтологии: 1. Тезис о сложности. Предмет (вещь) сложен; 2. Тезис о противоречии: внутренние противоречия - источник изменения. Противоречие разрешается только в изменении. Без этого вещи были бы самотождественны и таким образом не имели бы возможности изменяться; 3. Сущность противоречива. По меньшей мере одно противоречие имеет место в сущности каждой отдельной вещи.

Фиск считает, что эти три принципа более фундаментальны, чем известные законы диалектики, поскольку носят более обобщенный и глубинный характер [106, Vol.I, p.120].

Начавшееся серьезное изучение марксистских источников в форме новых переводов, анализа, тщательного комментирования, а также оригинальных исследований получило выражение в расширении издания специальных справочников, словарей, сборников статей, монографий, где зафиксирован новый уровень марксологии.

Среди этих изданий можно выделить словарь марксистской философии, изданный в 1983 г. Большинство статей написано преподавателями английских универ-

ситетов. Словарь подводит определенные итоги изучения марксистской философии в англоязычных странах и не только в них. В полной мере это относится к обширной статье о диалектике, написанной Роем Бхаскаром из Лондонского университета. Воздавая должное традиции, он сразу же отмечает, что вопрос о диалектике является самым спорным в марксизме. Его запутанность обусловлена двумя проблемами: первая - в чем сущность идейной зависимости Маркса от Гегеля, и вторая - в каком смысле марксизм является наукой. Последнюю формулировку можно было бы детализировать: в каком смысле марксистская диалектика научна. Общее представление о диалектике в марксистской традиции сводится, по мнению Бхаскара, к ее пониманию как научного, эпистемологического метода; как ряда законов или принципов - онтологическая диалектика; как диалектика истории, реляционной диалектики.

Отвергая многочисленные версии противопоставления Маркса Энгельсу, автор статьи о диалектике прямо заявляет, что парадигмы этих трех модусов диалектики находятся в методологических комментариях "Капитала" (и переписке Маркса, добавим к этому), натурфилософии "Анти-Дюринга" и безгегелевском гегельянстве раннего Лукача.

По первому вопросу об отношении Маркса к гегелевской диалектике Бхаскар выделяет две интерпретации диалектики Гегеля - (а) как логического процесса и (б) как движущей силы, "мотора" процесса.

Первый подход видит в диалектической логике синтез элеатической и ионийской традиций, продуктом которого является гегелевский абсолют - логический процесс, в котором диалектика актуализирует себя, отчуждая себя и восстанавливая свое единство через самопознание отчуждения [116, p.122].

Второе понимание гегелевской диалектики более узко и "технично". Оно сводится к схватыванию проти-

воположностей в их единстве или усмотрению позитивного в негативном.

Естественно, Марксу ближе второе понимание, хотя его версия диалектики несравненно сложнее. Вообще, метко замечает Бхаскар, знаменитые марксовы метафоры о "переворачивании" и "зерне" диалектики породили почти теологические спекуляции. Между тем вопрос можно рассмотреть рационально.

Плодотворным представляется попытка Бхаскара рассмотреть эволюцию отношения Маркса к Гегелю. Наиболее важными фазами он считает: 1) блестящий анализ мистифицированной логики в "Критике гегелевской "Философии права"", резюмированной в "Экономическо-философских рукописях 1844 г."; 2) "Святое семейство", "Немецкая идеология" и "Нищета философии", где критика Гегеля выступает в форме полемики со спекулятивной философией как таковой; 3) период создания экономических рукописей 1859-1861 гг. Здесь происходит определенная позитивная переоценка гегелевской диалектики.

Представляется, что в этот период принципиально важные соображения о диалектике вообще и о гегелевской в частности, высказаны в переписке Маркса с Лассалем и Энгельсом по поводу книги Лассаля "Гераклит Темный из Эфеса".

Зафиксированный в это время подход и отношение Маркса к Гегелю представляются автору статьи окончательными. Маркс по-прежнему критически относится к гегелевской диалектике, но продолжает "работать" с ней. Бхаскар подкрепляет это свое наблюдение ссылкой на письмо Маркса к Л.Кутельману от 27.VI.1870 [36, с.189], где Маркс говорит о критическом способе применения гегелевского метода, т.е. диалектики. Там же Маркс проясняет, что применение диалектического метода создает возможность "свободного движения в материале".

В итоге задолженность Маркса Гегелю признается фактом, как и постоянная, на протяжении 40 лет, критика его идеализма.

Одно из важнейших направлений критики Маркса трехходовая инверсия субъекта и предиката у Гегеля. Бхаскар не может решить, утверждает ли Маркс противоположную позицию или же трансформирует проблемно гегелевскую. Скорее всего - последнее. Для Маркса гегелевский бесконечный Дух есть иллюзорная, отчужденная проекция конечных существ. Гегелевская редукция к знанию рассматривается Марксом как эпистемологическая ошибка, а сведение науки к философии как спекулятивная иллюзия.

Что касается Марксова принципа тождества (бытия и мысли в мысли), то оно двойственно. В ее экзотерическом варианте, идя по линии Фейербаха, Маркс показывает как эмпирический мир вычленяет, как следствие, гегелевское гипостазирование мысли. Но в его эзотерической критике Маркс признает, что эмпирический мир имеет свое тайное условие. То есть занимает позицию эссенциализма. Здесь имеется в виду известное высказывание Маркса о несовпадении сущности и явления. Отсутствие дистанции между ними сделало бы науку излишней.

Письмо Маркса к Л.Кугельману от 6.III.1868 г. [36, с.145] указывало, что его метод исследования не тот, что у Гегеля, "ибо я - материалист, а Гегель - идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь после освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз отличает от нее мой метод". Следует обратить внимание на то, что письмо повторяет ту же мысль, что в "Послесловии ко второму изданию I тома "Капитала", написанном в январе 1874 г.

Анализ Маркса вскрывает апологетическую и консервативную сущность философии Гегеля. Сам замысел гегелевской "Логики" противоречит его действительному осуществлению. Диалектические характеристики оказы-

ваются мотивированными недиалектически, они предстают неререфлексивными и грубо эмпиричными. Далее, критика философии тождества предполагает критику логической мистификации и самопорождение понятий. Ее прямым результатом является утверждение, что диалектика не может специфицировать единичный феномен, но только различные ансамбли и положения.

Все это дает ответ на вопрос, в каком смысле диалектика для Маркса научна. Не признавая "ничего святого", все подвергая сомнению, она научна потому, что органически против всякой апологетики; в собственно марксовом понимании диалектика в первую очередь несет эпистемологическую функцию, Маркс часто употребляет термин "диалектика" как синоним научного метода.

Диалектика - наука потому, что объясняет противоречия в мысли и кризисы в социально-экономической жизни в терминах противоречивых существенных отношений, которые порождают их (онтологическая диалектика). Диалектика тем самым укоренена в истории. Из позитивных теорий марксистской диалектики Бхаскар выделяет следующие: 1) диалектика как концепция мира - Энгельс, диалектический материализм (Мао Цзе-дун); 2) диалектика как теория разума (Делла Вольпе, Адорно); 3) как существенно субъект-объектное отношение (Лукач, Маркузе).

Следуя различению, проводимому Марксом между эмпирически контролируемым способом исследования и его квазидедуктивным методом экспозиции, можно различать критическую и системную диалектику.

Марксова критическая диалектика может быть лучше всего рассмотрена как эмпирически открытая - конечная, материально и исторически обусловленная диалектическая феноменология.

Системная же диалектика, представленная в I главе "Капитала", получает окончательное выражение в "Теориях прибавочной стоимости". Тут возникает сак-

раментальный вопрос: зависит ли критическая и систематическая диалектика Маркса от гегелевской концепции реальности?

Онтология Гегеля характеризуется, по Бхаскару, тремя моментами: а) реализованным идеализмом, б) спиритуальным монизмом, в) имманентной телеологией.

Первое условие Маркс безусловно отвергает, понимая материю и бытие как нередуцируемые понятия. Что касается второго момента, то Альтюссер и, как мы видели, М.Фиск показали, что Маркс исходит из предпосылки дифференцированности и комплексности сущности. В отношении третьей посылки Маркс опирается не на концептуальную, логическую зависимость или необходимость, а на причинную обусловленность, хотя вопрос о понимании нацеленности общественного прогресса заслуживал бы особого обсуждения.

Таким образом, Марксова онтология отличается от гегелевского идеализма, также как и от атомистического эмпиризма, который атаковал Энгельс в поздних работах, а, по С.Хуку, (см. гл.2, 2) Маркс отвергал в ранний период.

В марксистской традиции Бхаскар выделяет три наиболее распространенные точки зрения на диалектику: 1) бернштейновский негативизм - диалектика понимается как ненужный балласт, пережиток гегельянства; 2) энгельсовский тезис об универсальной природе диалектики; 3) ограниченная применимость диалектики концептуальной или социальной сферой (Лукач).

В отношении энгельсовских универсальных трех законов диалектики Бхаскар высказывает некоторое недоумение - неясно, говорит он, считал ли Энгельс их априорными истинами - сверхэмпирическими генерализациями - или же они просто конвенциональны, та же двойственность проявлена и Корнфортом при обсуждении статуса законов диалектики (см.гл.3, 2).

Многие критики само понятие диалектики природы считают антропоморфным и потому идеалистическим. Они позволяют быть диалектичными естественным наукам, как фрагменту социоисторического мира культуры, но не природе. Так проблема диалектики природы становится ответвлением проблемы натурализма.

С другой стороны, защитники Энгельса, такие как Д.Рубен, доказывают, что эпистемологическое вмешательство человека в природу и историю, само возникновение человека из природы, вынуждает обратиться к шеллинговскому тождеству, чтобы "спасти" интеллибельность транскатегориальных связей. Но и тогда диалектическое отношение между человеком и природой принимает гегелевский аспект асимметрии внутреннего отношения. Так, социальные формы предполагают природные формы, а не наоборот. Любая эпистемологическая и онтологическая тождественность возможна только в рамках преодоленной материальной нетождественности. Однако, преобразование принципа тождества в теорию отражения приводит, по Бхаскару, к абсолютизации и догматизму.

Этот беглый обзор некоторых дискуссий и материалов, посвященных вопросам диалектики в конце 70-х - начале 80-х гг., показывает, что изучение марксистской философии, ее понимание вышли на определенно новый этап, который заслуживает особого исследования и изучения, поскольку знаменует превращение марксизма из партийной идеологии, с подчиненной ей квазитеоретическим развитием, в реальный исследовательский объект науки и культуры, достойный независимых академических штудий.

Итак, если уж говорить о поражении марксистской теории на британских островах, то только в отношении догматического "партийного" марксизма, претендующего на монопольную истину. Превращение в respectable академическую дисциплину, от коей с неодобрением отвернулись бы приверженцы революцион-

ного "всепобеждающего" марксизма, тем не менее демонстрирует реальный путь "выживания" доктрины, что особенно актуально в последние годы кризиса или даже агонии марксизма.

Проблема распространения марксистской философии на британских островах, ее контакты с местной философской традицией и тот факт, что ортодоксальный марксизм (также и его вырожденная форма "диамат") никак не приживался в академических кругах, и то обстоятельство, что никакой другой, "беспартийный" марксизм в Англии долгое время не появлялся⁸, стали в середине 60-х гг. предметом рефлексии.

В солидном академическом сборнике "Британская аналитическая философия" (1966) опубликована статья Ч.Тэйлора "Марксизм и эмпиризм", где эти вопросы ставятся со всей определенностью. Более широкий культурологический подход продемонстрирован в работах Р.Блекборна и П.Андерсена чуть позже.

Появление этих статей, самый тон их свидетельствовал, что бывшая негативная трактовка марксистской философии как "диамата", все основное содержание которого зафиксировано в "Кратком курсе истории ВКП(б)", представленная, например, в работе Д.Пламенатца "Немецкий марксизм и русский коммунизм" (1954) [см.138] с полным отрицанием каких бы то ни было философских взглядов Маркса⁹, отошла в прошлое.

Тэйлор ставит вопрос ребром: почему марксизм и марксистская традиция имели и имеют такое малое воздействие на британскую философию? Речь идет не только о соединении марксизма с рабочим движением в

---

⁸Издатели и авторы "Общего введения" к сб. "Проблемы марксистской философии" отмечают в 1979 г., что английские исследователи последнего десятилетия ассимилируют континентальные философские интерпретации марксизма.

⁹Его место, считает автор, скорее среди Харрингтона, Монтескье, Руссо, Э.Берка, А.Смита, Сен-Симона, Токвилля, Дюркгейма.

его интеллектуальном измерении, а о том, что марксизм не вызвал сколько-нибудь заметных реакций в британской культуре.

Был, правда, период в 30-е гг., признает Тэйлор, когда под влиянием глубокого экономического кризиса, фашизма и угрозы войны лейбористское движение, казалось, сблизилось с марксизмом и выдвинуло своих последователей Маркса, вроде Г.Ласки¹⁰.

Академические круги в целом, однако, продолжали сохранять настороженное отношение к философии марксизма, поскольку подозревали в ней политическую подоплеку. Как отмечают некоторые современные исследователи, неукорененность в учебных институтах видных марксистов тридцатых, сороковых годов не позволило в свое время создать марксистскую философскую школу в Англии и тем самым лишило влияния выдающихся марксистов преемственности [см.147].

Итак, в чем же причина трудностей натурализации марксистской философской мысли на британской почве и в британской республике ученых?

Поверхностное объяснение этого факта, констатация которого казалась бесспорной в середине 60-х гг., но вряд ли сохранила силу в последующие годы, указывало на несовместимость эмпирического темперамента британцев и глобальных объяснений жизни и истории, свойственных марксизму.

Надо заметить, что такое некогда расхожее объяснение нуждается в уточнении. Ведь, как было показано ранее, "Капитал" Маркса воспринимался в духе британской эмпирической традиции как "Монблан фактов", как со-

---

¹⁰Почти в тех же выражениях пишет об этом Б.Рассел в своей "Истории западной философии" в главе о Марксе, изъятая в русском издании труда: "Британская лейбористская партия иногда, казалось, двигалась в этом направлении, но, тем не менее, так и осталась сторонницей эмпирического типа социализма. Многие интеллектуалы, впрочем, испытали глубокое влияние марксизма как в Англии, так и в Америке[145, p.791].

лиднейшее эмпирическое исследование. Более приближенным будет утверждение, что ассимиляции двух философских традиций препятствуют различия онтологических установок. Марксизм ориентирован на изначальную неисчерпаемость сущего, английский эмпиризм - на номиналистический атомизм.

Но всегда ли и безраздельно ли господствовал номинализм в философской традиции Британии? Не говоря уже о кембриджских платониках и представителях шотландской школы философии здравого смысла, сошлемся на относительно недавний пример неогегельянства [см.22].

Подрыв влияния школы неогегельянства Б.Расселом и Д.Э.Муром, погружение британской философии в топи лингвистического анализа еще более усложнило задачу прочтения Маркса. Как отмечает Тэйлор, лингвистическая философия представляла возврат к традиции философского эмпиризма и одновременно реакцию против гегельянства [80, p.236].

Сходные суждения высказываются некоторыми авторами из журнала радикальной философии [143, N.14]. Уже упомянутый Каллиникос называет диалог между марксизмом и аналитической философией за редким исключением диалогом глухих [110, p.4].

В морально-политической сфере сдерживание марксизма Тэйлор видит, и в этом он не оригинален, в продолжительном господстве британской либеральной традиции¹¹, с ее недоверием к мистике, с утилитаристскими склонностями к индивидуализму.

Не успели просохнуть чернила, которыми была написана статья Тэйлора, как уже в сборнике, посвященном теории и истории культуры, "новые левые" Р.Блекборн и П.Андерсон выступили со статьями "Репрессивная культура. Краткий путеводитель по буржуазной идеологии" и "Компоненты национальной куль-

---

¹¹ Можно вспомнить хотя бы рецензию в "Mind" 1936 г. (см.гл.2, 2).

туры". Их подход к особенностям распространения марксизма в Великобритании более широк. Проблема сформулирована так: при наличии явного дифференцированного развития марксизма в Европе в 50-60-х гг. Англия осталась в целом равнодушна к нему. Как это объяснить с точки зрения культуры?

Ответ видится автором в отсутствии в Британии общесоциологической теории, аналогичной теории, созданной М.Вебером и В.Парето. Отсутствие тотальной буржуазной теории - показатель слабости революционного движения в Великобритании, которое не обеспокоило всерьез правящий класс. Вот почему он не считал необходимым выдвинуть альтернативную глобальную теорию.

Из данного тезиса ясно, что глубинной причиной является слабость революционного движения на Британских островах. Однако, нет ответа на вопрос, почему оно слабо.

Более интересна оценка английского гегельянства, которое могло бы стать, но не стало, как мы видели, питательной средой для усвоения марксистской философии. Блекберн констатирует, что английские неогегельянцы отвергают не только материалистическую, но и идеалистическую диалектику. Гегелевскую идею до сих пор нужно разбавлять водой, чтобы сделать приемлемой для слабых желудков современных обществоведов. Это знаменует процесс "одомашнивания" Гегеля. Его представляют добрым старым либералом в душе, тевтонским Миллем или... Ясперсом XIX в. Та и другая попытка игнорируют революционное зерно диалектики Гегеля [137, p,211].

Со своей стороны П.Андерсон указывает, что, поскольку правящий класс Британии не имел нужды создавать альтернативную универсальную социологическую теорию, не опасаясь социалистической революции в Англии, то обращение ее идеологии к Гегелю преследовало не критическую цель - разгрома теологии, как это

сделали младогегельянцы, а стремление получить философскую поддержку против угрожающего роста влияния естественных наук.

В результате Грин, Бозанкет и Бредли благополучно пристали к спокойным берегам традиционного христианского пиетизма викторианского среднего класса.

Андерсон отмечает, что восприятию рационалистической диалектики мешали традиции номинализма, которые влияли на разные стороны английской культуры. Все эти тенденции привели к тому странному положению в послевоенной Великобритании, когда в отсутствие мощного революционного движения культура была организована вокруг отсутствующего центра. Философия ограничилась техническим изобретательством специального языка. Политическая теория оказалась отрезанной от истории, история - оторванной от политических разработок идей. Экономическая наука оторвана и от истории, и от политики. Эстетика сведена к психологии. Для такой "хлороформной" культуры характерно стремление к статус кво и индивидуалистическому атомизму [см.137, р.202].

Статья кончается констатацией того факта, что студенты берутся за разработку основ философии марксизма, и это знаменует грядущий перелом, что внушает автору определенные надежды.

На это же обращает внимание и Рой Еджли в сборнике "Маркс и марксизм" (1982). Еще 15 лет назад, пишет он, извинительно было думать о марксизме как об умирающей, вырожденной форме, окаменелом реликте теорий Маркса. Сегодня очевидно оживление интереса к Марксу всюду, даже в Англии, даже среди интеллектуалов и даже в английской философии [см.126, р.24].

Процесс развития марксизма в философском и организационном плане с 1957 г. анализируется Р.Уильямсом в журнале "Нью Лефт Ревю" [см.132, N.100, р.85]. Р.Уильямс отмечает смещение вправо марксистской терминологии. Марксизмом теперь называют

то, что раньше звалось социал-демократизмом. Отмечая легитимизацию марксистской теории, автор также обращает внимание на решительное включение марксизма в ранг строго академических дисциплин.

Приведенные факты и их осмысление заставляют нас ставить вопрос об известной самооценности, независимой от прагматики, фундаментальных философских исследований, так же как и о снятии взаимного отлучения ортодоксального и неортодоксального марксизма. Должны быть найдены новые критерии их различия. Может быть, формальные. Так, для ортодоксального марксизма характерно наиболее полное восприятие марксистского учения во всех его составных частях, попытка обосновать его целостность. Поэтому ортодоксы не приемлют тенденцию отторжения различных элементов учения Маркса, трудовой теории стоимости, диалектики и т.п. Ортодоксы стремятся интегрировать в сложившееся представление об эволюции и инвариантном содержании марксизма новооткрытые тексты. Так было с публикациями "Диалектики природы", "Немецкой идеологии", "Философских тетрадей", "Экономическо-философских рукописей", первоначального варианта "Капитала". В отличие от такого подхода "неортодоксы" готовы противопоставлять раннего Маркса - позднему, Маркса - Энгельсу, Энгельса - Ленину, раннего Ленина - позднему и т.д. Ясно одно - односторонние, с претензией на конечную истину, интерпретации марксизма потеряли кредит. Как любая теория в нормальном научном сообществе, он исследуется, обсуждается свободно и без претензий на окончательный результат. Освобождаясь от политических и социальных амбиций, деидеологизированный марксизм, и в частности диалектика, начинает новую жизнь respectable академической дисциплины, интегрированной в программы высшего образования Великобритании и в процесс развития современной духовной культуры. Но пристальное изучение этого процесса, выявление его способностей и перспективы марксистской философии - тема особого исследования.

Библиография

1. *Абрамов М.А.* "Материализм и эмпириокритицизм" в Англии. Первые отклики//Материализм и эмпириокритицизм в России и за рубежом (новые материалы). М.,1990.
2. *Беллами Э.* Будущий век (через 100 лет). Пг.,1918.
3. *Бер М.* История социализма в Англии. Л.,1924.
4. *Бернштейн Э.* Годы моего изгнания. Симферополь,1923.
5. *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Спб.,1906.
6. *Богомолов А.С.* Английская буржуазная философия XX века. М.,1973.
7. Большевик. 1951. Орган ЦК ВКП(б).
8. *Виноградов В.И.* У истоков лейбористской партии. М.,1961.
9. *Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. М.,1937.
10. *Галкина Л.А.* К критике идеологии фабианства. М.,1984.
11. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М.,1974.
12. *Грецкий М.Н.* Историческое и логическое в учении Маркса об общественном развитии//Филос. науки. 1983. N3.
13. Дialeктика и ее критики. М.,1986.
14. *Дионео (И.В.Шкловский).* Очерки современной Англии. Спб.,1903.
15. *Дицген И.* Аквизит философии. Письма о логике. М.,1913.
16. Империализм и борьба рабочего класса. Памяти академика Ф.А.Ротштейна. М.,1960.
17. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1953.
18. *Кант И.* Собрание сочинений. М.,1964. Т.2.
19. *Карлинер М.М.* Рабочее движение в Англии в годы I мировой войны. 1914 - 1918. М.,1961.
20. *Кертман М.Е.* Борьба течений в английском рабочем и социалистическом движении. М.,1962.
21. *Киссель М.А.* Учение о диалектике в буржуазной философии XX века. Л.,1960.
22. *Коллингвуд Р.Д.* Идея истории. Автобиография. М.,1980.
23. Коммунистический Интернационал в документах. М.:Л.,1919-1933.
24. *Корнфорт М.* Диалектический материализм. М.,1954.

25. *Корнфорт М.* Марксизм и лингвистическая философия. М.,1968.
26. *Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. М.,1972.
27. *Коуль Д.* Гильдейский социализм. М.,1925.
28. *Кривогуз И.И.* Второй Интернационал 1889-1914. М.,1964.
29. Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаций марксизма-ленинизма. М.,1980.
30. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.,1988.
31. *Крэк У.* Критическая история современного рабочего движения в Англии. М.,1924.
32. *Кушина В.А.* Карл Маркс и английское рабочее движение 1845-1883. М.,1968.
33. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.,1971-1975.
34. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. 1955-1981.
35. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1861 гг. Ч.1-2. М.,1980.
36. *Маркс К., Энгельс Ф.* Письма о "Капитале". М.,1986.
37. *Меттен Л.* Социализм в Англии. Современные тенденции и пропаганда. Спб.,1898.
38. *Михаленко Ю.П.* Новая марксистская историко-философская литература в Англии//Ленинизм и современные проблемы историко-философской науки. М.,1970.
39. *Морли Д.* Дидро и энциклопедисты. М.,1870.
40. *Моррис У.* Искусство и жизнь. М.,1973.
41. *Мортон А.Л., Тейт Д.* История английского рабочего движения. 1770-1920. М.,1959.
42. *Мочалов Л.В.* Марксистско-ленинская оценка фабианского социализма. М.,1976.
43. *Нарский И.С.* Марксистский ответ К.Попперу//*Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. М.,1972.
44. *Оруэлл Д.* "1984" и эссе разных лет. М.,1989.
45. *Песчанский В.В.* Современное рабочее движение в Англии. М.,1963.
46. *Подкуйченко В.П.* Марксистская философия в современной Англии. М.,1975.
47. *Помогаева Е.Ф.* Английский ученый о марксизме//*Книга и пролетарская революция.* 1939. N3.
48. *Помогаева Е.Ф.* Философская реакция 70-90 гг. Абсолютный идеализм//История философии. Т.3. М.,1959.
49. *Помогаева Е.Ф.* Распространение философских идей марксизма в Англии//Там же. Т.5. М.,1961.

50. *Помогаева Е.Ф.* Влияние идей В.И.Ленина на марксистскую философскую мысль в Англии и США//Теоретическое наследие В.И.Ленина и современная философская наука. М.,1974.
51. *Помогаева Е.Ф.* Марксистская философия в Англии//Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах М.,1984.
52. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М.,1988.
53. *Раскин З.М. (Новозыбков).* Образование и раскол социал-демократической федерации в Англии//Новая и новейшая история. 1961. №3.
54. *Рассел Б.* История западноевропейской философии. М.,1959.
55. *Рассел Б.* Почему я не христианин? М.,1987.
56. *Ротштейн Ф.* Очерки по истории английского рабочего движения. М.,1925.
57. Социализм в Англии. Спб.,1907.
58. *Сталин И.В.* Сочинения. М.,1946-1954.
59. *Туполева Л.Ф.* Социалистическое движение в Англии в 80-х гг. XIX века. М.,1973.
60. *Вэбб С. [Уэбб С.]* Социализм в Англии. Пг.,1918.
61. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М.,1958.
62. *Фишер А.* В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего 1890-1921. М.,1922.
63. *Хофман Д.* Марксизм и теория прaxisа. М.,1978.
64. Экономика и политика Англии после второй мировой войны. М.,1958.
65. Экономика и политика стран современного капитализма. М.,1972.
66. *Adams H.* Karl Marx in his earlier writing. L.,1940.
67. *Adler M.D.* Dialectica. L.;N.Y.,1927.
68. American Historical Review. N.Y.,1974. 79.
69. *Anderson P.* Consideration on Western Marxism. L.,1976.
70. *Anderson P.* Arguments in Frame of British Marxism. L.,1980.
71. *Arnot R. Page.* William Morris. The Man and the Myth. L.,1964.
72. Aspects of Dialectical Materialism.L., 1934.
73. *Bax E.B.* Problem of Reality. N.Y.,1892.
74. *Bax E.B.* Handbook of History of Philosophy. L.,1906.
75. *Bax E.B.* Essays on Socialism. New and Old. L.,1907.
76. *Bax E.B.* Reminiscences and Reflection of Mid and Late Victorian. L.,1918.
77. *Bax E.B., Morris W.* Socialism, his Development and Outputs. L.,1893.
78. *Bell T.* Pioneering Days. L.,1941.
79. *Blatchford R.* A Merry England. Letters to John Smith. Chicago,1907.

80. **British Analytical Philosophy.** N.Y.,1966.
81. **Clyton J.** Rise and Decline of Socialism in Great Britain. 1884-1924. L.,1936.
82. **Cole G.D.H.** What Marx Really Meant. L.,1934.
83. **Cole G.D.H.** History of Socialist Thought. Vol.1-3. L.,1954-1956.
84. **Cole G.D.H.** The Post-war condition of Britain. L.,1956.
85. **Cole G.D.H., Postgate R.** British Common People 1746-1938. L.,1939.
86. **Cornforth M.** Communism and Philosophy. L.,1980.
87. **Culture and Crisis in Britain in 30s.** L.,1979.
88. **Cuper R.** Logical Influence Hegel on Marx. Sietle,1925.
89. **Eastman M.** Marx, Lenin and Sciences og Revolution. L.,1926.
90. **Eastman M.** The Last Stand of Dialectical Materialism. N.Y.,1934.
91. **Encyclopedia of Philosophy.** L.;N.Y.,1972.
92. **Essays in Labour History in Britain. In Memory Cole.** L.,1960.
93. **Fox R.** The Class straggle in Britain. L.,1934. P. 1.
94. **Haldane J.B.S.** The Marxist Philosophy and the Science. L.,1938.
95. **Harrison L.** Before Socialism. Studies in Labour and Politics 1861-1881. L.,1965.
96. **Hegel.** N.Y.,1972.
97. **Holder H.** Neo-Hegelianism. L.,1927.
98. **Hook S.** To Understanding of K.Marx. N.Y.,1933.
99. **Hook S.** From Hegel to Marx. L.,1936.
100. **Hulse J.W.** Revolutionaries in London. A Study of Five Unortodoxal Socialists. Oxford,1976.
101. **Hyndman H.M.** England for All. L.,1881.
102. **Hyndman H.M.** Historic Basis of England. L.,1883.
103. **Hyndman H.M.** The Record of Adventures Life. L.,1911.
104. **Hyndman H.M.** Further Reminiscences. L.,1912.
105. **Gould F.J.** Hyndman Prophet of Socialism. 1842-1921. L.,1928.
106. **Issues in Marxist Philosophy. Vol.1. Dialectics and Method.** 1978; Vol.2. Materialism. Atlantic Highlands. N.Y. 1979.
107. **Jackson T.** Dialectics. The Logic of Marxism and its Critics. Essays in Exploration. L.,1936.
108. **Jackson T.** Solo Trumpeth. L.,1958.
109. **Jordan Z.A.** Evolution of Dialectical Materialism. N.Y.,1967.
- 109 a. **Justice.** The Organ of the Social Democracy. L.,
110. **Kallinicos A.** Marxism and Philosophy. Oxford,1983.
111. **Kendal W.** The Revolutionary movement in Britain 1900-1921. The Origin of British Communism. L.,1969.
112. **Keynes J.M.** The End of Laisser-faire. L.,1926.
113. **Kendall W.** The Revolutionary Movement in Britain 1900-1924. The Origin of British Conumunism. L.,1969.
114. **Labour Monthly.** A Magazin of Labour Unity. L.,

115. *Lachs J.* Marxist Philosophy. A Bibliographical Guide. Chapel Hill, 1967.
116. *Lexicon of Marxist Thought.* L.,1983.
117. *Lewis J.* Marxism of Marx. L.,1972.
118. *Lindsay A.D.* Karl Marx's Capital. Introduction. L.,1925.
119. *Lind H.M.* Englan in Eighteen Eightes. To social Basis of Freedom. L.,ets.,1945.
120. *McBriar A.M.* Fabian Socialism and English Politics. 1884-1918. L.,1962.
121. *McDonald R.* Socialism and Societe. L.,1908.
122. *Mahon J.* Harry Polit. Biography. L.,1976.
123. *McIntyre S.* Proletarian Science. Marxism in Britain. (1919-1933) L.,1980.
124. *McLellan D.* Marxism after Marx. L.,1979.
125. *McMurry J.* Philosophy of Communism. L.,1933.
126. *Marx and Marxism.* Cambridge univ.press. 1982.
127. *Marxism.* L.,1935.
128. *Marxism Today.* Theoretical and discussion journal of The Communist Party. L.,
130. *Mind.* L.,
131. *Morris W.* Selected writings and Designers. Pinguins Book.,1977.
132. *New Left Review.* L.,
133. *Pearson S.* Marxism and Origin of British Socialism. The Struggle for a new consciences. Ithaka, etc.,1973.
134. *Pease E.R.* The History of Fabian Society. L.,1925.
135. *Pelling H.* The Britain CP. A Historical Profil. L.,1958.
136. *Pelling H.* The Origin of Labour Party. L.;N.Y.,1954.
137. *Pinguin Special Student Power.* 1969.
138. *Plamenatz J.* German Marxism and Russian Socialism. L.,1954.
139. *The Plebs.* Organ of the National Council of Labour colleges.
140. *Popper K.R.* The Open Society and its Enemies. L.,1957.
141. *Postgate R.* Karl Marx. Humilton publisher. L.,1933.
142. *Quarterly review.* L.,1883.
143. *Radical Philosophy.* L.,1976.
144. *Russel B.* The Practice and Theory of Bolshevism. L.,1962.
145. *Russel B.* A History of Western Philosophy. N.Y.,1945.
146. *Shafetesbury A.* Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times. L.,1900.
147. *Science on Crossroad.* L.,1971.
148. *Slavic review: A mer.quart. of Sov.a. East Europ. Studies.* Stautford (Calif.)
149. *Social Democracy in Britain. 50 years of Socialist Movement.* L.,1935.
150. *Sweezy R.* Socialism. Toronto. N.Y.-L.,1949.

151. *Thompson E.P.* William Morris, Romantic to Revolutionary. L.,1955.
152. *Tsudzuki H.M.* Hyndman and British Socialism. Oxford,1961.
153. *Tucker R.* Philosophy and Myth in Karl Marx. Canbridge,1961.
154. *Ulam A.* Pholosophical Foundamentation of British Socialism. Cambridge,1951.
155. *Vuclnich A.* Empire of Knowledge. Academy of Science of USSR (1917-1970). Stantford Univer.Califor.press.,1984.
156. *Webb S.* Constitution of Socialist Commonwealth. L.,1920.
157. *Wood N.* British Intellectual and Communism. L.,1959.

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Марксизм в викторианской Англии	8
1. Англия в последние годы жизни Маркса и Энгельса. Г.М.Гайдман - основатель английской социал- демократии	8
2. Е.Б.Бакс и метафизика марксизма	33
3. У.Моррис - провозвестник этики и эстетики будущего	46
4. Рабочее движение и вопросы социалистической теории в конце XIX - начале XX века	56
Глава II. Между двумя мировыми войнами. Образование компартии Великобритании. Начало теоретических разработок проблем диалектики в 20-е и "красные" 30-е годы	73
1. Образование КП Великобритании и распространение марксизма в 20-е годы	73
2. "Красные тридцатые" и вопросы диалектики в академической литературе	94
3. Естествоиспытатели и марксистская диалектика	114
4. Ортодоксальный марксизм и проблемы диалектики. "Диамат"	124

Глава III. Вопросы материалистической диалектики в послевоенной Англии	137
1. Первые послевоенные годы (Б.Рассел и К.Поппер о диалектике)	137
2. Свежие теоретические силы в компартии Великобритании. Прощание с "диаматом".....	152
3. Демонополитизация марксизма.....	179
4. Открытый марксизм? На переломе. (Вместо заключения).....	185
Библиография	203

Научное издание

АБРАМОВ Михаил Александрович

ДОГМЫ И ПОИСК (*сто лет дискуссий о диалектике в английской философии*)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Редактор *Л.Ф.Пирожкова*
Художник *В.К.Кузнецов*
Корректор *Т.М.Романова*

Лицензия ЛР №020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 24.02.94.
Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 6,62. Уч.-изд.л. 9,89. Тираж 500 экз. Заказ №010.

Компьютерный набор и верстка оригинала-макета осуществлены
в Институте философии РАН 119842, Москва, Волконка, 14
Операторы: *М.А.Корзо, М.В.Лескинен, М.А.Шулькина*
Программист *Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119942, Москва, Волконка, 14